

115,779a

9 октября 1894

КЪ ИСТОРИИ ЭПИДЕМІЙ

ДРЕВНЯГО МІРА

ДИССЕРТАЦІЯ

А. Н. УСТИНОВА.

Прозектора Импер. Московскаго Воспитательнаго Дома.

МОСКВА.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА.
ЛВОНТЬЕВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. МАМОНТОВА.

1894.

КЪ ИСТОРИИ ЭПИДЕМИЙ

ДРЕВНЯГО МІРА

ДИССЕРТАЦІЯ

А. Н. УСТИНОВА.

Прозектора Импер. Московскаго Воспитательнаго Дома.

МОСКВА.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОКЪ, Д. МАМОНТОВА.

1894.

Печатано съ разрѣшенія Медицинскаго Факультета Императорскаго Юрьевскаго Университета. Юрьевъ 2 декабря 1894 г.

Деканъ С. Васильевъ.

Цензоры—Проф. д-ръ В. Н. Поповъ, Проф. д-ръ А. П. Губаревъ,
Проф. д-ръ С. М. Васильевъ.

Война, — это травматическая эпидемія, — сказалъ я, и это не одна только фраза, не одно сравненіе. Comparaison n'est pas raison, — это я знаю. И я не сравниваю, а прямо утверждаю, что война имѣетъ всѣ свойства эпидеміи.

Н. Пироговъ.

D 127706

ВВЕДЕНИЕ.

Les annales de l'histoire ne sont guère
que le récit de ses émigrations, de ses
immigrations, de ses acclimatements.

Bertillon.

Отсутствіе твердо установившихся взглядовъ на причины возникновенія повальныхъ болѣзней въ видѣ пандемій дало намъ поводъ обратиться къ изученію исторіи повальныхъ болѣзней, въ надеждѣ на то, что именно въ исторіи, быть можетъ, скорѣе удастся найти руководящую нить, на чемъ въ особенности настаивалъ столь компетентный изслѣдователь, какъ Нескеръ.

Однако, первыя же наши попытки разобраться въ обширномъ матеріалѣ натолкнули насъ на значительное разнообразіе точекъ зрѣнія различныхъ авторовъ и привели насъ къ заключенію, что сколько нибудь вѣрный взглядъ на историческія событія мы можемъ получить только уяснивши себѣ главный отправной пунктъ нашихъ изслѣдованій.

Къ счастью, современное состояніе ученія о заразныхъ болѣзняхъ, благодаря бактериологіи, настолько подвинулось впередъ, что даетъ возможность, съ одной стороны, разобраться въ многочисленныхъ противорѣчіяхъ эпидемиологовъ, а съ другой—составить болѣе или менѣе приблизительно вѣрное представленіе о главнѣйшихъ факторахъ, способствующихъ появленію эпидемій, охватывавшихъ нерѣдко цѣлыя страны.

При нашихъ изслѣдованіяхъ оказалось, что связь между войнами и пандеміями, отмѣченная большинствомъ современниковъ и историковъ,—не случайная; что эти два историческія явленія тѣсно и роковымъ образомъ связаны между собой, и этимъ объясняется появленіе пандемій въ такъ называемыя переходныя историческія эпохи.

Въ нашихъ попыткахъ ближе уяснить себѣ сущность этой связи, мы пришли къ заключенію, что связь эта наиболее обстоятельно анализирована Н. И. Пироговымъ; взгляды и выводы покойнаго начали слагаться еще во время его профессорской дѣятельности въ стѣнахъ нынѣшняго Юрьевскаго Университета и окончательно установились въ теченіе Севастопольской кампаніи и слѣдовавшихъ за ней пяти послѣднихъ войнъ, при томъ выводы эти находятся въ полномъ согласіи съ результатами, добытыми бактериологіей. Эти взгляды Пирогова и положены нами въ основу нашего опыта.

Въ 1864 году, въ своихъ „Grundzüge der Kriegschirurgie“, изданныхъ въ Дрезденѣ *), Пироговъ высказалъ главную мысль, неустанно проводимую имъ въ теченіе всей послѣдующей дѣятельности, — что эпидеміи вспыхиваютъ съ неудержимой силой, какъ только забываютъ, что главнѣйшей предупредительной мѣрой служить — изолированіе и разсѣяніе больныхъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже 30 лѣтъ, наши знанія природы заразныхъ болѣзней, благодаря бактериологіи, — достигли, въ столь короткій, относительно, промежутокъ, такой полноты и отчетливости, какая далеко превзошла самыя смѣлыя мечты и ожиданія... Теперь, въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, истекаетъ уже 1894 годъ. Не слишкомъ ли мы запоздали, даже въ историческомъ обзорѣ, повторяя взгляды и положенія Пирогова, сдѣлавшіеся общимъ мѣстомъ? Пусть отвѣтомъ на это замѣчаніе послужатъ 2 факта. Въ 1887 году, на второмъ *Пироговскомъ съѣздѣ* врачей въ Москвѣ, д-ръ Вертенсонъ дѣлалъ въ секціи гігіены докладъ: „Госпитальная гігіена въ связи съ вопросомъ о профилактикѣ инфекціонныхъ заболѣваній“, въ которомъ докладчикъ напомнилъ секціи основныя требованія Пирогова и привелъ литературу. Сущность своего сообщенія авторъ изложилъ въ девяти положеніяхъ, изъ которыхъ шестое положеніе таково:

6. Признать болѣзни: дифтеритъ у взрослыхъ, скарлатина, бѣшенство, натуральную оспу, рожу, тифъ сыпной и возвратный, туберкулезъ и септичeskія хирургическія заболѣванія, за заболѣванія, требующія, подѣ страхомъ законной отвѣтственности, индивидуальной изоляціи больныхъ.

Это шестое положеніе, очевидно, есть не что иное, какъ основной выводъ Пирогова изъ всей его многолѣтней дѣятельности. И, тѣмъ не менѣе, въ Трудяхъ Съѣзда мы читаемъ (Т. I, Москва, 1887 г.):

„Сообщеніе I. В. Вертенсона вызвало возраженіе лишь со стороны П. С. Евсѣенки, который замѣтилъ, что 6-ое положеніе референта не можетъ быть принято, такъ какъ земскія больницы не удовлетворяютъ требованію индивидуальной изоляціи и врачамъ пришлось бы, подѣ страхомъ законной отвѣтственности, отказываться въ пріемѣ заразнымъ больнымъ“. О необходимости же стремиться къ тому, чтобы поставить больницы въ такія условія, чтобы этотъ „страхъ законной отвѣтственности“ надалъ самъ собою, — къ сожалѣнію, ни слова. А каково значеніе этого злополучнаго шестаго пункта, который „не можетъ быть принятъ“ — т. е. другими словами, основнаго требованія Пирогова, можно судить по слѣдующимъ заключительнымъ словамъ отчета E. Roux: „Триста случаевъ дифтеріи, леченныхъ противодифтеритною сывороткою, — E. Roux, I. Martin и A. Chaillon, 1894 г.“ *).

„Читатель этой работы, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ большимъ числомъ осложнений, замѣченныхъ у нашихъ дифтеритныхъ дѣтей **).

Въ ней такъ много говорится о кори, скарлатинѣ, бронхоневмоніи, что онъ имѣетъ полное основаніе думать, что мы дѣйствовали не въ специальномъ отдѣленіи для дифтеритныхъ больныхъ, но въ общихъ палатахъ для всѣхъ заразныхъ болѣзней. Къ несчастію, совершенно справедливо, что нашъ дифтеритный павильонъ отчасти представляетъ мѣсто, гдѣ встрѣчаются другъ съ другомъ почти всѣ заболѣванія дѣтей, а это, *всякій признастъ*, нельзя считать благопріятнымъ условіемъ для леченія. Несмотря на это, полученные нами результаты столь не похожи на тѣ, которые получались раньше, что лучший способъ сдѣлать окончательное заключеніе — это привести ихъ еще разъ.

300 дѣтей, страдавшихъ несомнѣннымъ дифтеритомъ и леченныхъ сывороткою, дали смертность въ 26%, вмѣсто обычныхъ 50%.

Можно ли добиться еще лучшаго? Мы убѣждены, что это возможно; но такое улучшеніе будетъ зависеть не отъ какою-нибудь лѣкарства, а явится послѣдствіемъ улучшенія въ устрой-

*) Trois cents cas de diphtérie traités par serum antidiphthérique, Annales de l'Institut Pasteur, 1894, № 9 Septembre.

**) 33 случая кори, 13 — скарлатины, 6 — туберкулеза, 3 — коклюша, 3 — варицеллы, 39 — бронхоневмоній; 33 — дифтеритика, заболѣвшие корью, дали 6 смертныхъ исходовъ; у 15 изъ нихъ, которымъ была сдѣлана трахеотомія, у 4 была корь одновременно съ дифтеріей (2 умерло), а у 11 она появилась послѣ удаленія канюли (1 смерть).

*) Русское изданіе вышло въ слѣдующемъ, 1865 г.

ствъ отдѣленій въ больницахъ, хотя мы очень опасаемся, что для этого потребуются еще болше времени, чѣмъ сколько было нужно для открытія мѣченія сывороткою.

Я не исполню своего долга, если не укажу на очень дурную организацію отдѣленій для дифтеритныхъ больныхъ въ парижскихъ больницахъ. Благодаря достойной сожалѣнія системѣ передвиженія, въ дифтеритномъ павильонѣ врачъ мѣняется каждые три мѣсяца, а старшіе врачи также поочередно получаютъ его въ свое завѣдываніе. Для того, чтобы больничное отдѣленіе велось хорошо, нужно, чтобы дифтеритное отдѣленіе оставалось въ рукахъ постояннаго врача, обязаннаго быть специалистомъ по этой болѣзни, а въ его распоряженіи—постоянные помощники и персоналъ, которые сдѣлаются тогда дѣйствительными сотрудниками въ его дѣлѣ.

Устройство госпиталей также не удовлетворяетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ гигиены. Въ дѣтской больницѣ имѣется палата для мальчиковъ и палата для дѣвочекъ, съ отдѣленіемъ на одномъ изъ ихъ концовъ для изолированія. Вслѣдствіе этого въ одной и той же палатѣ содержатся и коревые, и скарлатинозные больные. Столь опасная для оперированныхъ бронхопневмонія въ ней постоянно царитъ, несмотря на усилія врачей, интерновъ и прочаго персонала. Директоръ больницы (L'Hôpital des Enfants-Malades) съ величайшей охотой даетъ согласіе на дезинфекцію, но стоитъ поступить одному зараженному ребенку, чтобы все снова загрязнить. Особенно страшно становится бронхопневмонія зимою, когда павильонъ наполненъ, а окна остаются запертыми. Безусловно необходимо изолировать не только дифтерію, сопровождаемая корью и скарлатиною, но и жабы и ассоціированные крупы. Сверхъ того, хорошо устроенный дифтеритный павильонъ долженъ допускать соединеніе въ общихъ палатахъ только выздоравливающихъ дѣтей, пробывшихъ въ больницѣ болше 15 дней. Всякій поступающій подозрителенъ и долженъ быть изолированъ какъ бы запертый въ ящикъ, который легко дезинфицировать и расположить такъ, чтобы ухаживающій персоналъ не могъ переносить заразы отъ одного къ другому“.

E. Roux.

Не слышится ли въ этомъ горькомъ, но правдивомъ признаніи, изъ-за дѣйствительно „скорбнаго“ больничнаго листа, голосъ покойнаго многоопытнаго Н. И. Пирогова—„Опытъ и старость, къ сожалѣнію, указываютъ, слишкомъ наглядно, человѣку на границы его значенія и власти надъ природой. Я далекъ отъ увлеченія, и

повторяю, что всѣ наши усилія въ борьбѣ съ травматическими заразами только до известной степени могутъ быть успѣшны. Но мы обязаны всѣми способами предотвращать переносъ этихъ контактіи на другихъ раненыхъ и тѣмъ уничтожать въ корнѣ угрожающее развитіе общихъ піэміи и септицеміи, при скопѣ тяжело раненыхъ въ одномъ помѣщеніи. Чтобы не утверждали антиконтактионисты, но имъ не удастся поколебать заслуженную репутацію карантинновъ. И вотъ эту-то карантинную систему—позолпрованіе раненыхъ,—я и защищаю, видя въ ней самое вѣрное средство и противъ травматическихъ заразъ... Какъ бы госпитали ни были устроены, они тогда только достигнутъ своей цѣли, когда администрація позаботится, во-первыхъ, разсѣять раненыхъ и больныхъ въ различныхъ и, сколько возможно, болше отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, и, во-вторыхъ, когда она будетъ имѣть достаточное число запасныхъ палатъ или зданій, для періодическаго перемѣшенія больныхъ. Госпитальныя міазмы не такъ летучи, чтобы уничтожаться одною вентиляціей; поэтому и опредѣленіе количества воздуха кубиками хорошо только для предохраненія отъ міазмъ, развивающихся въ спертотъ воздухѣ, а не отъ прилитчивыхъ заразеній“.

(Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингін и Эльзасѣ въ 1871 г. Спб. 1871).

Если пренятствіемъ къ общему признанію мыслей, высказанныхъ Пироговымъ, являлось, быть можетъ, то обстоятельство, что онѣ были высказаны хирургомъ, а не гигиенистомъ или терапевтомъ, то нельзя не поставить въ заслугу бактериологін, что она уничтожаетъ эти искусственныя грани, показывая, что хирургическія, терапевтическія и гигиеническія „контактии и міазмы“, по существу своему, не представляютъ обособленныхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго,—группъ, не говоря уже о томъ, что необходимая для возможно ранняго принятія неотложныхъ мѣръ точная діагностика во многихъ случаяхъ можетъ быть поставлена только съ помощію бактериологическаго изслѣдованія; а какія перспективы открываетъ бактериологія не только въ дѣлѣ предупрежденія, но и въ самой трудной задачѣ медицины, въ лѣченіи заразныхъ болѣзней—въ настоящее время это уже не требуетъ особыхъ доказательствъ.

Что дѣйствительно эпидеміи вспыхиваютъ съ неудержимой силой, всякій разъ когда забываютъ или не знаютъ, что лучшая мѣра предупредить ихъ есть изолированіе и разсѣяніе больныхъ; что, другими словами, скученность, среди всѣхъ другихъ условій, благо-

пріятствующихъ появленію повальныхъ болѣзней, занимаетъ первое мѣсто—это болѣе или менѣе ясно можно прослѣдить во всей исторіи эпидемій, обратится ли мы къ періоду наиболѣе пышнаго расцвѣта философскаго, политическаго и художественнаго творчества греческаго гения, къ мрачной ли эпохѣ чумныхъ эпидемій, или къ ближайшимъ къ намъ эпохамъ. Всюду одно и то же; но эпидемія и эпидемія и въ наше время продолжаютъ болѣе всего гнѣздиться тамъ, гдѣ населеніе наиболѣе скучено въ ограниченныхъ пространствахъ. Въ видѣ иллюстраціи приведемъ слѣдующій художественный рассказъ Оукидида объ афинской чумѣ, долгое время служившій образцомъ описанія для позднѣйшихъ авторовъ и потому переданный нами возможно ближе къ подлиннику.

Этимъ рассказомъ начинается достоверная писанная исторія эпидемій; на попыткахъ критически отнестись къ нему можно прослѣдить послѣдовательное развитіе взглядовъ на сущность заразныхъ болѣзней; кромѣ того, рассказъ этотъ подтверждаетъ и другую главную мысль Пирогова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древнее изреченіе дельфійскаго оракула, которое вспомнили афиняне:

Ἦξει ὁ Δωριακὸς πολεμὸς καὶ ἄρα ὁ λοιμὸς.

Будетъ Дорійскій походъ, а съ нимъ моровая и язва.

„Въ самомъ началѣ лѣта (въ мартѣ 430 г.) пелопонезцы и двѣ трети союзниковъ (около 40000 чел.) вторглись, какъ и прошлый годъ, въ Аттику, подъ предводительствомъ лакедемонскаго царя Архидама Зевксидамова сына, и, расположившись лагеремъ, стали опустошать страну. И еще немного дней пробыли они въ Атикѣ, какъ среди афинянъ впервые стала появляться болѣзнь (*ἡ νόσος*); хотя и говорятъ, что она еще раньше охватила (*ἐγκатаσκήραι*) многія мѣста, Лемносъ и другія страны, но такой моровой язвы (*λοιμὸς*) и такой гибели (*φτορά*) людей нигдѣ не запомнятъ. И врачи не помогали, впервые подавая помощь въ болѣзнь, совершенно имъ неизвѣстной, но сами болѣе всѣхъ умирали, ибо чаще и болѣе другихъ имѣли дѣло съ больными,—да и вообще человеческое искусство было бесполезно. Сколько ни молились предъ святынями, сколько ни вопрошали оракуловъ и тому подобное, все было тщетно, наконецъ, оставили и это, осиленные бѣдствіемъ.

Началась болѣзнь, какъ говорятъ, прежде всего съ Эѳіопіи, за Египтомъ, потомъ спустилась въ Египетъ и Ливію, и большую часть персидскаго царства; Афины же поразила внезапно, и прежде всего поразила людей въ Ширѣѣ, почему и прошелъ отъ нихъ слухъ,

будто пелопонезцы бросили ядъ въ цистерны: водопроводовъ тогда еще не было (проведена вода въ 414 году); позже болѣзнь проникла и въ городъ, и умирать стало уже гораздо больше. Каждый долженъ высказаться объ этой болѣзни, что онъ знаетъ, и врачъ и не врачъ, отъ чего вѣроятнѣе всего произошла она, о причинахъ, какія въ состояніи, но его мнѣнію, имѣть достаточно силы, чтобы вызвать такіа перемѣны; расскажу и я, какъ было дѣло, на основаніи чего и другіе могли бы, въ случаѣ новаго появленія, лучше разобраться и узнать болѣзнь,—расскажу все это потому, что и самъ перенесъ и самъ же видѣлъ, какъ другіе страдали.

Годъ этотъ, какъ всѣ говорили одинаково, изъ всѣхъ былъ наиболѣе скуденъ другими болѣзнями; если кто и заболѣвалъ чѣмъ либо, все переходило въ эту; у всѣхъ же прочихъ безъ всякихъ предвѣстниковъ, но внезапно, среди полнаго здоровья, появлялся сначала сильный жаръ головы, краснота и воспаленіе глазъ; внутренности, именно глотка и языкъ, тотчасъ наливались кровью, дыханіе дѣлалось неправильнымъ и зловоннымъ; затѣмъ слѣдовало чиханіе и хрипота, а немного спустя недугъ спускался на грудь при сильномъ кашлѣ; когда же доходилъ до желудка, то выворачивалъ его и наступали всякія изверженія желчи, какія только перечислены врачами, и при томъ съ большими мученіями. На большинство нападала пустая икота, причинявшая сильную судорогу, которая у однихъ унималась тотчасъ же, а у другихъ много позже. Снаружи тѣло было наощупь не очень горячо, и не блѣдно, но красновато, синевато, высыпали мелкіе прыщики и нарывчики (*φλυκταίνας μικραῖς καὶ ἔλκεσιν ἐξηριθηκός*). Внутренности же такъ горѣли, что больные не переносили самыхъ легкихъ одѣяній и самыхъ тонкихъ покрывалъ, а лежали нагіе и съ величайшимъ бы удовольствіемъ бросались въ холодную воду. И многіе, не имѣвшіе ухода, дѣйствительно и бросались въ цистерны, побуждаемые неутолимой жаждой,—а жажда была одинакова, много ли, мало ли пили больные. Безпокойство и бессонница продолжалась во всю болѣзнь. Но тѣло, сколько бы времени болѣзнь ни держалась на высотѣ, не худѣло, а, сверхъ ожиданія, выносило страданія. Такимъ образомъ, большая часть умирала на девятый и седьмой день отъ внутренняго жара, все еще пѣтя кое-какія силы или, если кто выживалъ, болѣзнь спускалась на животъ, и такъ какъ въ немъ дѣлалась большая язва (*καὶ ἐλκόμεός τε αὐτῇ ἰσχυρῶς ἐργυρομένης*), то нападалъ неудержимый поносъ; отъ него позже большинство и умирало вслѣдствіе истощенія. Такъ обходилъ не-

дугъ все тѣло, начиная сверху и вступивъ прежде всего въ голову; а если кто и выходилъ живъ изъ самаго разгара болѣзни, то, какъ слѣдъ, оставалось пораженіе оконечностей тѣла, такъ какъ болѣзнь переходила въ половые органы, въ пальцы рукъ и ногъ, и многіе оставались въ живыхъ, лишившись этихъ членовъ, нѣкоторые же и глазъ; а у иныхъ, перенесшихъ одинаково все это, вдругъ пропадала память, и они не узнавали ни самихъ себя, ни близкихъ.

Дѣйствительная картина превышаетъ всякое описаніе и болѣзнь обрушивалась тяжелѣе, чѣмъ то по силамъ человѣческой природѣ; а вотъ еще въ чемъ обнаружилось яснѣе всего, что это нѣчто такое, что выходитъ изъ ряда обычныхъ вещей. Ни птицы, ни четвероногія, нападающія на человѣка, несмотря на множество непогребенныхъ труповъ, не приближались къ нимъ, или поѣвъ, околѣвали; и вотъ доказательство: сдѣлалось очевиднымъ уменьшеніе хищныхъ птицъ, и не было видно ихъ ни гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ, ни около труповъ; на собакахъ же скорѣе всего замѣтенъ былъ такой результатъ, потому что онѣ живутъ вмѣстѣ съ человѣкомъ.

Такова была болѣзнь въ общихъ чертахъ, если оставить болѣе мелкія особенности, такъ какъ съ каждымъ случалось что либо такое, что проявлялось у него иначе, чѣмъ у другого. И никакая другая изъ обычныхъ болѣзней не показывалась въ то время, а если и появлялась, то оканчивалась все этой же. Умирали и безъ ухода, и при самомъ тщательномъ попеченіи; не оказалось ни одного лѣкарства, про которое можно сказать, что, давая его, нужно ждать пользы; что помогало одному, другому оно же приносило вредъ. Ни одно тѣло не оказалось огражденнымъ отъ болѣзни, какъ слабое, такъ и сильное; болѣзнь поражала всѣхъ и при всякой обстановкѣ.

Но ужаснѣе всего былъ упадокъ духа, какъ только кто либо чувствовалъ, что онъ заболѣваетъ, — отъ одной уже этой мысли тотчасъ же впадалъ въ совершенное отчаяніе и терялъ самообладаніе; уныніе росло и потому, что даже ухаживая другъ за другомъ, умирали, насыщаясь болѣзнью, какъ овцы *); и наибольшій моръ причинило именно это. Но избѣгали ли изъ страха ходить другъ къ другу—помирали одиноко, безъ ухода, и много домовъ опустѣло, гдѣ

*) Изъ этого выраженія можно замѣтить, что афиняне знали лишь повальныя болѣзни скота.

некому было присмотрѣть,—ходили ли, также гибли, и болѣе всего тѣ, кто старался сдѣлать что либо изъ человѣколюбія: такъ по долгу совѣсти не щадили себя, навѣщая друзей, но подъ конецъ утомились даже оплакивать своихъ покойниковъ, одолаваемые такими большими потерями. Тѣмъ болѣе хлопотали о погребеніи умиравшихъ и заботились о больныхъ тѣ, кто перенесъ болѣзнь, благодаря тому, что, разъ испытавъ ее, были уже въ безопасности, ибо дважды никто не заболѣвалъ, по крайней мѣрѣ, смертельно. И какими счастливыми считали ихъ остальные, да и сами они безконечно радовались и даже предавались тщетной надеждѣ, что никогда уже и не умрутъ ни отъ какой болѣзни!

Отозвалось на афинянахъ при этомъ бѣдствіи особенно скопленіе въ городѣ окрестнаго населенія, а еще сильнѣе на самихъ пришедшихъ. По недостатку жилыхъ помѣщеній размѣщались, благодаря лѣтней порѣ, въ душевыхъ шатрахъ; и моръ господствовалъ тутъ среди полнѣйшаго безпорядка. Мертвецы и умправшіе лежали одинъ на другомъ, валялись и по дорогамъ и вокругъ всѣхъ источниковъ, полумертвые, томимые жаждой; храмы, въ которыхъ искали убѣжища, были полны мертвецовъ, умершихъ тутъ же. Такъ какъ бѣдствіе слишкомъ уже одолавало, то люди, не вѣдая, что творится, проявляли нерадѣніе и къ божескимъ и человѣческимъ установленіямъ. Всѣ законы были нарушены, которые соблюдались при погребеніи, каждый хоронилъ какъ могъ, и многимъ по недостатку самаго необходимаго приходилось хоронить кое-какъ, забывая стыдъ: столько у нихъ скопилось покойниковъ. На чужіе костры, заготовленные другими, клали своихъ покойниковъ и зажигали; другіе, неся своего, бросали его въ первый попавшійся костеръ, лишь бы онъ горѣлъ, и уходили. Да и въ другихъ отношеніяхъ болѣзнь дала толчекъ къ еще большому беззаконію въ городѣ. Легче рѣшался иной на то, что онъ раньше таялъ лишь про себя, воздерживаясь отъ прихотей; при видѣ быстрыхъ переменъ, видя, какъ умирали люди богатые и совсѣмъ неожиданно; видя, какъ ихъ состояніе тотчасъ же переходитъ въ руки другихъ, у кого раньше ничего не было — стали находить позволительными быстрыя наслажденія и особенно чувствєнные, считая одинаково преходящими какъ жизнь, такъ и богатства. Стремиться къ достиженію цѣли, по общему признанію, благородной никому не было охоты, разъ для него неизвѣстно, да не умретъ ли онъ раньше, чѣмъ достигнетъ такой цѣли. Все, что пріятно въ текущій моментъ, если при томъ все нужное для того подъ руками, то считалось и хорошимъ

и полезнымъ. Ни страхъ боговъ, никакой законъ человѣческой уже не сдерживалъ. Вѣдь все равно, разсуждали люди, чтить боговъ или нѣтъ, когда видишь, что всѣ одинаково гибнутъ; а что до преступленій, то никто не надѣлся, что онъ останется въ живыхъ до суда и возмездія, когда надъ нимъ уже *сейчасъ* виситъ гораздо большая кара, а пока она еще не разразилась, казалось такъ естественнымъ вкусить хоть что нибудь отъ жизни...“

Добавимъ къ этому описанію Фукидида, слѣдующее замѣчаніе Littré, всѣми признаннаго знатока греческой медицины. „Сильно ошибаются, когда думаютъ, что зараза эта ограничилась исключительно столицей Аттики и была причинена скученіемъ населенія, которое искало тамъ убѣжища отъ вторженія лакедемонскихъ войскъ. Этотъ бичъ пришелъ съ востока. Фукидидъ говоритъ, что чума, выйдя изъ Эѳіопіи, прошла Египеть и Персію; писъма Гипократа хотя и считаются подложными, тѣмъ не менѣе свидѣлствуютъ объ опустошеніяхъ, которыя нанесла чума въ остальной Греціи, и историки замѣтили появленіе ея въ войскахъ, которыя въ то время были заняты осадой нѣкоторыхъ городовъ во Фракіи. Если невозможно прослѣдить ее въ Италиі или въ Галліи, то единственно потому, что въ такую отдаленную эпоху, какъ пелопонезская война, на западѣ и всюду, за исключеніемъ Греціи, не было писателей“ *).

Но откуда же эта чума? Вспомнимъ, что Греція только что перенесла эпоху персидскихъ войнъ—нашествіе Ксеркса было какъ бы отвѣтнымъ визитомъ Азіи за троянскую войну, когда греки занимали побережье Азіи; и тогда Аполлонъ металъ свои смертоносныя стрѣлы въ станъ грековъ, среди которыхъ вспыхнула моровая язва. Безчисленныя полчища персовъ, собранныя со всей Азіи и Египта и страдавшія болѣзнями уже при началѣ выступленія, разбитыя бѣжали въ безпорядкѣ обратно; было бы, при этихъ условіяхъ, непостижимо отсутствіе чумы, а не ея появленіе.

Не мало споровъ возбудилъ вопросъ о діагнозѣ аѳинской чумы. Не входя здѣсь въ обсужденіе различныхъ высказанныхъ историками взглядовъ, мы считаемъ необходимымъ привести отзывъ П. И. Пирогова, что не всегда и возможно поставить точную діагностику; вотъ его слова. „Всего губительнѣе, говоритъ онъ въ „Военно-врачебномъ Дѣлѣ“ въ 1877—1878 году, II т. Спб. 1879 г., стр. 40—дѣйствуетъ во время войны, на арміи и народоселеніе, *хаотическая*

смѣсь разныхъ повѣтрій и заразы, въ которой не легко бываетъ найтись и самому опытному врачу. Этотъ патологическій хаосъ наблюдается, какъ свидѣлствуетъ исторія и опытъ, при *трехъ* условіяхъ: во первыхъ, при продолжительныхъ осадахъ крѣпостей съ большимъ народоселеніемъ; во вторыхъ, когда продолжительныя и соединенныя съ большими лишеніями войны ведутся въ лихорадочныхъ мѣстностяхъ (эндемій); въ третьихъ, когда въ продолжительной войнѣ, вмѣстѣ съ военными эндеміями и заразами, господствуютъ и случайныя повальныя повѣтрія (оспа, холера, чума). Если подъ эти три условія, дѣйствующія вмѣстѣ, подпадаетъ армія и народоселеніе, то одинъ и тотъ же организмъ поражается такимъ болѣзненнымъ процессомъ, описаніе котораго нельзя отыскать ни въ учебникахъ, ни въ классическихъ сочиненіяхъ. Признаюсь, мнѣ непонятно стремленіе патологовъ втискивать болѣзни въ заготовленныя рамки и опредѣлять ихъ, какъ растенія, по родамъ и видамъ; мнѣ, неволью, приходитъ на мысль, не остатокъ ли это народнаго олицетворенія болѣзней? Правда, въ эндеміяхъ, особливо въ ихъ началѣ, нерѣдко встрѣчаются случаи, такъ сказать, напрашивающіеся въ учебныя руководства; но эти классическіе образцы, при господствѣ эндемій, вмѣстѣ съ другими бѣдствіями, уступаютъ цѣлой массѣ неопредѣленныхъ и вновь нарождающихся патологическихъ формъ“. Какъ разъ подъ эти три условія, повидимому, и подходитъ аѳинская чума. Скученность населенія и заносъ заразы, какъ мы видѣли, отмѣтилъ Фукидидъ. Спустя пять вѣковъ грекъ Діодоръ Сицилійскій, разсматривая въ своей исторіи аѳинскую чуму, уже во многомъ расходится съ очевидцемъ Фукидидомъ, испытавшимъ на самомъ себѣ описываемую болѣзнь, и такъ смотритъ на нее. „Если исторія изслѣдуетъ причину ужасной силы болѣзни, то необходимо указать слѣдующее. Послѣ лившихъ зимой дождей земля пропиталась влагой, и многія изъ котловинъ наполнились водой и превратились почти въ совершенныя болота; съ наступленіемъ лѣта эти мѣста стали нагреваться и гнить, отъ чего пошли тяжелыя и зловонныя испаренія, которыя, поднимаясь, нортити ближайшій воздухъ—то же самое наблюдается и на болотахъ, имѣющихъ болѣзненные свойства. Способствовали болѣзни и вредныя качества подвозимой нищи, такъ какъ овощи въ этомъ году были крайне водянисты и имѣли вредныя качества. Третьей причиной было отсутствіе сѣверныхъ вѣтровъ, которые лѣтомъ постоянно умѣряютъ чрезмѣрный зной; а когда жаръ дѣлается чрезмѣрнымъ и воздухъ накалится, то

*) Littré, Медицина и медики, пер. 1876 г., стр. 3.

тѣла людей, при отсутствіи прохлады, начинаютъ заболѣвать— *потому-то и происходитъ то, что отъ излишняго жара появляются тогда всякія горячечныя болѣзни*, и поэтому-то большинство больныхъ и бросалось въ цистерны и источники, стараясь освѣжиться“.

Это замѣчаніе Діодора не лишено доли истины, и въ историческомъ обзорѣ малярійнымъ заболѣваніямъ необходимо удѣлится значительное вниманіе; таковъ выводъ Littré: *La Grèce antique et la Grèce moderne sont, à vingt-deux siècles de distance, affligées par les mêmes fièvres; et cela prouve que les conditions climatologiques n'y ont pas essentiellement changé; car l'homme, qui en est un des reactifs les plus sensibles, y donne aujourd'hui comme alors, la même réaction.* Кромѣ маляріи, древнимъ хорошо были знакомы дизентерія, рожа, и дифтеритъ; сыпной тифъ впервые отличилъ Fracastoro.

Другое объясненіе даетъ Аретей (de caus. acut. morb. Lib. I, cap. VII) въ § 2 главы объ angina—*συνάχη*. Мы приведемъ, для ясности, всю главу. *Συνάχη* — angina — скоротечное страданіе и есть стѣсненіе дыханія. Существуютъ два вида: или флегмона органовъ дыханія, или измѣненіе самого вдыхаемаго воздуха — *πνεύματος*, отъ причины, лежащей въ немъ самомъ. 1°. Органы поражаются слѣдующіе: входъ въ зѣвъ, самый зѣвъ, надгортанникъ, заглочная клѣтчатка (въ подлинникѣ стоятъ— позвоночникъ), гортань (въ подл. верхній конецъ артеріи *ἀρχή ἀσχηρῆς* scilic. *τραχέλης*), а въ случаѣ обширной разлитой флегмоны, также и языкъ и внутренняя поверхность челюстей, и тогда отъ значительнаго опуханія языкъ выдается изъ-за зубовъ, такъ какъ онъ выполняетъ всю полость рта, и излишекъ, не помѣщающійся во рту, высовывается изъ-за зубовъ. Бѣжить слюна, мокрота вязкая и холодная, лицо красное и распухшее, глаза выпячиваются и налиты кровью, питье выливается назадъ чрезъ носъ; боли ужасныя, но мучимые одышкой больные ихъ мало замѣчаютъ; грудь и сердце горятъ, потребность холоднаго воздуха невыразимая, но выдыхаютъ очень мало; наконецъ дыханіе и совсѣмъ прекращается, когда доступъ въ грудь воздуха совершенно прерывается. Въ благоприятныхъ случаяхъ образуется нарывъ въ зѣвѣ и за ухомъ, и если не очень поздно, то наступаетъ выздоровленіе, хотя съ болью и опасностями. Это называется *συνάχη* и *κυνάχη* собачье удушье (*κυνάχη* = angina canina, *κῶς* = собака), потому ли, что эти животныя постоянно страдаютъ этимъ, или потому, что они обыкновенно высовываютъ языкъ, даже и будучи здоровы.

2°. При второмъ видѣ наблюдается совершенно противоположное: опаденіе органовъ, послѣдніе гораздо тоньше, чѣмъ въ нормальномъ состояніи, и въ то же время сильная одышка, такъ что кажется, что у больныхъ таятся въ груди скрытая флегмона около сердца и легкихъ; мы называемъ и это *συνάχη*, какъ бы опускающуюся внутрь и вызывающую удушье; и же думаю, что здѣсь имѣется только порча *πνεύματος*, который превращается въ горячей и сухой, но безъ всякой флегмоны. По этому не слѣдуетъ удивляться, такъ какъ въ мѣстахъ съ удушливымъ воздухомъ (въ подлин. *ἐν χαρωνίοισι*, т. е. гдѣ изъ трещинъ земли выходятъ удушливые газы, которые, по понятіямъ древнихъ, вырываются изъ подземнаго царства тѣней, куда ни одному смертному нельзя безнаказанно заглянуть; подобныя мѣста греками считались за спускъ въ Аидъ, на что указываетъ и самое названіе *ἐν Χαρωνίοισι*, отъ имени Харона, перевозчика мертвыхъ) является сильнѣйшая одышка безъ какого-либо страданія, и люди умираютъ отъ одного вдыханія подобнаго воздуха прежде, чѣмъ явится какое-либо пораженіе тѣла, также какъ заболѣваетъ человѣкъ водобоязною отъ собакъ, еще не укусившей, а только дышавшей ему въ лицо, когда онъ переводилъ дыханіе и вдохнулъ воздухъ съ языка собаки. Впрочемъ возможно, что такое измѣненіе *πνεύματος* совершается и внутри тѣла, ибо тысячи причинъ, скрытыхъ въ человѣкѣ, дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ и причины внѣшнія: вредные соки существуютъ и внутри и внѣ тѣла, поэтому-то и болѣзни схожи съ отравленіемъ ядовитыми лѣкарствами, и отъ лѣкарствъ бываетъ такая же рвота, какъ и въ горячкахъ. На этомъ основаніи вполне естественно, что нѣкоторые во время афинской чумы думали, что пелопонезцы бросили ядъ въ водоемы въ Пирей: тогда люди еще не знали сходства повальныхъ болѣзней съ отравленіями“.

Иначе смотритъ на дѣло римскій философъ Лукрецій *): „Теперь изложу, каковы свойства болѣзней и откуда возникаетъ вдругъ болѣзнь, обладающая такой смертоносной силой, что отъ нея гибнетъ какъ человѣческій родъ, такъ и стада животныхъ. Прежде всего, какъ я показалъ выше, необходимо признать, что много посяетъ (въ воздухѣ) сѣмянъ многихъ вещей, которыя не только поддерживаютъ нашу жизнь, но и, наоборотъ, причиняютъ болѣзни и смерть: если они какъ-нибудь возникнутъ и произведутъ измѣненія въ атмосферѣ, воздухъ дѣлается способнымъ причинять болѣзни, и

*) De rerum natura. Lib VI.

при томъ эта болѣзнетворная сила и заразительность (pestilitas) является или извнѣ, подобно тучамъ и облакамъ, которыя идутъ по небу, или зарождаются часто на мѣстѣ и поднимаются изъ самой земли, когда она влажна и загниваетъ, заливаемая необыкновенными дождями и затѣмъ нагрѣваемая лучами солнца. Часто случается, что отъ одной даже перемѣны климата и воды заболѣваютъ уѣхавшіе съ родины, потому что условія жизни слишкомъ не одинаковы. Вѣдь признаемъ же мы, что климатъ въ Британіи иной, чѣмъ въ Египтѣ, подѣ тропиками, гдѣ качается ось земли, или чѣмъ въ Понтѣ или Гадесѣ, или въ Эіопіи, гдѣ люди черны отъ палищаго зноя. Какъ есть различіе между четырьмя странами свѣта, гдѣ различны и вѣтры и климатъ, какъ неодинаковы и цвѣтъ кожи и наружность людей, такъ различны и болѣзни у разныхъ народовъ. Есть болѣзнь проказа, которая зарождается въ центрѣ Египта, благодаря Нилу, и больше нигдѣ, а въ Атикѣ ноги поражаются слоновою кожей, въ Ахеѣ же господствуетъ воспаленіе глазъ, и все это причиняетъ неодинаковый воздухъ.

„Поэтому если атмосфера, чуждая намъ, почему-либо приходитъ въ движеніе и оттуда начинаетъ мало-по-малу распространяться вредный воздухъ и воздушныя теченія поползутъ подобно облакамъ и тучамъ, поражая и приводя въ замѣшательство все по пути, то это и бываетъ причиной, почему такой чуждый намъ воздухъ, достигая до нашего климата, портитъ и нашъ воздухъ и придаетъ ему свои вредныя качества.

„Вотъ какъ внезапно появляется новое бѣдствіе, и зараза или падаетъ въ воду, или осѣдаетъ на растенія и на пищу людей, или кормъ скота, или же остается взвѣшенной въ самомъ воздухѣ, и когда мы вдыхаемъ въ себя эти смѣшанныя воздушныя струи, тѣ всасываются нашимъ тѣломъ; подобнымъ же образомъ нападаетъ надежь на крупный и мелкій скоть.

И все равно, сами ли мы придемъ во вредныя для насъ мѣста и перемѣнимъ климатъ, или, напротивъ, природа перенесетъ изъ другихъ мѣстъ чуждый намъ воздухъ или то нѣчто, къ чему мы не привыкли и что можетъ своимъ присутствіемъ причинить болѣзнь. Это и было причиной болѣзней и мора въ Аѳинахъ“.

Если мы добавимъ къ этому афоризмъ Плутарха: *ἐκ τούτων γοβοῦμεν οἷς καὶ ζῶμεν, ἴδια δὲ πλεονατὰ τῶν νόσων οὐκ ἔστιν*, т. е. чѣмъ мы живемъ, отъ того же болѣемъ, особыхъ же зародышей болѣзней не существуетъ, — не тѣ ли же въ сущности взгляды и ихъ борьбу мы встрѣчаемъ и въ наше новѣйшее время?

А вотъ и профилактическія правила, рекомендуемыя Цельзомъ во время эпидемій: (Lib. I. cap. X.).

„Слѣдующія правила долженъ соблюдать во время эпидемій (pestilentia) каждый, кто хочетъ предохранить себя отъ заболѣванія, хотя и не безусловно надежныя.

„Во первыхъ, необходимо отправиться въ путешествіе или морское плаваніе, а если нельзя, то ходить, гулять на открытомъ воздухѣ, до наступленія полуденной жары, умащать свое тѣло и избѣгать утомленія, отягощенія желудка, холода, жара, половыхъ излишествъ и болѣе всего быть осторожнымъ, когда чувствуешь въ тѣлѣ какую-либо тяжесть: тогда не слѣдуетъ рано вставать и не ходить босикомъ и въ особенности послѣ бды или ванны. Не нужно принимать рвотныхъ ни на тощій желудокъ, ни на полный, ни прибѣгать къ слабительнымъ, но, съ другой стороны, и не останавливать движенія кишекъ. При нѣкоторой полнотѣ предпочтительно воздержаніе. Также слѣдуетъ избѣгать бани, потѣнія, полуденнаго сна, особенно послѣ бды; если же кто и позволяетъ себѣ соснуть днемъ, то пусть будетъ умѣренъ, чтобы не разстроитъ желудокъ; попеременно одинъ день слѣдуетъ пить воду, другой — вино; вообще же сверхъ указаннаго въ образѣ жизни необходимо дѣлать какъ можно меньше измѣненій. Все это должно соблюдать при всякой эпидеміи, особенно при той, которую производятъ южныя вѣтры. Тѣ же правила и для тѣхъ, кто путешествуетъ, если онъ уѣзжаетъ изъ своего мѣстожителства въ нездоровое время года, или отправляется въ нездоровыя мѣста; и если почему-либо нельзя исполнять всего, то все таки нужно быть воздержнымъ и чередовать вино съ водой и воду съ виномъ, какъ это указано выше“.

Не находимъ-ли мы уже у Цельза (а онъ родился между 25—30 г. до Р. X. и умеръ 45—50 по Р. X.) почти всѣ тѣ профилактическія правила, которыя примѣняются и по сіе время? Совѣтъ же пить кипяченую воду далъ еще Гиппократъ.

Добавимъ къ этому, что окуриваніе сѣрой, столь рекомендуемое въ послѣднее время, было извѣстно еще Одиссею (XXII, 509—523).

Няня, огня принеси и подай очистительной сѣры,
Залу намъ должно скорѣй окурить....

Неволью является желаніе повторить слова поэта:

Multa renascentur, quae jam cecidere cadentque
Quae nunc sunt in honore.

И мы полагаемъ, что сопоставленіе прошлаго съ настоящимъ далеко не излишне для болѣе вѣрной оцѣнки достигнутыхъ результатовъ. Становясь же, въ разборѣ фактическаго матеріала, на точку зрѣнія Пирогова, мы должны указать, что въ этомъ мы встрѣтили сочувствіе со стороны проф. С. М. Васильева, декана Медицинскаго Факультета Юрьевскаго Университета, которому за полученные совѣты высказываемъ здѣсь нашу благодарность *).

*) Ниже намъ приходится не разъ говорить о дифтеритѣ, какъ одной изъ наиболѣе въ настоящее время изслѣдованныхъ болѣзней; чтобы не приводить многочисленныхъ ссылокъ на литературу, мы укажемъ здѣсь, что она подробно собрана въ диссертациі Бардаха, о дифтеріи, 1894 г. Москва. Укажемъ еще, для сравненія съ высказываемыми ниже взглядами, на лекціи Arthur'a Whittlegg'a, изъ Brit. Medic. Journ. реферированныя въ Вѣст. Общ. Гиг. 1893 г. Т. XVIII, 3 (іюнь): *Измѣняемость типа заразныхъ болѣзней*. Авторъ указываетъ, что являющіяся въ промежутокъ между двумя вспышками эпидемій различныя *febriculae, febris ephamera, catarrhalis* и пр. суть не что иное, какъ легкія, неопредѣленные формы различныхъ инфекціонныхъ болѣзней, истинный характеръ которыхъ остается неузнаннымъ до тѣхъ поръ, пока злокачественность ихъ не возрастетъ — а тогда и клиническая картина дѣлается уже настолько опредѣленной, что не вызываетъ сомнѣній относительно имѣющейсѣ предъ наблюдателемъ формы болѣзни. Какой взглядъ проводилъ Пироговъ, мы стараемся показать ниже (см. стр. 72 и слѣд.).

I.

„Первыя свѣдѣнія объ опустошительныхъ эндемическихъ и эпидемическихъ болѣзняхъ такъ же древни, какъ и первыя историческія преданія вообще. Исторія повальныхъ болѣзней образуетъ не только существенную часть медицины, но она также необходима для пониманія политической исторіи и особенно исторіи культуры. Опустошительныя болѣзни часто уничтожали войска завоевателей. Благодаря имъ, исчезали цѣлыя племена съ поверхности земнаго шара. Онѣ часто наносили смертельный ударъ цвѣтущей культурѣ и придавали на долгое время своеобразный отпечатокъ направленію умственной дѣятельности великихъ народовъ. Далекое не безъ основанія самые выдающіеся изслѣдователи въ области повальныхъ болѣзней принимаютъ, что въ упадкѣ могущества и культуры Греціи и Рима, рядомъ съ разнообразными другими причинами, значительное участіе принимали также убійственныя эпидеміи, которыя на границѣ между древними и средними вѣками опустошали восточную и западную Римскую Имперію. Далѣе, общеизвѣстно, какъ черная смерть XIV столѣтія—это самая страшная изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи чумныхъ эпидемій—произвела перемѣну въ направленіи духовныхъ и нравственныхъ стремленій уцѣлѣвшей части цивилизованнаго человѣчества. Вліяніе этой перемѣны можно узнать еще въ ходѣ развитія послѣдующихъ столѣтій“ *).

*) Либермейстеръ основывается на слѣдующемъ выводѣ Haeser'a:

Эта эпидемія (Юстиніана) болѣе, чѣмъ что либо другое потрясла Византійскую имперію и много содѣйствовала начинавшейся дикости народовъ, тогда сивъ проблески древней греческой культуры, которая въ слѣдовавшіе за Юстиніаномъ 8 вѣковъ влчила лишь жалкое существованіе и окончательно пала послѣ второй, еще болѣе свирѣпой чумы.

Благодаря именно Юстиніановой чумѣ въ Италіи образовалось новое цвѣ-

Въ такихъ выраженіяхъ характеризуетъ значеніе эпидемическихъ болѣзней Liebermeister въ своихъ лекціяхъ объ инфекціонныхъ болѣзняхъ (пер. Л. Гинзбурга, 1885 г. стр. 11), и въ самомъ дѣлѣ, каждая эпидемія—этотъ страшнѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ,—по выраженію Крылова, своимъ появленіемъ вселяетъ панической ужасъ въ каждомъ, безразлично, на какой бы ступени развитія онъ ни находился.

Нужно быть самымъ крайнимъ фаталистомъ, чтобы остаться равнодушнымъ зрителемъ, подобно мусульманскому населенію Турціи, что такъ поразило Prosper Alpinus'a въ XVI столѣтіи въ Египтѣ *).

Неудивительно, что въ такія минуты извлекаются изъ накопленнаго вѣками арсенала всѣ мѣры, какія когда либо предлагались, и всѣ средства, какія только можетъ придумать человѣческая фантазія—что еще больше усиливаетъ общій хаосъ и замѣшательство.

Подобно различнымъ эпидеміямъ прошлыхъ вѣковъ и холерная эпидемія, не прекращающаяся въ теченіе всего XIX вѣка въ Европѣ, не перестаютъ возбуждать вѣчно юныхъ и въ то же время вѣчно старыхъ вопросовъ о томъ, что такое въ сущности эпидемія; заносится ли онѣ къ намъ извнѣ или есть только продуктъ нашихъ социальныхъ и культурныхъ условий; насколько можно преградить или ограничить распространеніе этихъ болѣзней искусственными мѣрами, насильственно прекращая сношенія однѣхъ странъ съ другими, одного мѣстечка съ другимъ, или слѣдуетъ обратить главное и существенное вниманіе только на улучшеніе быта и сдать въ архивъ всѣ мѣры, какъ карантинныя, кордоны и т. п., какъ бесполезныя, безцѣльныя и прямо вредныя; въ чемъ, наконецъ, заключается сущность самой заразы: есть ли это что либо опредѣленное, поддающееся точному изученію, или это есть протей, способный претерпѣвать различныя превращенія?

Такіе и подобныя вопросы не перестаютъ занимать умы представителей медицины со времени первыхъ проблесковъ врачебныхъ знаній и до нашихъ временъ. Эпидемія приходятъ и уходятъ, но каждая изъ нихъ оставляетъ извѣстный запасъ свѣдѣній и опытности, который присоединяется къ наслѣдію, накопленному вѣками.

тущее государство усиліями свѣжихъ нѣмецкихъ народностей, вызвавшихъ новую жизнь изъ развалинъ отжившей Римской имперіи.

Насколько справедливъ такой взглядъ, сравн. замѣчаніе Гиббона, приведенное нами въ заключеніи второй главы.

*) Prosper Alpinus, de medicina Aegyptiorum.

Каждое поколѣніе, пережившее ту или иную эпидемію, выражаетъ запасъ пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній въ видѣ ученыхъ трактатовъ, въ видѣ наставленій, какъ предохранять и лѣчить, въ видѣ учреждений, созданныхъ съ цѣлью остановить и прекратить появляющуюся вновь эпидемію.

Слѣдующее поколѣніе, въ виду грозящей эпидеміи спѣшитъ воспользоваться и примѣнить къ дѣлу результаты опытности своихъ предшественниковъ, и каждая новая эпидемія подвергается своей неумолимой критикѣ дѣятельность прошлыхъ временъ, не падаетъ авторитетовъ такъ же, какъ и не признаетъ тѣхъ искусственныхъ границъ, которыя могутъ раздѣлять народы, но которыя не въ состояніи остановить ея хода (эпидеміи).

Внимательное разсмотрѣніе взглядовъ на сущность эпидемическихъ болѣзней, господствующихъ въ настоящее время, равно и мѣры борьбы съ ними, рекомендуемыхъ и примѣняемыхъ на дѣлѣ, убѣждаетъ въ томъ, что какъ взгляды, такъ и мѣры есть продуктъ далеко не новѣйшихъ только временъ напр., XIX и XVIII столѣтія, а напротивъ многія изъ нихъ ведутъ свое начало на европейской почвѣ изъ эпохи чумы, изъ XVI и XVII вѣка, а эти въ свою очередь преемственно переданы были эпохой крестовыхъ походовъ; въ свою очередь крестоносцы, устраивая свои лазареты для изолированія прокаженныхъ, воспользовались лишь главными формами, заключающимися въ законодательствѣ Моисея. Въ нашемъ отечествѣ практиковавшіяся на западѣ мѣры впервые стали, повидимому, примѣняться въ XVI вѣкѣ при Іоаннѣ Грозномъ; при Θεодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ западная санитарная организація все болѣе и болѣе начинаетъ прививаться и у насъ.

Сложившееся въ насъ убѣжденіе, что многія стороны даже современнаго положенія вещей становятся значительно яснѣе при освѣщеніи ихъ фактами, сообщаемыми исторіей медицины, и вызвало появленіе настоящаго очерка.

Въ первой половинѣ текущаго столѣтія интересъ къ историческимъ изслѣдованіямъ, въ области медицины, и особенно въ области эпидемическихъ болѣзней былъ гораздо больше, нежели въ настоящее время. Стоитъ указать на сочиненія *C. Sprengel*, *Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneikunde* (1-е изд. 1792—1799) и 3-е въ 1821—1828); *Papon*, *De la peste*, Paris, 1800 г.; многочисленныя работы *Hecker'a* и его учениковъ, изъ числа которыхъ особенной извѣстностью пользуется *Hirsch*, авторъ трех-томнаго *Handbuch der historisch-geographischen Pathologie*

(1859—1864 г.), далѣ *Haeser*, которому принадлежитъ объемистый трудъ *Handbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten* (1845 г.); изъ русскихъ авторовъ особеннаго упоминанія заслуживаетъ президентъ Физико-Медицинскаго Общества въ Москвѣ Вильгельмъ *Рихтеръ*, *Исторія медицины въ Россіи* котораго обнимаетъ время съ начала Русскаго Государства до временъ Екатерины II и составлена на основаніи изученія издѣланныхъ документовъ.

Изъ французскихъ авторовъ мы должны назвать прежде всего Littré, *Les grandes epidemies*, 1836.

Большинство остальныхъ авторовъ пользуется историческимъ матеріаломъ преимущественно уже изъ вторыхъ рукъ (такъ напр. изъ русскихъ авторовъ отчасти и Ковнеръ).

Разсмотримъ вкратцѣ сущность взглядовъ упомянутыхъ авторовъ, пользуясь, по возможности, для большей точности ихъ же собственными выраженіями;—но прежде мы считаемъ необходимымъ коснуться тѣхъ натурфилософскихъ идей нѣмецкой медицины начала XIX столѣтія, которыя сказываются въ работахъ школы исторической патологій, и которыя, въ свое время, оказали не малое влияніе на дальнѣйшее развитіе теоретическихъ представленій современной медицины.

Основателемъ *естественно-исторической* школы въ медицинѣ былъ Lucas Schönlein (1793—1864), профессоръ въ Вюрцбургѣ, Цюрихѣ и Берлинѣ. Стремленія Schönlein'a были въ сущности направлены на то, чтобы возвысить медицину до точной науки, по образцу другихъ естественныхъ наукъ. Одаренный гениальными способностями, такъ характеризуетъ его Haeser, блестящимъ преподавательскимъ талантомъ, тщательнымъ естественно-научнымъ образованіемъ, основательнымъ знаніемъ литературы и исторіи медицины и рѣдкой практической опытностью, онъ основалъ клиническое преподаваніе на обширныхъ физическихъ, микроскопическихъ, химическихъ и патолого-анатомическихъ изслѣдованіяхъ состоянія больного *). Schönlein никогда не издавалъ въ свѣтъ лекцій **), поэтому для ознакомленія со взглядами его школы мы воспользуемся сочиненіемъ Фердинанда Яна, одного изъ сторонниковъ Schönlein'a.

*) Подробности см. въ рѣчи Virchow'a—Gedächtnissrede auf Joh. Lucas Schönlein, 1865.

**) Одинъ изъ слушателей издалъ часть его лекцій (критическій разборъ ихъ помѣщенъ въ Arch. für physiol. Heilkunde), которыя были переведены и на русскій языкъ.

Естественно-историческая медицинская школа примыкала къ натурфилософской школѣ, основанной Океномъ и Шеллингомъ; по ея воззрѣніямъ, человѣкъ есть микрокосмъ въ макрокосмѣ; а болѣзнь есть ложный организмъ (Afterorganismus), образующійся и развивающійся на счетъ истиннаго нормальнаго организма; можно сказать, что болѣзнь, имѣя свою жизнь и свое тѣло, составляетъ бытіе само въ себѣ заключенное, хотя не такъ совершенное, болѣе или менее отдѣльное отъ всѣхъ предметовъ природы, отъ пораженнаго ею организма, сему послѣднему даже враждебное, и на его счетъ развивающееся.

Поэтому весьма справедливо можно ее считать самостоятельнымъ низшимъ жизненнымъ процессомъ, происшедшимъ въ самой жизни, и съ низшею организаціею *).

Что нужно разумѣть подъ этимъ, нѣсколько туманнымъ, опредѣленіемъ, видно изъ дальнѣйшихъ словъ Яна: что касается до меня, то съ удовольствіемъ признаюсь, что изученіе естественной исторіи грибовъ и другихъ тайнобрачныхъ гораздо поучительнѣе тѣхъ тысячи книгъ, которыя отъ временъ Гипократа писаны были о болѣзняхъ.—Оно довело меня до этого основнаго понятія о болѣзняхъ. Считаю за неколебимую истину мое мнѣніе: „что чужеродное образованіе грибовъ въ растеніяхъ равно, по сущности своей, образованію болѣзни въ человѣкѣ и другихъ животныхъ, и что, наконецъ, болѣзни этихъ существъ должны, какъ эти грибообразованія, быть почитаемы за ложныя организмы“. Мы советуемъ противникамъ нашего мнѣнія лучше и основательнѣе изучать природу, а насъ, при полномъ убѣжденіи въ вѣрности нашего положенія, что *болѣзнь должно считать за ложный организмъ*, оставить покойно идти впередъ. (ibid). Но нужно отмѣтить, что лишь меньшинство слѣдовало призыву Яна—ближе изучать природу, большинство же довольствовалось игрою фантазій и тѣмъ не мало дискредитировало въ глазахъ другихъ самое представленіе о contagium vivum, и Henle въ 1840 г. былъ уже скорѣе послѣднимъ (но никомъ образомъ не первымъ), кто, опираясь на изслѣдованія Cagniard de la Tour, рѣшился защищать паразитарное происхожденіе инфекціонныхъ болѣзней.

Къ какимъ доказательствамъ прибѣгало большинство врачей въ защиту своихъ взглядовъ, можно видѣть изъ брошюры д-ра Сан-

*) См. Общая Патологія Фердинанда Яна, пер. П. Санзера. Москва 1838 г. § 12. подлинникъ въ 1829 г.

тимера—*Еще ничто о холерѣ*, вышедшей въ Москвѣ въ 1833 году. Сантимерь съ ѣдкой ироніей отмѣчаетъ невѣроятную путаницу и хаосъ, царившіе въ тогдашней медицинѣ. Пироговъ, одинъ изъ первыхъ, оцѣнившій важность открытій Пастера, такъ характеризуетъ господствовавшіе тогда взгляды на причины заразныхъ болѣзней:

„Когда я учился въ Дерптѣ и потомъ въ 30-хъ годахъ въ Берлинѣ, то я часто слышалъ отъ моихъ учителей о миазмахъ, дѣйствующихъ вредно на раны, а въ берлинскомъ Charité я часто видѣлъ это дѣйствіе миазмъ. Но тогда все толковали о ихъ космическомъ и теллурическомъ происхожденіи, о макрокосмѣ и микрокосмѣ, заставляя микрокосмъ играть роль консерватора и реакціонера“. „Постоянно имѣя дѣло съ пнеуміей и септицеміей и другими заразными болѣзнями ранъ, господствовавшими въ госпиталяхъ, Пироговъ позже не могъ исполнѣ согласиться со взглядами и Вирхова, и еще въ 60-хъ годахъ писалъ въ своихъ Началахъ: „взглядъ о происхожденіи гнойнаго діатеза *чрезъ зараженіе* выполняетъ пробѣлы, оставляемые механическою доктриною; но онъ имѣетъ ту невыгоду, что предполагаетъ существованіе веществъ невидимыхъ и неподлежащихъ ни физическому, ни химическому анализу.“

Въ этомъ предположеніи допускается, сверхъ того, что частинцы, распространяющія зараженіе, плаваютъ въ воздухѣ, какъ зародыши ферментовъ, и, во вторыхъ, что заразительные ферменты развиваются и въ лабораторіи организма. Не имѣя другихъ данныхъ, кромѣ слѣдствій предполагаемаго зараженія, защищаемый мною взглядъ опирается, однакоже, на *два* немаловажныя аналогіи: *одну*, взятую изъ естественныхъ наукъ, *другую*—изъ самой медицины. Хотя госпитальные миазмы и не нашли еще своего Эренберга, Пастера или Пунсе, но мы знаемъ изъ микроскопическихъ изслѣдованій этихъ наблюдателей, какое множество органическихъ зародышей содержится въ окружающемъ насъ воздухѣ и какъ легко ихъ сдѣлать предметомъ наблюденій. Въ самой же медицинѣ давно уже обсуждается вопросъ о *животныхъ ядахъ*, существованіе и свойство которыхъ узнаются не химією, а на самомъ организмѣ, однимъ клиническимъ наблюденіемъ. Данное имъ названіе, конечно, несправедливо. Ядъ, въ обыкновенномъ, химическомъ смыслѣ, не имѣетъ способности развиваться и возобновляться; онъ можетъ только отравлять, а не заражать“ *). Пироговъ, обращая вниманіе на смѣшанныя формы, указываетъ также и на ошибочность онто-

*) Начала, II, 424. 1865 г.

логическихъ представленій о болѣзни—взглядъ, который проводилъ и Янъ; слѣды этой онтологической классификаціи, хотя и въ слабой степени, но все-таки сказывались и до сихъ поръ, напримѣръ, какаѣ причина заставляла относить *streptococcus erysipelatis* и *ruogenes* къ 2 совершенно различнымъ видамъ? Мы полагаемъ, что въ этомъ и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ не осталась безъ вліянія и прежняя, отжившая уже, онтологическая классификація.

Очевидно, говорить далѣе Янъ (§ 236), что болѣзни имѣютъ весьма большое сходство съ другими органическими существами, относительно распредѣленія своего по земному шару, ибо и эти послѣднія отчасти распространены довольно равномерно по земному шару, и на немъ почти вездѣ встрѣчаются, отчасти же существуютъ на извѣстномъ только и часто ограниченномъ пространствѣ, и въ этомъ отношеніи болѣзни весьма похожа на растенія и животныхъ, изъ которыхъ одни также живутъ обществомъ, а другіе, какъ хищныя птицы, многія змѣи, пауки,—любятъ жить уединенно (§ 230).

Этому стремленію открыть законы, управляющіе распредѣленіемъ болѣзней по земному шару, и обязано появленіе историко-географической патологіи, и въ этой области труды Heccker'a и Hirsch'a занимаютъ почетное мѣсто.

Какъ смотрѣлъ Heccker на значеніе историческихъ изысканій въ области исторіи эпидемій, лучше всего видно изъ слѣдующихъ строкъ, написанныхъ имъ въ 1834 году *).

„Въ моихъ работахъ высказывается мысль, что великія повальныя болѣзни суть тѣ ступени развитія, на которыхъ волнующійся духъ человѣчества въ смятеніи всюду искалъ себѣ исхода,—о томъ свидѣтельствуетъ вся міровая исторія. Настроеніе умовъ, образъ мыслей цѣлыхъ вѣковъ часто бывалъ слѣдствіемъ господствующихъ болѣзней; ибо нѣтъ другой большей силы, чтобы пробудить въ человѣкѣ смиреніе и кротость, или зажечь въ немъ дикія страсти, какъ близость неотвратимой общей опасности. Часто одушевленіе и фанатизмъ, ненависть и жажда мести, пробудившіяся подъ гнетомъ страха смерти, не разъ наполняли міръ пламенемъ и пожарницами. Голодь и болѣзни,—а среди нихъ огонь св. Антонія, въ походахъ на освобожденіе Іерусалима принимали не меньшее

*) Die grossen Volkskrankheiten des Mittelalters, historisch-pathologische Untersuchungen von I. F. C. Heckcr, herausgegeben von Dr. A. Hirsch, 1865, стр. 199—201.

участіе, чѣмъ и зажигательныя рѣчи аміенскаго крестоносца; черная смерть покрыла міръ горами развалинъ и пробудила страшное раскаяніе братьевъ самоубивателей; левантская проказа придала всѣмъ среднимъ вѣкамъ мрачный колоритъ. Въ ближайшей связи со всѣми этими тревоженіями стоятъ и великія событія, и несомнѣнно, что въ смѣнѣ формъ человѣческаго рода искони настроеніе имѣло большее значеніе, чѣмъ грубыя силы, воздѣйствію которыхъ обязано происхожденіе самыхъ событій.

Здѣсь, слѣдов., историкъ, отыскивающій духовныя пружины, не долженъ чуждаться медицинскаго изслѣдованія; самые факты убѣждаютъ его въ органической связи тѣла и духа во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, а, слѣдов., и во внутреннемъ живомъ единеніи всѣхъ отраслей человѣческаго знанія. А съ медицинской точки зрѣнія, какую полноту величественнаго наблюденія представляетъ исторія повальныхъ болѣзней! Современныя тѣлесныя страданія въ своей совокупности являются только одною ступенью развитія, только одной фазой болной жизни въ великой послѣдовательности явленій и получаютъ вслѣдствіе того полный смыслъ только при знаніи прошлаго, только благодаря историческому изслѣдованію. Да и какъ узнать кольцо Сатурна, пока видна лишь одна полоса? Великія болѣзни или прошли, или раздробились; ничтожное развилось въ значительное; всюду, въ этой смѣнѣ опасности и разрушенія, въ жизненныхъ настроеніяхъ цѣлыхъ вѣковъ проявляются дѣйствія мощныхъ законовъ природы. Это не воздушное царство призрачныхъ фантазій: въ тысячахъ воспоминаній говорятъ сами факты. Стоитъ только серьезно, отбросивъ предвзятые мысли, изслѣдовать прошлое, обратить вниманіе на немногія изслѣдованія, которыя до сихъ поръ удались въ исторической патологіи—можетъ быть нѣкоторое благосклонное вниманіе обратить на себя и моя работы—и непременно найдется здѣсь зерно истины, которое все еще остается скрытымъ для медицины, къ великому для нея ущербу, между тѣмъ какъ она по временамъ пускала свои корни въ менѣе плодородный слой или даже замирала на истощенной почвѣ неспособныхъ къ развитію неподвижныхъ школьныхъ догматовъ.

Государство, основывающее свое законодательство на знаніи дѣйствительности, ожидающее отъ естественныхъ наукъ всесторонняго уясненія человѣческой соціальной жизни, съ полнымъ правомъ требуетъ отъ своихъ врачей всесторонняго пониманія сущности и причинъ повальныхъ болѣзней. Но подобное, соответ-

ствующее достоинству науки, пониманіе нельзя пріобрѣсти, наблюдая только единичныя повальныя болѣзни, такъ какъ никогда природа не раскрываетъ въ нихъ всѣхъ ихъ сторонъ, а изъ законовъ всеобщаго заболѣванія пускаетъ въ ходъ, каждый разъ, лишь немногіе. Недостаточно даже человѣческаго возраста, какъ бы ни богатъ онъ былъ великими опытами, чтобы, вращаясь въ кругу перекрѣпленныхъ явленій, обосновать ученіе о повальныхъ болѣзняхъ, достойное этого имени: опытъ всѣхъ вѣковъ—вотъ источникъ, изъ котораго должно черпать, и врачебно-историческое изслѣдованіе есть единственный путь, ведущій къ этому источнику, если не хотять встрѣтить новыхъ повальныхъ болѣзней неподготовленными и не хотять оставить во всей его невѣрности то мнѣніе, что современная медицина есть полный мощный результатъ всѣхъ прежнихъ стремленій. Не одни только всеобщія заболѣванія выступали въ рядѣ вѣковъ въ разностороннемъ развитіи; пониманіе каждой единичной болѣзни, является ли она въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, выплываетъ въ ясности при знаніи вѣхъ развитія во времени. И такъ, пусть вниманіе и прилежаніе врачей, одушевленныхъ истиной и наукой, обратится къ болѣе общему историческому изученію, и да будетъ ему отведено въ высшихъ школахъ и академіяхъ то положеніе, которое вслѣдствіе высокаго значенія его предмета принадлежитъ ему, какъ обширной отрасли естествовѣдѣнія—съ полнымъ правомъ“.

Таковъ взглядъ Нессега на важность историческаго изученія медицины и исторіи развитія повальныхъ болѣзней, насколько необходимо для выясненія причинъ появленія и исчезанія эпидемій подобное изученіе генезиса этихъ болѣзней.

Мы должны остановиться на этихъ взглядахъ. Какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, историческая патологія кладетъ въ основу своихъ изслѣдованій то положеніе, что какъ отдѣльный индивидуумъ, такъ и все человѣчество въ своей исторіи проходятъ различныя стадіи физическаго развитія и что великія эпидеміи суть именно подобные моменты развитія, соответственно чему и болѣзни въ древности поражали органы растительной жизни (*bestand eine vegetative Krankheits-constitution*), а въ средніе вѣка мало по малу превратились въ страданія органовъ животной жизни (*die sich in eine animale Krankheit - constitution umgewandelt habe*); съ другой стороны, и болѣзни представлялись въ видѣ идеальнаго организма, въ смыслѣ натурфилософской школы, подобно видамъ растений и животнымъ, и этотъ организмъ на пути своего разви-

тія претерпѣвалъ различныя превращенія; такъ, чума Эукидида представляется, какъ образчикъ вымершей нынѣ античной чумы, на смѣну которой явилась бубонная чума, подобно вымершему, напримѣръ, мамонту, родичу современнаго слона. Задачей исторической патологіи являлось отысканіе тѣхъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы возсоздать родословное дерево болѣзней. Едва ли нужно указывать, насколько эти натурфилософскія идеи исторической патологіи сродны идеямъ Ламарка и Дарвина. Но историческая патологія не могла выполнить своей задачи во всемъ ея объемѣ, она скорѣе является исторической *эпидемиологіей*, ограничиваясь по необходимости большими эпидеміями, имѣвшими всемірно-историческое значеніе и потому и отмѣченными историками. Причины тому очевидны—это крайняя скудость источниковъ. Древнѣйшія извѣстія убѣждаютъ почти лишь въ томъ, въ чемъ и безъ нихъ едва ли можно было бы сомнѣваться—что болѣзни такъ же стары, какъ и человѣчeskій родъ; для позднѣйшихъ временъ, начиная съ древней исторіи грековъ и римлянъ вплоть до среднихъ вѣковъ включительно, имѣются лишь свидѣтельства историковъ объ эпидеміяхъ, но безъ точныхъ медицинскихъ описаній—фактъ, замѣчательный для источниковъ, коими принуждена пользоваться историческая патологія: какъ въ древніе вѣка, такъ и въ среднія времена современники врачи молчатъ даже о величайшихъ эпидеміяхъ. Гиппократъ хранитъ молчаніе объ аеинской чумѣ, Галенъ лишь вскользь упоминаетъ объ Антониновой, и только въ 14 вѣкѣ являются первыя свидѣтельства врачей Guy de Chauliac и Chalin de Vinagio о черной смерти.

Въ свѣту этого изъ временъ древнихъ и среднихъ вѣковъ мы знаемъ лишь о великихъ эпидеміяхъ и о тѣхъ болѣе мелкихъ, которыя сопровождали войны или приписывались голоду, землетрясенію, засухѣ, наводненіямъ, суровой зимѣ и проч. Въ этихъ описаніяхъ разница между древними и новѣйшими эпидеміями не больше различія въ степени умственного развитія и образованія авторовъ древнихъ и новѣйшихъ хроникъ, такъ что исторія древнѣйшихъ эпидемій скорѣе превратится въ исторію возрѣвнѣй на эпидеміи, чѣмъ исторію самыхъ эпидемій. Только за послѣднія три столѣтія являются надежныя врачебныя источники *).

Но если прежняя историческая патологія, за неимѣніемъ до-

*) Подробности см. А. Müry, Über die historische Pathologie, Arch. f. physiol. Heilkunde, 1843.

статочно надежныхъ, точныхъ и всестороннихъ данныхъ замѣняла ихъ отсутствіе произвольными и подъ часъ фантастическими толкованіями, то нельзя не поставить въ упрекъ современной эпидемиологіи, собирающей возможно большее число статистическихъ данныхъ—отголосокъ реакціи противъ натурфилософіи,—что и статистическій методъ не въ состояніи пролить больше свѣта на причины возникновенія и того или иного теченія эпидемій; объ этомъ рѣчь ниже. Дѣйствительный прогрессъ замѣчается лишь съ тѣхъ поръ, какъ заразныя болѣзни стали доступны экспериментальному изученію; достигнутые до сихъ поръ результаты даютъ намъ смѣлость провѣрить на историческомъ матеріалѣ справедливость одного изъ выводовъ многолѣтней опытности Н. И. Прогова, именно что война есть главный факторъ въ дѣлѣ возникновенія эпидемій. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія историческій матеріалъ является достаточно полнымъ,—дѣйствительно, войны и эпидеміи, какъ мы постараемся показать, идутъ рука объ руку.

Аеинская чума 430 г. до Р. X. является отголоскомъ персидскихъ войнъ; чума Орозія *) завершаетъ собой рядъ эпидемій, вспыхивавшихъ въ теченіе упорной борьбы Рима съ Кароагеномъ; Антонинова чума, упоминаемая Галеномъ, несомнѣнно связана съ персидской войной и изъ Селевкии разлилась по всей Римской имперіи, двигаясь изъ Месопотаміи и Сиріи, вмѣстѣ съ римскими легіонами, навстрѣчу наступающимъ съ сѣвера германскимъ племенамъ. Чума Антонина является прологомъ тѣхъ ужасовъ, которые потрясли orbis terrarum Romanus въ эпоху переселенія народовъ; чума Юстиніана является финаломъ, когда вандалы проникли уже въ Африку, и также стоитъ въ очевидной связи съ персидской войной Юстиніана.

*) Чума Орозія представляется наглядной иллюстраціей утвержденія Dagensberg'a, что исторія медицины гораздо чаще пишется не по источникамъ, а изъ вторыхъ рукъ. Въ самомъ дѣлѣ, у Haeser'a, извѣстнаго знатока исторіи, несомнѣнно по недосмотру, чума Орозія помѣчена 125 г. до Р. X., вмѣсто до Р. X.; между тѣмъ этотъ недосмотръ, несмотря на явный анахронизмъ, вошелъ во все позднѣйшіе учебники, и нѣмецкіе и французскіе, напр., Boas, Laveran, а у насъ у Ковнера; Boas даже самого Орозія на этомъ основаніи помѣчаетъ какъ писателя II в. по Р. X., тогда какъ Орозій былъ кароагенскимъ епископомъ въ V вѣкѣ и написалъ свои Historiae adversus paganos въ 417 г. по Р. X.; дѣйствительнымъ же авторомъ Орозіевой чумы былъ собственно Ливій, книги котораго утрачены и сохранились лишь въ извлеченіи, сдѣланномъ Орозіемъ. См. Corpus scriptorum ecclesiasticorum. ed. academiae Vindobonensis, t. V, стр. 301. 1882 г.

Юстианова чума возникла въ эпоху великаго переселенія народовъ, когда западныя провинціи были уже въ рукахъ германскихъ племенъ, преимущественно же готовъ и вандаловъ, а на востокѣ тѣснили Персы и уже надвигались Арабы и Турки, — какъ результатъ Персидской, Вандальской и Готской войны *). Черная смерть въ XIV столѣтіи занесена въ Европу изъ Индіи потоками дикихъ туранскихъ ордъ, главнымъ образомъ турками **); вспышка холеры

*) Гиббонъ, описывая (т. IV, 500 и слѣд.) персидскую войну (540—541 г., т. е. непосредственно предшествовавшую появленію чумы), говоритъ объ ея окончаніи, что „бѣдствіямъ войны положили конецъ бѣдствіи моровой язвы“ (стр. 507). Хотя все историки, согласно Прокопію, помѣщаютъ начало чумы въ Пелузіумъ, въ окрестностяхъ котораго находилось озеро lacus Sirbonius, пользовавшееся самой дурной репутаціей, какъ мѣстопробываніе Тифона — злого гения въ столькихъ мифологіяхъ, тѣмъ не менѣе вопросъ о чумѣ Юстиніана нуждается въ новомъ пересмотрѣ, — таково авторитетное заключеніе и Hirsch'a: Agathias berichtet ausdrücklich, indem er von dem Jahre 542 spricht, die Pest habe seit dem fünften Regierungsjahre Justinians (531), in dem sie zuerst in Constantinopel ausgebrochen sei, nie ganz aufgehört. Dies haben Procopius, Euagrius, dessen Abschreiber Nicephorus Callistus und nach ihnen sämtliche neuere Geschichtschreiber übersehen (Die grossen Volkskrankheiten, 5. Ann. 2).

А если мы въ вопросѣ объ эпидеміяхъ будемъ сравнивать показанія историковъ-специалистовъ съ выводами историковъ-врачей, то невольно складывается впечатлѣніе, что послѣдніе, разсматривая событія съ своей профессиональной точки зрѣнія, часто склонны принимать часть за цѣлое и слѣдствие за причину. Наприм. мы привели взглядъ Гезера, согласно которому, чума Юстиніана погасила послѣдніе проблески греческой культуры, а свѣжія нѣмецкія народности вызвали новую жизнь (см. прим., стр. 1).

Но западныя провинціи оказались въ рукахъ варваровъ много раньше Юстиніановой чумы; самый Римъ былъ взятъ и разграбленъ вандалами еще столѣтіемъ раньше, и при томъ съ такою неслыханной свирѣпостью, которая вошла въ пословицу; самыя войны Юстиніана были предприняты съ цѣлью возвратить подъ власть Имперіи Кароагенъ и бывшую столицу міра — Римъ, и эти оуспѣшительныя войны, разорившія цвѣтущія области, продолжались, начиная съ 533-го года, т. е. въ теченіи десяти лѣтъ *раньше* той ужасной вспышки чумы, въ 542 году, которая является уже скорѣе финаломъ, а не исходнымъ пунктомъ бѣдствій. Три бѣдствія поражали міръ, въ царствованіе Юстиніана, замѣчаетъ Гиббонъ, — войны, голодъ и моровая язва; а выматривая пристальнѣе, приходишь скорѣе къ заключенію, что не будь войны, не было бы ни голоду, ни моровой язвы; да и тутъ чума является только послѣ персидскаго похода, представляющаго собой какъ бы повтореніе римскаго похода при Антонинѣ; такъ что Сирія и Месопотамія являются опять источникомъ чумы.

**) Кроме известной уже литературы о черной смерти, мы укажемъ еще здѣсь на недавно вышедшую монографію: The Great Pestilence (A. D. 1348—9), now commonly known as the Black Death, by F. A. Gasquet, Lond. 1893.

Въ ней приведено, между прочимъ, слѣдующее весьма важное свидѣ-

вѣствіе съ чумой въ Индіи въ XIX вѣкѣ идетъ рука объ руку съ тѣмъ политическимъ переворотомъ въ имперіи Великаго Могола, который Маколей сравниваетъ съ эпохой правленія слабыхъ пре-емниковъ Θεодосія Великаго, то есть съ тою же эпохой, которая дала Юстиніанову чуму. Подобно германскимъ племенамъ въ Европѣ, Индію грабили различныя горныя племена, афганцы, персы; вассалы Великаго Могола вели постоянныя войны между собой и съ Моголомъ, а англійская Остъ-Индская Компанія хозяйничала такъ, что парламенту приходилось сажать на скамью подсудимыхъ даже такихъ дѣятелей, какъ лордъ Клейвъ (lord Clive), которому, въ сущности, англичане обязаны приобрѣтеніемъ Индіи *).

Путь сообщенія между Европой и Индіей, Китаемъ и азіатскими странами впервые точно описалъ въ 1321 году венеціанецъ Marino Sanudo, въ сочиненіи, обращенномъ къ папѣ Іоанну XXI, т. е. почти за 30 лѣтъ до вспышки чумы (Marinus Sanutus, Liber secretorum Fidelium crucis super Terrae Sanctae recuperatione et conversatione). Цѣлью этого сочиненія было указать трудности и опасности, съ которыми была сопряжена торговля съ Востокомъ. Древнимъ центромъ всей торговли съ далекимъ Востокомъ былъ Багдадъ; изъ этого центра расходились все караванныя пути по всему Востоку; но въ то время, какъ писалъ Sanudo, намѣстникъ дикихъ ордъ въ центральную Азію сдѣлало торговлю вдоль этихъ дорогъ опасной и ненадежной. Онъ писалъ это 1321 г., а въ 1346 уже вспыхнула чума (I. c. 2—5). Завоеванія турокъ въ Малой Азіи начались съ 1326 г. (осада Брюссель); въ Европу они вступили въ 1354 г.

*) См. біографію Маколей: Lord Clive и Warren Hastings, а также сочиненіе Ламанскаго: Индія, 1893 г. О первомъ появленіи чумы въ Индіи см. рѣчь д-ра И. Эрихсена на статистическомъ конгрессѣ въ Петербургѣ въ 1872 году (Сборникъ Медицинск. Департ. 1873, т. I, стр. 31), представившаго фактическія доказательства противъ взгляда, будто войска не разносятъ холеры.

Относительно характера англійскаго господства въ Индіи важно имѣть въ виду слѣдующее замѣчаніе англійскаго историка Фримана. „Благодаря дѣйствительной колонизаціи, англійской или какой другой европейской націи, можно смѣло сказать, раздвигались и границы самой Европы. Все, что дѣлаетъ Европу Европой, все, что отличаетъ Европу отъ Африки и Азіи, было перенесено въ Америку и Австралію и даже въ самую Африку. Развитие этой новой Европы составляетъ такую же существенную часть европейской географіи, какъ и измѣненіе въ старой Европѣ. Иное дѣло представляютъ территоріи, большія и малыя, занятыя Англією или другими европейскими государствами для военныхъ или торговыхъ цѣлей. Форты, факторіи или имперіи, основанныя на варварской почвѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ шансовъ для развитія новой европейской націи, не представляютъ собой проявленій истинной колонизаторской дѣятельности, поэтому и не являются расширеніемъ границъ Европы. Такого рода поселеніями въ варварскихъ земляхъ являются тѣ обширныя остиндскія владѣнія, въ которыхъ Англія смѣнила собою Португалію, Францію и наследниковъ Тимура... Азіатская имперія государя Британскаго королевства не есть ни расшире-

Появившись въ Индіи въ 1817 году, холера дошла въ 1821 году до Персіи, но на этотъ разъ остановилась, такъ сказать, на порогѣ Россіи и переступила его не рапѣ, какъ вслѣдъ за персидской и турецкой войной 1826—29 гг., которыя велись въ Персіи и въ Арменіи, гдѣ въ 1827 г. вспыхнула съ ужасной силой и чума. Холера въ 1833 году, какъ *разъ послѣ голоднаго* 1832 г., даетъ въ то же время, какъ то ни странно, *наименшій* процентъ смертности, именно 38%, въ Царствѣ Польскомъ даже 20%, и вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ годъ является послѣднимъ годомъ первой пандемической волны *). Получается парадоксальное впечатлѣніе, какъ будто голодь лучше всего иммунизируетъ населеніе противъ холеры.

Въ виду этого представляется заслуживающимъ полного вниманія взглядъ Н. И. Пирогова, что войны и связанное съ ними скученіе населенія и войскъ, военныя бѣдствія и лишенія являются тѣмъ могущественнымъ дѣятелемъ, который въ состояніи любую заразную болѣзнь, тлѣющую гдѣ-либо на аренѣ военныхъ дѣйствій, какъ слабая искра, не проявляющая себя ничѣмъ инымъ, кромѣ одиночныхъ разсѣянныхъ заболѣваній, раздуть въ громадный пожаръ, искры котораго заносятся всюду какъ передвиженіями войскъ, такъ и мирными сношеніями. И Пироговъ не только проводитъ въ своихъ сочиненіяхъ этотъ взглядъ, но, основываясь на своихъ наблюденіяхъ, объясняетъ и способъ, какъ болѣзнь дѣлается повальной и какъ слѣдуетъ бороться съ нею. И воззрѣнія Пирогова во многихъ деталяхъ находятъ себѣ полное подтвержденіе въ фактахъ, добытыхъ современною бактериологіей, преимущественно французскою школой.

Чтобы ознакомиться съ характеромъ изслѣдованій Hirsch'a, ученика Hoesker'a, приведемъ здѣсь выдержку изъ его заключенія о значеніи карантинныхъ въ исторіи чумы, вопроса, какъ извѣстно, имѣющаго такой жгучій современный интересъ.

„Съ конца 15 и начала 16 столѣтія, т. е. съ того времени, когда вѣра въ авторитеты поколебалась и должна была уступить мѣсто непосредственному изученію природы, свободному отъ предвзятыхъ идей, среди врачей и народовъ Европы укоренилось то

ніе Англіи, ни расширеніе Европы, ни созданіе новой англійской или европейской націи. Имперія Индіи стоитъ внѣ европейскаго міра, внѣ политической системы, выработавшейся въ старомъ и новомъ Римѣ“ (Фришагъ, Историч. Географ. стр. 432.) Детали см. въ упомянутомъ сочиненіи Ламанскаго, составленномъ на основаніи наиболее авторитетныхъ англійскихъ источниковъ.

*) См. Л. Павловской, Холерные годы въ Россіи. 1893 г. стр. 2—5.

убѣжденіе, что чума всегда заносится къ намъ съ востока и всегда переносится изъ страны въ страну; если этотъ путь заразы теперь, понятно, еще нельзя прослѣдить, то все же, въ очень многихъ случаяхъ, особенно для большихъ эпидемій конца 17 и начала 18 столѣтій, можно доказать его съ полной достовѣрностью. Угасаніе чумы въ Европѣ было постепенное, шло рука объ руку отчасти и съ развитіемъ и усовершенствованіемъ карантинныхъ, какъ со стороны востока, такъ и отдѣльныхъ странъ между собою. Я, въ самомъ дѣлѣ, не могу понять, какъ при безпристрастной критикѣ фактовъ, принимая во вниманіе непрекращающееся существованіе чумы въ восточныхъ областяхъ ея господства, можно, хотя на минуту, усумниться, что въ правильной карантинной системѣ лежитъ *главная причина* исчезновенія чумы съ лица Европы. Я умышленно говорю—главная причина, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что важнымъ моментомъ исчезновенія, такъ сказать изгнанія, чумы изъ Европы, было улучшеніе и гигиенической обстановки европейскихъ народовъ; но что восприимчивость къ чумѣ среди европейскихъ народовъ ничуть не уменьшилась, то доказываютъ заболѣванія европейцевъ не только на востокѣ, но и на возвращающихся на родину судахъ и въ европейскихъ карантинныхъ *).

Гезеръ въ своей Исторіи повальныхъ болѣзней (русскій переводъ помѣщенъ въ Архивѣ Судебной Медицины за 1865 и 1866 г.), сохраняетъ въ своемъ изложеніи полную объективность; онъ одинаково отмѣчаетъ какъ несомнѣнные случаи заноса чумы, такъ и возникновеніе чумы, по свидѣтельству современниковъ, безо всякаго заноса, подъ влияніемъ социальныхъ и мѣстныхъ условій и эпидемической конституціи въ смыслѣ Сиденгама. Повидимому, Haeser держится ученія Сиденгама, которое онъ такъ резюмируетъ въ своихъ Основахъ Исторіи Медицины (пер. Дохмана, стр. 287, Казань, 1890 г.): „Появленіе *острыхъ* болѣзней въ высокой степени зависитъ отъ вліянія временъ года. Яснѣе всего послѣднее выступаетъ въ перемежающихся лихорадкахъ, господствующихъ весной и осенью. Еще большее значеніе придаетъ Sydenham, и здѣсь слѣдуя Гиппократу, перемѣнамъ въ конституціи болѣзней. Многолѣтнія наблюденія привели его къ заключенію, въ настоящее время всѣми признаваемому, что *эпидемическія* болѣзни не зависятъ отъ перемѣны по-

*) Hirsch, Hdb. der historisch-geographischen Pathologie, I, § 118, стр. 207, 1859 г.

годы и время года; зато онъ приписываетъ ихъ появленіе неизвѣстнымъ процессамъ внутри земли, процессамъ, которые влекутъ за собой загрязненіе атмосферы. Эта эпидемическая конституція слѣдуетъ опредѣленнымъ законамъ возрастанія, высшаго развитія и уменьшенія. *Ab occulta potius et inexplicabili quadam alteratione in ipsis terrae visceribus pendent, unde aer ejus modi effluviis contaminatur, quae humana corpora huic aut illi morbo addiunt determinantque. Acuti ut plurimum Deum habent auctorem, chronici ipsos nos.* И въ самомъ дѣлѣ, Haeser, слѣдя Сиденгаму, съ особой тщательностью отмѣчаетъ всѣ землетрясенія, наводненія и прочее, гдѣ бы они ни случились на земномъ шарѣ, какъ до начала, такъ и въ самый разгаръ эпидеміи. Мы должны отнестись съ величайшей признательностью къ Гезеру, что онъ не забылъ въ своихъ описаніяхъ о необычайныхъ явленіяхъ природы, игравшихъ значительную роль въ возрѣніяхъ большинства врачей прошлаго времени; но не можемъ не вспомнить замѣчаній Эстерлена объ эпидемическихъ конституціяхъ. Врачи часто дѣлаютъ ошибку, указываетъ Эстерленъ, называемую въ логикѣ *tautologia*, *petitio principii*, что подмѣчено уже Мольеромъ (знаменитый отвѣтъ *quia est in eo (morphio) virtus dormitiva*, на вопросъ: почему морфій вызываетъ сонъ!); способствуетъ этому, во-первыхъ, неоднозначность нашихъ словъ, а во-вторыхъ, употребленіе латинской фразеологіи. Считаютъ достаточнымъ объясненіемъ, если то, что требуется объяснить, обозначать другими словами; такъ, вмѣсто того, чтобы сказать, что такія-то болѣзни, какъ дизентерія, холера, тифъ являются эпидемически, потому что такова ихъ неизвѣстная намъ природа (*weil es einmal ihre Art, ihre Natur so mit sich bringt, epidemisch aufzutreten*), предпочитаютъ говорить: онѣ теперь господствуютъ эпидемически, потому что таковъ эпидемическій *genius morborum*, эпидемическая конституція даннаго года, данной мѣстности; равнымъ образомъ фактъ, что дѣти золотушныхъ, спфилитическихъ родителей часто бываютъ также золотушны и спфилитики, объясняютъ словами, что таково ихъ врожденное, наследственное расположеніе; чахоточные не страдаютъ ракомъ, потому что между этими болѣзнями существуетъ антагонизмъ (*Med. Log.* 497, 498).

Мы привели отзывъ Hirsch'a о значеніи карантинныхъ въ борьбѣ съ эпидеміями, такъ какъ этотъ вопросъ, въ практическомъ отношеніи, составляетъ центральный пунктъ всего ученія объ эпидеміяхъ. Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ вопроса и

ограничимся лишь указаніемъ, что карантинны и до сихъ поръ, въ самомъ законодательствѣ, являются главнѣйшей предупредительной мѣрой противъ заноса эпидеміи. Замѣтимъ только, что вопросъ о карантинахъ рѣшается далеко не такъ просто, какъ говорить это Hirsch. Толозанъ, лейбъ-медикъ персидскаго шаха, проведеній 20 лѣтъ въ различныхъ мѣстностяхъ Малой Азіи—отечества чумы, предостерегаетъ противъ возможности ошибки, если основываться только на принципѣ *post hoc ergo propter hoc*. „Quand ces mesures prophylactiques coïncident avec la disparition du fléau, on triomphe, et on ne te demande pas si elles ont été prises assez à temps pour avoir pu empêcher sa diffusion. Que si, par malheur, elles n'ont pas réussi, on ne manque pas d'attribuer leur insuccès à leur manque de sévérité et de promptitude. Il serait à désirer que les diverses administrations sanitaires réfléchissent bien au vice de ce mode de raisonnement; qu'elles reconussent que, si on édicte des mesures restrictives, il faut le faire aussi près que possible du début des épidémies, et non pas à leur fin, comme cela a toujours eu lieu depuis douze ans. De plus, avant de tirer des conclusions favorables ou défavorables à telle ou telle mesure hygiénique, il faudrait bien peser les circonstances dans lesquelles on l'a employée et se demander ce qui serait arrivé si on ne l'avait pas mise en usage. Il va de soi, sans aucune doute, que la contre-épreuve directe est impossible dans ces graves circonstances, où il s'agit de la santé de toute une nation et quelquefois de tout un continent. Mais on pourrait, sans rien risquer, avoir un peu plus sous les yeux les exemples dont je suis loin de conseiller l'imitation, mais dont j'ai été forcément plusieurs fois le témoin *). Этихъ примѣровъ мы еще коснемся ниже. Какъ мы уже говорили, мы полагаемъ, что историческій обзоръ можетъ оказать намъ нѣкоторую помощь въ выясненіи спорныхъ пунктовъ. Но, къ сожалѣнію, какъ Гезеръ, такъ и Гирригъ, сосредоточивая преимущественное вниманіе на главнѣйшихъ эпидеміяхъ, касаются лишь вскользь общаго фона, на которомъ и появляются эти болѣзни, почему многія сопутствующія обстоятельства и остаются все-таки безъ желательнаго объясненія, а между тѣмъ, по нашему убѣжденію, эти-то побочныя условія и проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на главные факты. Вотъ причины, почему мы рѣшились продолжить свою работу, которая, безъ сомнѣнія, и не можетъ быть сравнива-

*) Les trois dernières épidémies de peste du Caucase, par I. D. Tholozan, 1879.

ема съ упомянутыми классическими трудами; она имѣетъ очень скромную цѣль прибавить нѣсколько чертъ къ той общей картинѣ, нарисованной ими, мелочей, которыя они должны были обойти молчаніемъ, такъ какъ по обширности своей работы не могли войти во всѣ детали. Что касается поварныхъ болѣзней въ Россіи, то Рихтеръ въ своей „Исторіи Медицины въ Россіи“ (три тома, 1814—1820 гг.), впервые собралъ богатый матеріалъ, выбранный имъ изъ лѣтописей и архивовъ, такъ что прибавить къ нему остается лишь очень немного. Но страннымъ образомъ, въ то время, какъ Haeser и Hirsch хорошо съ нимъ знакомы и часто пользуются его свѣдѣніями, у насъ трудъ Рихтера почти неизвѣстенъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не приходило вступать ссылки на него нигдѣ, кромѣ брошюры д-ра Студитскаго о чумѣ, 1879 г. (читанной имъ въ Обществѣ русскихъ врачей въ Москвѣ); редакціи „Архива Судебной Медицины“, повидимому, также осталось неизвѣстнымъ, что Исторія Рихтера переведена и на русскій языкъ Бекетовымъ *); не упоминаетъ о ней и Дохманъ въ своемъ переводѣ „Основъ исторіи медицины Гезера“. Объясняется, конечно, это тѣмъ, что, дѣйствительно, Исторія Рихтера—библиографическая рѣдкость.

Исторія эпидемій интересна съ медицинской точки зрѣнія, насколько она даетъ возможность ближе подойти къ вопросу о причинахъ возникновенія и способахъ распространенія эпидемій. Какъ извѣстно, на эти вопросы далеко еще не установилось между врачами единство воззрѣній. Смотря потому, на что авторы обращаютъ больше вниманія, возникаютъ и различные взгляды и теоріи. и въ настоящее время такихъ теорій не одна: контагіонисты, инфекціонисты, эпидемисты и локалисты—спорятъ о томъ, кто изъ нихъ правъ. Вотъ въ краткихъ словахъ опредѣленія этихъ теорій по Oesterlen'у (онъ говоритъ о чумѣ): чума возникаетъ и распространяется только путемъ прямого соприкосновенія съ больными, равно какъ съ ихъ вещами и т. д., — говорятъ контагіонисты; только путемъ вырабатываемаго больными летучаго, по всей вѣроятности, газообразнаго яда или миазмы, — говорятъ инфекціонисты; только вслѣдствіе особаго состоянія атмосферы, которое называли то *constitution epidémique*, то *genius epidemicus*, то *Epidemicität* — говорятъ эпидемисты; вслѣдствіе всѣхъ этихъ моментовъ вмѣстѣ, или одного изъ нихъ въ отдѣльности— говорятъ сторон-

*) Исторія Рихтера первоначально издава авторомъ на вѣмецкомъ языкѣ (см. предисловіе къ II тому).

ники „золотой середины“ — *juste milieu*. Не подъ вліяніемъ ни одного изъ нихъ, а отъ причинъ, существующихъ всегда и всюду, но никакъ не отъ специфическихъ причинъ, — говорятъ немногіе противники всякихъ специфичностей, къ которымъ принадлежитъ Oesterlen. Если мы добавимъ къ этому взглядъ Петтенкофера на значеніе мѣстныхъ условій, то мы перечислили всѣ теоріи въ главнѣйшихъ чертахъ: болѣе мелкія различія обуславливаются уже болѣе мелкими деталями въ воззрѣніяхъ.

Такимъ образомъ, въ историко-медицинскомъ сочиненіи приходится имѣть дѣло не только съ фактами, касающимися самыхъ эпидемій, но и съ воззрѣніями и теоріями.

Необходимость выяснить, насколько возможно, не только самый способъ возникновенія эпидемій, но и происхожденіе и развитіе различныхъ взглядовъ, заставляетъ насъ, въ нѣсколько большихъ, можетъ быть, деталяхъ, бросить взглядъ на состояніе различныхъ эпохъ, на главнѣйшія событія, характеризующія ихъ, въ той надеждѣ, что если мы и не будемъ въ состояніи всегда съ достаточной степенью точности разъяснить происхожденіе самыхъ эпидемій, то во всякомъ случаѣ можемъ понять, какъ и почему слагались тѣ или другіе взгляды. Эта-то двойная задача историко-медицинскаго обзора и обуславливаетъ принятую нами форму изложенія—на-ряду съ дошедшими до насъ свѣдѣніями объ эпидеміяхъ—удѣлить достаточно вниманія и общимъ событіямъ эпохи, подъ вліяніемъ которыхъ слагались у современниковъ взгляды на текуція событія какъ вообще, такъ и въ частности на эпидеміи.

Считаемъ необходимымъ тутъ же отмѣтить слѣдующее обстоятельство. На одинъ и тотъ же фактъ возможны различные воззрѣнія, смотря по разстоянію, съ котораго онъ разсматривается. Прочтите описаніе, напримѣръ, черной смерти у Боккачіо, поразившей Европу въ XIV столѣтіи,—для него крайняя заразительность чумы настолько очевидна, что возможность какого-либо сомнѣнія въ этомъ для него была бы невѣроятна. Но по мѣрѣ удаленія отъ этихъ грандіозныхъ эпидемій, начинаются уже сомнѣнія, да въ самомъ ли дѣлѣ чума такъ заразительна. Наконецъ, въ концѣ XIX вѣка, когда чума является спорадически гдѣ-то тамъ, въ далекомъ Египтѣ или Сиріи, Oesterlen въ 1873 году считаетъ уже непостижимымъ, какъ могутъ находиться люди, которые признаютъ какую-то заразительность чумы. Какую бы мы ни взяли эпидемическую болѣзнь, мы встрѣчаемъ одно и то же. Съ одной стороны, безусловные контагіонисты, съ другой—столь же рѣши-

тельные антиконтагионисты,—не составляет исключения из этого даже оспа; напр., арабские врачи, впервые описавшие ее, даже и не подозревали ее заразительности, полагая, что оспа, как и „цвѣтъ“ наших индекъ, есть не что иное, какъ естественное и неизбежное явление, помощью котораго кровь ребенка лишь очищается отъ материнской, и сравнивали процессъ высыпанія съ выдѣленіемъ масла изъ молока при его взбалтываніи,—и въ такомъ объясненіи усумнились не ранѣе XVI—XVII вѣка (см. у Димерброка). Мы убѣждены, что только историческій методъ изслѣдованія можетъ выяснитъ эти непримиримыя крайности; только принципы исторической критики, блестяще, по отзыву историковъ, изложенныя, наримѣръ, Фриманомъ въ его „Методахъ изученія исторіи“, могутъ помочь намъ найти руководящую нить среди этихъ противорѣчій. Вотъ почему придаемъ мы такое значеніе свидѣтельству современниковъ очевидцевъ, хотя бы даже и не врачей, и почему для оцѣнки этихъ свидѣтельствъ мы приводимъ тѣ факты, которые, какъ намъ казалось, могли имѣть вліяніе на правдивость и безпристрастность ихъ замѣчаній.

Но имѣя намѣреніе въ изученіи прошлаго искать указаній, могущихъ освѣтитъ и облегчить изученіе современнаго положенія вещей, мы должны особенно позаботиться о выборѣ руководящей нити въ этомъ странствованіи по отдаленнымъ вѣкамъ, такъ какъ отъ надежности выбранной нами путеводной нити всецѣло зависить, конечно, выберемъ ли мы на такую высоту, съ которой предъ нами раскроется наиболѣе обширный кругозоръ и все явленія предстанутъ предъ нами въ надлежащихъ взаимныхъ соотношеніяхъ, или же, наоборотъ, мы рискуемъ запутаться въ лабиринтѣ частныхъ и получить, какъ въ цилиндрическомъ зеркалѣ, искаженное изображеніе дѣйствительности. Намъ кажется, мы лучше всего сдѣлаемъ, если съ этой цѣлью разсмотримъ взгляды Oesterlen'a *), который, какъ врагъ всякихъ специфичностей, предъявляетъ каждой теоріи и гипотезѣ наиболѣе строгія требованія.

„Всякій разъ одновременное повальное заболѣваніе населенія при какой-либо эпидеміи указываетъ на дѣйствіе причинъ, вліяніе которыхъ сказывается сразу на многихъ. А такъ какъ почти все заболѣваютъ такъ быстро, почти внезапно, часто съ жестокими

припадками, то съ незапамятныхъ временъ народъ пришелъ, наряду съ другими суевѣрными взглядами, также и къ представленію объ ядѣ, а эти идеи въ умахъ болѣе образованныхъ, въ умахъ врачей, превратились въ идеи о приличивой заразѣ, передающейся съ одного на другого, или подѣ-часъ въ идею о воздушномъ летучемъ ядѣ (miasma).

„Въ подобнаго рода воззрѣніяхъ, кромѣ предразсудковъ и суевѣрія, кроется еще значительная доля самолюбія и тщеславія, которыя великолѣпно охарактеризованы въ слѣдующихъ словахъ великаго Гумбольдта“: Во всѣхъ странахъ свѣта, говоритъ онъ, люди какъ будто находятъ великое утѣшеніе въ представленіи, что эпидемическая болѣзнь заносится къ нимъ извнѣ. Такая вѣра льститъ національному самолюбію. Есть что-го унижительное въ мысли, что живешь въ странѣ, которая порождаетъ эпидеміи; поэтому гораздо успокоительнѣе для насъ считать эти болѣзни за заѣзжихъ гостей или за случайныя явленія. Народъ легко принимаетъ подобное объясненіе, такъ какъ оно очень удобопонятно. Врачи, власти, тоже очень довольны имъ: слово „занесено“ освобождаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности и трудовъ, отъ необходимости отыскивать и устранять дѣйствительныя причины болѣзни. „Этотъ ядъ или контагій, этотъ неизвѣстный X, по Петенкоферу, распространяется, говорятъ намъ, или

1. самими больными и посредствомъ воздуха, непосредственно окружающаго ихъ, посредствомъ испареній, вещей, бѣлья и такъ далѣе, или

2. независимо отъ больныхъ, при помощи болѣе обширной воздушной атмосферы, которая можетъ содержать специфическій летучій ядъ (miasma).

Первое изъ этихъ представленій было взглядомъ контагионистовъ въ собственномъ смыслѣ слова, второго держались миазматикъ или инфекціонисты; и существенно тѣ же взгляды находимъ мы до сихъ поръ, только теперь при холерѣ X или заразу ищутъ не столько въ самихъ больныхъ, сколько въ ихъ испраженіяхъ и почвѣ. О *третьей* гипотезѣ, которая въ прежнее время имѣла наибольшее число сторонниковъ и согласно которой болѣзни обусловливаются не ядомъ собственно или заразой, носящейся въ воздухѣ, а своеобразнымъ, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстнымъ состояніемъ атмосферы, можетъ быть, особыми загрязненіями ея (constitutio epidemica, genius epidemicus),—объ этой гипотезѣ мы не будемъ говорить, такъ какъ она уже слишкомъ устарѣла.

*) Fr. Oesterlen. Die Seuchen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung 1873 г.; Cholera gift und Pettenkofer, 1868; Die Medicinische Logik, 1852 г.; Hdb. der medicinischen Statistik 1864. Гигиеническія шельма, рус. пер. 1866 г.

Послѣдуемъ далѣе за Oesterlen'омъ въ его критикѣ теоріи Петтенкофера.

„Едва ли можно найти другую болѣзнь, какъ эпидемію, весь характеръ появленія и распространенія которой болѣе холеры противорѣчилъ бы всякой идеѣ о зараженіи, по крайней мѣрѣ о зараженіи чрезъ прикосновеніе отъ одного къ другому. И въ виду все болѣе и болѣе накопляющихся фактовъ, столь рѣшительно противорѣчащихъ всякой идеѣ о зараженіи или отравленіи, вѣра въ заразительность холернаго больного для окружающихъ слабѣла все болѣе и болѣе, и наконецъ сталъ ребромъ вопросъ, да заразительна ли вообще холера въ какомъ бы то ни было отношеніи?“

Новѣйшее изданіе старой вѣры въ яды, съ которымъ мы отнынѣ имѣемъ дѣло, впервые было продуктомъ британскаго остроумія и именно W. Budd первый возымѣлъ идею, или первый опредѣленно высказалъ, что холера распространяется чрезъ посредство испражнений, такъ же какъ и тифъ, даже отъ страдающихъ только холернымъ поносомъ. Въ Германіи первый воспринялъ эти многообѣщающія идеи Петтенкоферъ и съ чисто нѣмецкой основательностью развилъ въ цѣлую систему, чтобы примирить, — какъ говоритъ самъ Петтенкоферъ, — съ идеею о заразѣ массу противорѣчащихъ ей фактовъ, но уже не въ прежнемъ узкомъ, а болѣе широкомъ смыслѣ.

И нужно отдать справедливость Петтенкоферу, — проницательно замѣчаетъ далѣе Oesterlen *), — что вмѣсто прежняго неуловимаго, туманномистическаго X, который называли то contagium, то miasma, то constitutio epidemica, теперь имѣли въ холерныхъ изверженіяхъ, по крайней мѣрѣ, нѣчто, что можно было видѣть, брать въ руки, изслѣдовать, даже нюхать и пробовать и, пожалуй, глотать, и все такимъ образомъ получило извѣстный видъ положительности, осязательности, какъ того требуетъ прогрессъ современной медицины. Еще большую заслугу оказалъ Петтенкоферъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ многихъ, что его теорія въ извѣстной мѣрѣ совместила прежнія взгляды какъ контагіонистовъ, такъ и инфекціонистовъ или миазматиковъ и эпидемистовъ, и такимъ образомъ, къ немалому удовольствію всѣхъ, разрѣшила старинный споръ. Ибо насколько и для Петтенкофера существенной причиной заболѣванія холерой является все-таки въ концѣ концовъ присутствіе страдавшаго холерой или, по крайней мѣрѣ, холернымъ поносомъ, или здороваго,

*) Не нужно забывать, что Эстерленъ самъ антиконтагіонистъ.

но прибывшаго изъ холерной мѣстности и являющагося источникомъ заразы для позднѣйшихъ заболѣваній — онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія контагіонистовъ, и Петтенкоферъ называетъ это контагіознымъ или личнымъ элементомъ своей теоріи. И въ самомъ дѣлѣ даже ультра-контагіонисты могли удовлетвориться тѣмъ болѣе, что Петтенкоферъ признаетъ свою заразу въ видѣ contagium animatum. Но сколько же Петтенкоферъ принимаетъ, что заразительны не сами по себѣ больные, и что контагіи не воспроизводятся въ челоуѣкѣ, но ихъ испраженія производятъ заразу лишь послѣ своеобразнаго процесса броженія или созрѣванія въ пригодной къ тому почвѣ, изъ которой она далѣе распространяется преимущественно чрезъ воздухъ, — онъ гармонируетъ съ инфекціонистами; это Петтенкоферъ называетъ миазматическимъ и мѣстнымъ элементомъ своей теоріи. А поскольку его заразное начало изъ холерныхъ испражнений, почвы, воды и т. п. переходитъ даже въ обширный воздушный круговоротъ, Петтенкоферъ приближается также и къ эпидемистамъ. Словомъ, его заразное начало, не есть ни контагіи, ни миазма или летучій ядъ, но что-то въ родѣ помѣси обоихъ, и какъ единица высшаго порядка царитъ надъ ними всѣми. При ближайшемъ разсмотрѣніи въ выигрышъ оказываются, однако, больше инфекціонисты-миазматики, нежели контагіонисты, такъ какъ вмѣсто личнаго зараженія является X, созрѣвающій внѣ больного, благодаря разложенію или броженію его изверженій, послѣ чего распространяющійся и заражающій, какъ въ малыхъ, такъ и большихъ размѣрахъ, преимущественно чрезъ воздухъ.

Примечаніе. Съ цѣлью уяснить возможно лучше сущность возраженій Эстерлена, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ прежнихъ и позднѣйшихъ сочиненій Петтенкофера, въ которыхъ онъ излагаетъ свои взгляды. какъ, напр., въ статьѣ: Дезинфекція, какъ средство противъ распространенія холеры, помѣщенной въ Zeitschrift für Biologie, Bd. II, Heft I, 1866 (русск. перев. въ Архивѣ Суд. Мед. 1867, № 1, мартъ); статья эта интересна еще и потому, что показываетъ, какъ у Петтенкофера слабились его воззрѣнія.

„Наша представленія о необходимости и дѣйствительности дезинфекціи, въ настоящее время, основаны еще только на предположеніяхъ, имѣющихъ, впрочемъ, значительную степень вѣроятности. Наблюденія и выводы изъ нихъ привели насъ къ тому, что мы принимаемъ существованіе въ испраженіяхъ холерныхъ больныхъ, или вообще людей, побывавшихъ въ зараженныхъ холерою мѣстахъ, особенно вещества, отъ присутствія котораго существенно зависитъ зараженіе холерою. Но многія причинами мы предполагаемъ, что вещество это получаетъ свою дѣйствительность вслѣдствіе нѣкотораго рода броженія или гніенія, происходящаго въ испраженіяхъ, и что оно, исходя изъ испраженій, доходитъ до насъ, главнымъ образомъ, черезъ воздухъ, частью

же и через воду, употребляемую для питья; и этот, пока еще не исследованный точно, процесс, мы надеемся, посредством употребления различных средств, посредством *ослификации*, остановить, уничтожить, или вообще сделать безвредным. Следовательно, мы, так сказать, хотим съ завязанными глазами попасть въ цель; и при этомъ можетъ произойти съ нами то же, что уже не разъ происходило въ разныхъ положеніяхъ, въ которыя насъ ставитъ практическая жизнь, особенно въ области медицины, т. е. именно тѣ мѣры, на которыя мы всего болѣе рассчитываемъ, и которыя требуютъ наибольшей затраты средствъ, могутъ оказаться наиболѣе ошибочными. Безъ терпѣнія и безъ систематичнаго образа дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ никогда нельзя надѣяться на успѣхъ; все дѣло зависитъ отъ того, на какую точку зрѣнія станешь сначала, и въ какомъ направленіи станешь двигаться впередъ. А обо всемъ этомъ могутъ быть весьма различныя мнѣнія.

Какія дезинфицирующія средства хороши, можно окончательно рѣшить только посредствомъ сравнительныхъ опытовъ инфекціи (зараженія) и дезинфекціи на животныхъ, и наблюденій надъ людьми. Опыты зараженія животныхъ посредствомъ испражнений холерныхъ больныхъ еще не въ такой степени увѣличались успѣхомъ, чтобы можно было считать доказательство вполне достаточнымъ. Самые лучшіе опыты произведены Лаудеромъ, Лицсейемъ и Каромъ Тиршемъ, но и ими нельзя совершенно удовлетвориться, особенно относительно приложимости ихъ къ теоріи о процессѣ зараженія людей. Опыты Тирна потому имѣютъ особенный интересъ не для одного настоящаго, но и для будущаго, что они въ первый разъ доказали, что испражнения и содержимое кишекъ въ разныхъ степеняхъ разложенія производятъ на небольшихъ млекопитающихъ (мышей) различное дѣйствіе, смотря потому, свѣжи ли эти вещества или пролежали нѣсколько дней *).

Испражнения холерныхъ больныхъ и содержимое кишечнаго канала холерныхъ труповъ, предоставленные разложенію, въ первые дни не производили вреднаго дѣйствія на этихъ животныхъ; потому, въ теченіе извѣстнаго времени, они становились причиной болѣзненныхъ явленій, а черезъ нѣсколько дней теряли это свойство, и оказывались такими же безвредными, какъ и въ началѣ. Послѣдній періодъ наступалъ въ похожихъ на рисовый отваръ испражненіяхъ холерныхъ больныхъ, уже черезъ недѣлю, а въ содержимомъ тонкихъ кишкахъ холерныхъ труповъ—черезъ двѣ недѣли.

Несомнѣнно значить, что въ испражненіяхъ холерныхъ больныхъ происходитъ процессъ, имѣющій слѣдствіемъ временное образованіе вреднаго для здоровья вещества. *Этотъ фактъ сограиить существенно свое значеніе, даже если окажется, что то же дѣйствіе производятъ и другія испражненія, а не одни холерныя.*

Кромѣ опытовъ зараженія животныхъ, были произведены еще наблюденія надъ вліяніемъ дезинфекціи испражнений на распространеніе холеры между людьми, — хотя до сихъ поръ еще очень неполнымъ образомъ, представляющимъ мало ручательствъ за успѣхъ. Общественная гигиена и въ будущемъ должна будетъ видѣть въ дезинфекціи, если не единственное, то во всякомъ случаѣ, главное средство къ предупрежденію и ограниченію эпидемій, а самый пред-

метъ заслуживаетъ, и вѣрнѣе, и возбуждаетъ, вниманіе не одного врачебнаго и административнаго круга, но и всей публики, которой я въ слѣдующихъ строкахъ постараюсь изложить сущность его.

Общій процессъ, результатомъ котораго является зараженіе холерою и противъ котораго должна быть направлена дезинфекція, вѣрнѣе, слѣдуетъ разсматривать, какъ родъ броженія или гніенія; въ пользу такого воззрѣнія говоритъ множество важныхъ фактовъ, и одна ли теперь еще можетъ быть серьезный споръ объ этомъ пунктѣ. Гораздо болѣе могутъ расходиться мнѣнія относительно того, какой образецъ броженія или гніенія должны мы выбрать, чтобы испытывать на немъ свои дезинфицирующія средства. На той же почвѣ, что и я, стоитъ авторъ статьи о холерѣ и тифѣ, помѣщенной въ 24 Allgemeine Zeitung; онъ только въ этомъ расходится со мной, что старается найти для гипотетическаго холернаго и тифознаго бродила (фермента) болѣе опредѣленный видъ. Всякій опытъ въ этомъ направленіи, непротиворѣчающій извѣстнымъ уже фактамъ, имѣющій целью обогатить область новыми фактами, заслуживаетъ одобренія, и гипотеза о холерныхъ и тифозныхъ спорахъ и дрожжахъ можетъ привести къ прекраснымъ открытіямъ; но ее не слѣдуетъ понимать такъ, какъ будто извѣстныя винныя или пивныя дрожжи были единственнымъ типомъ или образцомъ и того неизвѣстнаго броженія или гніенія, которому хотятъ воспріять дезинфекціей испражненій; это бы значило придерживаться предвзятаго мнѣнія, и жертвовать общей точкой зрѣнія ради какой-то, можетъ быть, совсѣмъ не существующей аналогіи.

Очень важный вопросъ, отъ котораго зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ дезинфекціи—все равно, какими бы средствами ни старались ее достигнуть, заключается въ томъ, *когда* ее нужно предпринять, *когда* ее слѣдуетъ начать въ извѣстномъ домѣ или въ извѣстной мѣстности. Дезинфекція не есть санитарная мѣра, а только профилактическая.

Если холера, въ данномъ домѣ, уже развилась до такой степени, что одинъ изъ жителей его несомнѣнно зараженъ ею, то для другихъ жителей, того же дома, почти все равно—будетъ ли послѣ этого предпринята дезинфекція или нѣтъ; потому что условія, приведшія перваго заболѣвшаго жителя въ прикосновеніе съ заразительнымъ веществомъ, существовали въ то же самое время, среднимъ числомъ, и для всѣхъ другихъ, и тогда уже отъ индивидуальнаго расположенія и отъ продолжительности инкубаціоннаго періода будетъ зависеть, заболѣютъ ли они или нѣтъ, и если заболѣютъ, то когда.

Въ этомъ случаѣ дезинфекція имѣетъ уже только значеніе для *будущихъ* сношеній, которыя будутъ имѣть другіе съ этимъ домомъ, но не для тѣхъ лицъ, которыя уже побывали въ немъ. Какъ въ этихъ случаяхъ *жители* дома заражены уже прежде, нежели между ними обнаружатся признаки болѣзни, такъ и *посѣтители* его могли уже занести изъ него зародыши холеры въ свои жилища, гдѣ онъ можетъ или развиться, или не развиться, смотря по мѣстнымъ и индивидуальнымъ условіямъ. Если теперь опять ждать съ дезинфекціей ихъ домовъ до тѣхъ поръ, пока въ нихъ произойдутъ случаи заболѣванія, которые бы привели туда врачей, то уже опять будетъ поздно, не только для жителей этихъ домовъ, но и для всѣхъ тѣхъ, кто въ это время бывалъ въ нихъ. До сихъ поръ дезинфекція слѣдовала по пятамъ за холерой, въ зараженныхъ мѣста, вмѣсто того, чтобы опережать ее. Единственный, извѣстный мнѣ, полныя исключенія изъ этого правила—холерный госпиталь въ Алтенбургѣ и городъ Цвик-

*) Подробности см. напр. въ работѣ Л. Попова, Арх. Боткина, 1872 г.

кау, гдѣ дезинфекція посредствомъ желѣзнаго купороса употреблялась дѣйствительно профилактически, своевременно и всѣми, и гдѣ она по этому—особенно въ Цвиккау, имѣла успѣхъ, который едва ли возможно сепарировать. Во всякомъ случаѣ, результаты, полученные въ Цвиккау, таковы, что было бы недобросовѣстно не продолжать дѣла въ томъ же направленіи.

Такъ какъ дезинфекцію отдѣльныхъ домовъ слѣдуетъ разсматривать какъ профилактическую мѣру, то является вопросъ: когда жители данной мѣстности должны начать ее, и сколько времени продолжать. Этотъ вопросъ очень важенъ, и хотя на него пока еще нельзя дать совершенно определеннаго отвѣта, но разобрать его слѣдуетъ, чтобы вызвать болѣе удовлетворительныя рѣшенія его, нежели тѣ, которыя существуютъ при теперешнемъ состояніи изслѣдованій по этому предмету. Всего проще было бы предпринимать всеобщую систематическую дезинфекцію во всей Европѣ, какъ только холера приблизится къ границамъ ея. Я самъ совѣтовалъ это въ 1855 году, въ сочиненіи своемъ о способѣ распространенія холеры; тогда у меня еще не было основанія для ученія о временномъ расположеніи; мысль о вліяніи почвенной воды возникла въ моей головѣ только въ 1856 году, при географическомъ разсмотрѣніи баварскихъ мѣстныхъ эпидемій. Не говоря уже о невозможности найти матеріалъ, необходимый для всеобщей одновременной дезинфекціи, эта мысль уже и потому лишена теперь основанія, что опытъ показалъ уже, что далеко не всѣ мѣста способны воспринятію холеры, и что и тѣ, которыя способны, способны не во всякое время. Такимъ образомъ, ученіе о мѣстномъ и временномъ расположеніи получаетъ большое *практическое* значеніе.

Уже давно я старался пайти характеристическіе признаки мѣстнаго и временнаго расположенія, о чемъ я и говорилъ въ прежнихъ своихъ статьяхъ, и я едва ли ошибусь, если предположу, что изслѣдованія по этимъ направленіямъ уже не прекратятся, хотя бы и уже не могли продолжать ихъ, и хотя бы многія изъ моихъ предположеній оказались ложными.

Что касается мѣстнаго расположенія, вліянія общихъ почвенныхъ условій, то здѣсь нѣкоторыя изъ выработанныхъ мною положеній уже почти всѣми принимаются за доказанныя; опроверженія ихъ, бывшія сначала весьма многочисленными (я напому только о появленіи холеры въ Кинбергѣ, на Карствъ и въ Краинѣ) постепенно уменьшались въ числѣ, и удалялись все на большія и большія разстоянія. Противники моихъ положеній говорятъ уже только о пустыняхъ Аравіи, объ отдаленныхъ островахъ, о восточномъ полуостровѣ Ост-Индіи, вообще о такихъ мѣстахъ, которыя еще не изслѣдованы точнѣе ни въ одномъ изъ тѣхъ отношеній, которыя я призналъ существующими. Я бы очень желалъ, чтобы это было сдѣлано, или чтобы мнѣ самому удалось найти время и случай предпринять необходимыя изысканія. Я нисколько не сомнѣваюсь, что и въ самыхъ отдаленныхъ отъ насъ мѣстахъ дѣло происходитъ совершенно такъ же, какъ въ ближайшихъ. Мѣриломъ для временнаго расположенія я признавалъ состояніе воды въ скважинахъ слоевъ почвы, всего вѣрнѣе, выражающееся, въ аллювіальной почвѣ, въ родѣ той, на которой стоитъ Мюнхенъ, — въ уровнѣ почвенной воды. Я обозначалъ особенно время пониженія ея съ необычайно-высокаго уровня, какъ самое опасное, и до сихъ поръ мнѣ еще не попадался ни одинъ фактъ, который бы доказывалъ, что я ошибаюсь. Особенно подтвердилось мои воззрѣнія нынѣшнее появленіе холеры мѣстами, какъ бы островами, въ Саксоніи, на сравнительно узкихъ и короткихъ полосахъ, на склонахъ руд-

ныхъ горъ, и, въ противоположность тому, непопавленіе ея въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Мюнхенѣ; я теперь твердо убѣжденъ, что нахожусь *на настоящей дорогѣ*.

Во позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ Петтенкоферъ держась въ сущности тѣхъ же взглядовъ, какъ и прежде, именно, что холера есть болѣзнь заносная (что онъ называетъ эфидистической теоріей), тѣмъ не менѣе уже считаетъ всѣ мѣры противъ заноса недѣйствительными, такъ какъ холера развивается только лишь на удобной къ тому почвѣ. Въ сочиненіи *Zum gegenwärtigen Stand der Cholerafrage* (1885 г.) (подробно реферированномъ и разобраннымъ Галаннинымъ въ его сочиненіи: *Мѣропріятія противъ холеры*, 1892 г.), Петтенкоферъ такъ говоритъ о тѣхъ фактахъ, которые привели его къ признанію за свойствами мѣстности преобладающаго вліянія на развитіе холерныхъ эпидемій. „Несомнѣнные факты доказываютъ, что холера во время эпидемій часто замѣчательнымъ образомъ локализуется, и что мѣстныя эпидеміи обнаруживаются чаще всего вдоль рѣкъ и въ рѣчныхъ долинахъ.

Во пользу этого факта едва ли кто-либо приводилъ столько фактовъ, сколько ихъ привелъ я изъ наблюденій во время эпидемій холеры въ Баваріи въ 1854 г. Послеъ того, какъ я напрасно искалъ вдоль желѣзныхъ дорогъ и шоссевыхъ путей группъ мѣстныхъ заболѣваній, которыя могли бы быть связаны съ сношеніями между лицами, я говорилъ: обнаруживается гораздо большее соотношеніе между отдѣльными пораженными холерою мѣстностями, если мы обратимъ вниманіе на ихъ положеніе на рѣчныхъ долинахъ или вблизи ихъ, останавливаясь на свойствѣ почвы и формации мѣстности (склонъ поверхности). Если изъ всего изложеннаго является неоспоримымъ, что расположеніе на рѣчной долинѣ или близъ нея способствуетъ существенно развитію холерныхъ эпидемій, то это даетъ намъ поводъ остановиться ближе на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ явленіяхъ, могущихъ дать, можетъ быть, точку опоры для высненія этого неоспоримаго вліянія. Каждый, слѣдующій по картѣ за мѣстностями, вдоль рѣкъ пораженными холерою, не можетъ не замѣтить, что части долинъ, расположенныя у истоковъ рѣкъ, представляютъ постоянно извѣстной длины полосы, свободныя отъ холерной эпидеміи. Не слѣдуетъ думать, что это явленіе находится въ связи съ защищающимъ вліяніемъ каменистой почвы, которая, напр., можетъ быть у истоковъ нашихъ горныхъ рѣкъ, такъ какъ рѣки, берущія начало въ Альпахъ, протекаютъ на значительномъ пространствѣ по третичной формации и чрезъ обширную аллювіальную равнину, прежде чѣмъ вблизи ихъ появляются пораженныя холерою мѣстности.

По поводу же причины холеры, Петтенкоферъ выражается такъ: Я никогда не былъ противъ бактерий и микроорганизмовъ, какъ причины инфекціонныхъ болѣзней, напротивъ, я признавалъ это воззрѣніе уже въ то время, когда оно было еще въ меньшинствѣ. Уже въ 1869 году, въ работѣ о почвѣ и почвенной водѣ въ ихъ отношеніяхъ къ холерѣ и тифу, я высказывался, что я признаю специфическихъ микроорганизмовъ за возбудителей этихъ болѣзней и именно на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ для спиртнаго броженія необходимы дрожжевые грибки; но людей оупьяняетъ алкоголь, а не дрожжи, и алкоголь происходитъ изъ соевѣль другаго источника, чѣмъ дрожжи. Далѣе я показывалъ, что изъ - за холернаго болѣзнаго также не можетъ возникнуть эпидемія, какъ изъ дрожжей нельзя сдѣлать вина или пива, а для этого необходимы солодъ или виноградный сокъ: *не сравнивая человеческого тѣла съ солодомъ или ви-*

пограднымъ сокомъ, тѣмъ не менѣе и для холернаго броженія необходимо признать все-таки существованіе посредствующаго члена, что я называю мѣстно-временнымъ расположеніемъ, какъ необходимы эти посредствующіе члены для музирной ржавчины сосенъ и рышетчатой ржавчины яблонь, на которыя указываетъ Крамеръ. Больная сосна не заражаетъ здоровой сосны, или больная яблоня—здоровой яблони, но эти эпидеміи, или, выражаясь точнѣе, эпидендріи зависятъ отъ мѣстнаго или временнаго присутствія рододендрона или *Ledum palustre* или *Juniperus Sabina*.

Для того, чтобы остановить эти древесныя болѣзни, не нужно съ корнемъ вырывать деревья или изолировать ихъ, что не можетъ принести никакой пользы; ихъ можно оставить спокойно стоять, если уничтожить посредника инфекции.

Такою посредствующую роль при холерныхъ эпидеміяхъ играютъ, очевидно, извѣстныя почвенныя отношенія, которыя по мѣсту и времени бываютъ различными.

Я считаю возможнымъ, что человекъ переноситъ холерный зародышъ изъ холерныхъ мѣстностей въ своихъ испражненіяхъ, но они должны сперва пасть на плодородную почву, при обстоятельствахъ, которыхъ бактериологія въ настоящее время еще не знаетъ, чтобы дать свой вредоносный плодъ, и думаю также, что этотъ зародышъ разносится уже гораздо раньше того, какъ обнаруживаются случаи холеры въ данной мѣстности: за продолжительное скрытое, латентное, состояніе занесенныхъ въ данную мѣстность зародышей, ясно говорить рядъ фактовъ, и мнѣ кажется, что принятіе этой латентной стадіи для объясненія многихъ эпидемій представляется неизбѣжнымъ. Мы должны поработать съ традиціей, будто время занесенія холеры совпадаетъ съ прибытіемъ холернаго больнаго или вещей, загрязненныхъ имъ.

Почему Петтенкоферъ отказался отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на дезинфекцію, онъ объясняетъ въ 1885 г. такъ: если холера дѣйствительно распространяется посредствомъ сношеній людей, то специфическое начало, играющее роль посредника при передачѣ болѣзни (*x*, какъ я называлъ его прежде) должно же приставать къ чемунибудь, и если для распространенія холеры необходимы сношенія людей, то проще всего считать самого человека за носителя ея,—а если это начало можетъ причинить заболѣваніе человека, то его, несомнѣнно, можно найти и въ тѣлѣ больнаго, и слѣдуетъ искать его, прежде всего, именно здѣсь. Нѣтъ спора, что такой ходъ мысли—совершенно правиленъ. Я самъ пошелъ по этому пути, и 30 лѣтъ тому назадъ началъ свои наблюденія надъ холерой, въ полномъ убѣжденіи, что въ холерныхъ изверженіяхъ содержится зародышъ. Но когда для меня выяснилась зависимость холеры какъ отъ сношенія людей, такъ и отъ условій мѣстности, то я старался объяснить себѣ связь между обоими этими фактами слѣдующимъ простымъ вопросомъ и не менѣе простымъ отвѣтомъ.

Вопросъ: что переходитъ отъ человека въ почву при личныхъ сношеніяхъ его съ извѣстной мѣстностью? Отвѣтъ: моча и плотныя испражненія, больше ничего. Это положеніе привело меня лично, а равно и другихъ, къ тому мнѣнію, что дезинфекція изверженій и ихъ пріемниковъ должна быть хорошей предохранительной мѣрой противъ распространенія холеры и что въ недезинфицированныхъ изверженіяхъ заключается опасность зараженія. Этихъ понятій я еще крѣпко придерживался въ апрѣлѣ 1866 г., когда я, вмѣстѣ съ моими друзь-

ями Гринингеромъ и Вундерлихомъ, издалъ «холерный регулятивъ» и я отказался отъ нихъ только тогда, когда при продолжительномъ изученіи фактовъ мнѣ все болѣе и болѣе выяснялась какъ бесполезность дезинфекціонныхъ мѣръ, такъ и безвредность недезинфицированныхъ холерныхъ испражненій...

Мнѣ кажется, что бѣлье холерныхъ больныхъ заразительно не потому именно, что происходитъ отъ холернаго больнаго, а потому, что происходитъ изъ холерной мѣстности (?)*.

Вообще во всемъ холерномъ вопросѣ необходимо строго отличать самые факты отъ ихъ толкованій, — на этомъ именно особенно настаивалъ Эстерленъ; не слѣдуетъ также думать, что Петтенкоферъ первый указалъ на значеніе мѣстныхъ условій и индивидуальнаго предрасположенія. Это вліяніе констатировалъ еще въ 1830 г. нашъ Медицинскій Совѣтъ въ *Собраніи актовъ и наблюденій, относящихся къ холерѣ 1829 и 30 годовъ въ Астраганской и Оренбургской губ.*: Ни время года, ни измѣненіе температуры воздуха не оказываютъ никакого дѣйствія на прекращеніе сей болѣзни. Однако наблюденіями дознано, что влажныя мѣста, тѣсныя жилища, извуреніе тѣла, худая пища, нагота тѣла болѣе располагаютъ къ оной. По сей причинѣ въ Индіи пострадало отъ нея менѣе Европейцевъ, нежели Индѣйцевъ, чаще подвергающихся вліянію вышесчисленныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, опытъ доказалъ, что въ Астраханн 1823 года болѣзнь сія прекратилась съ наступленіемъ зимняго времени (но въ Оренбургской губерніи продолжалась она и зимою).

Въ англійской арміи, расположенной въ Индіи, множество умирало отъ сей эпидеміи, покуда войска не были переведены изъ низкихъ на возвышенныя мѣста.

Вообще замѣчено, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произрастаетъ рисъ, гдѣ растутъ высокія травы, гдѣ послѣ разлитія рѣкъ остаются болота, также въ мѣстахъ лѣсистыхъ, болѣзнь сія свирѣпствуетъ гораздо болѣе, нежели въ открытыхъ равнинахъ и мѣстахъ возвышенныхъ. Вѣтры не препятствуютъ и не ускоряютъ ея хода. Замѣчено даже, что изъ Бенгалъ распространилась она до Декана, совершенно противу юго-западнаго вѣтра, дувшаго нѣсколько мѣсяцевъ безпрестанно.

Не всѣ, обращающіеся съ одержимыми сею болѣзнію, получаютъ оную. Однако изъ сего не слѣдуетъ еще выводить заключенія о ея незаразительности: ибо точныя наблюденія показали, что она можетъ распространяться и чрезъ сообщеніе.

Изъ всѣхъ вышесказанныхъ наблюденій слѣдуетъ извлечь заключенія, что заразительность холеры хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ неоспорима; но она не такъ явственна, какъ въ чумѣ и желтой лихорадкѣ. Заразительное ея вещество оказываетъ дѣйствіе свое не на всѣхъ имѣвшихъ съ больными непосредственное сообщеніе; а въ особености замѣчено сіе при началѣ эпидеміи.

Въ самое послѣднее время (въ 1894 г.) Петтенкоферъ заявляетъ, что какъ онъ вѣрилъ въ существованіе *x* при холерныхъ эпидеміяхъ, такъ теперь онъ вѣритъ въ существованіе холернаго вибриона Коха. Но въ такомъ случаѣ падаетъ и моноластическая гипотеза, что равносильно отказу отъ прежнихъ исключительныхъ взглядовъ и толкованій. „Хотя я не могу сказать, въ чемъ заключается мой *y*, но все же я указалъ на рядъ фактовъ относительно почвы и атмосферныхъ вліяній, которыя несомнѣнно дѣйствуютъ на этотъ *y*. Вліяетъ ли *y* на *x*, т. е. размноженіе или вредоносность холернаго вибриона, или же влія-

не его ограничивается з, т. е. индивидуальнымъ предрасположеніемъ, это пока все равно (?) Успѣхъ ассенизаціонныхъ работъ показываетъ, что почва, несомнѣнно, причастна этому у^а (1894 г.). Но кто же оспаривалъ когда нибудь вліяніе побочныхъ условій на исходъ зараженія? Оспаривались только теоретическія толкованія фактовъ и монобластическая гипотеза Петтенкофера, по терминологіи Негели. Въ настоящее время споръ сводится, какъ ultimum refugium, на вопросъ о значеніи воды, какъ носителя заразы, что оспаривается Петтенкоферомъ. Дезинфекцію, именно помѣщений, Петтенкоферъ вновь рекомендуетъ въ 1885 г., т. е. отчасти уже соглашается съ противниками, рекомендуя, какъ лучшую мѣру, особенно дезинфекцію подполья сулемой.

„Такова крайне остроумная, но въ еще большей мѣрѣ растяжимая теорія, и по Петтенкоферу нѣтъ ни одного случая холеры, который нельзя было бы объяснить зараженіемъ или заносомъ. Какъ же можетъ быть иначе, — замѣчаетъ Oesterlen, — если Петтенкоферъ объясняетъ все, что только возможно, заразнымъ и въ простомъ случайномъ совпаденіи видитъ прямые доказательства, для отрицательныхъ же случаевъ у него готово объясненіе въ видѣ отсутствія мѣстнаго, временнаго предрасположенія и т. п.?”

„Но и самое главное затрудненіе обходится подобнымъ же образомъ. Такъ какъ свѣжія холерныя изверженія, при опытахъ съ ними, не дѣйствовали совершенно, загнившія же, напротивъ, по крайней мѣрѣ, вредно, то они должны были продѣлать сначала въ почвѣ какой-то таинственный процессъ, и холера должна была сдѣлаться въ извѣстномъ смыслѣ настоящей почвенной болѣзью въ родѣ болотной лихорадки. Другими словами, чтобы спасти свое заразное начало, Петтенкоферъ переселяетъ его въ почву и почвенную воду—это новое большое неизвѣстное, несомнѣнно—тонкій приемъ, тѣмъ болѣе, что онъ даетъ много пищи фантазіи. Но всегда бываетъ вдвойнѣ опасно, если приходится, какъ здѣсь, прибѣгать къ столькимъ гипотезамъ. Думать, вѣрить, можно, конечно, въ концѣ концовъ, во что угодно, какъ и выставять, напр., гипотетическую связь между холерой и почвой и почвенной водой; нужно только сначала доказать подобную связь. Но вмѣсто того, чтобы вывести свою вѣру въ подобныя свойства своего контактія изъ данныхъ единственнаго метода изслѣдованія, могущаго служить основой для заключеній, т. е. прямого опыта, или по крайней мѣрѣ изъ обыкновеннаго анализа возможно обстоятельно и точно изслѣдованныхъ случаевъ заболѣванія при разнообразныхъ обстоятельствахъ, Петтенкоферъ, наоборотъ, приступаетъ къ своимъ изслѣдованіямъ уже съ твердымъ, исключительнымъ, взглядомъ, останавливается въ своихъ данныхъ только на нѣкоторыхъ, кажу-

щихся ему важными, обстоятельствахъ, и представляетъ все въ такомъ видѣ, что тутъ ничѣмъ инымъ, очевидно, не можетъ и оказаться, какъ только самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ его взглядовъ. Развѣ это значитъ принимать въ своихъ изслѣдованіяхъ и заключеніяхъ всѣ мѣры предосторожности, которыя обязательны для насъ и предъявляются къ намъ прежде всего тамъ, гдѣ наши заключенія нельзя вывести изъ прямыхъ фактовъ, недопускающихъ иного толкованія?

„Вообще, лучшей гипотезой будетъ та, которая объясняетъ всего больше и всего проще, естественно связываетъ между собой большее количество фактовъ, лучше всего согласуется съ признанными законами и т. д. и по современному состоянію нашего знанія ближе всего приближается къ истинѣ или лучше всего ее выражаетъ. Если, напр., въ естественныхъ наукахъ придумываютъ новую теорію, то она встрѣтитъ тѣмъ больше довѣрія, чѣмъ большее число фактовъ можетъ быть объяснено не иначе, чѣмъ посредствомъ нея, или же, по крайней мѣрѣ, не такъ хорошо, и если съ другой стороны неизвѣстно никакихъ фактовъ или случаевъ, которые бы ей противорѣчили.

„Между тѣмъ доказательства и объясненія Петтенкофера состоятъ въ томъ, что онъ одно, еще недоказанное, положеніе старается доказать другими, еще менѣе доказанными, одинъ постулатъ другимъ, простое совпаденіе принимаетъ за прямое доказательство существованія вѣроятной для него причинной связи. Первую свою гипотезу, что холера есть специфическая болѣзнь, возникающая у насъ благодаря заносу, Петтенкоферъ доказываетъ помощью другой гипотезы, что холера распространяется только посредствомъ сношенія людей; а эту, такъ какъ больные, къ сожалѣнію, даже не заражаютъ — третьей, что контактіи заключается въ ихъ испражненіяхъ. А такъ какъ, къ несчастію, тѣ холерные больные далеко недостаточны для объясненія большинства случаевъ, то Петтенкоферъ доказываетъ предыдущее положеніе четвертой гипотезой, что заражаютъ и тѣ, которые страдаютъ поносомъ и, можетъ быть, только повидимому здоровые, даже всѣ обитатели холернаго гнѣзда, какъ и ихъ вещи, бѣлье и т. д. А такъ какъ и этого еще недостаточно, такъ какъ свѣжія изверженія во всякомъ случаѣ совершенно невинны, то онъ доказываетъ четвертое положеніе пятой гипотезой, что ихъ ядовитое начало развивается только благодаря еще неизвѣстному процессу въ особенно расположенной къ тому почвѣ и при опусканіи его почвенной воды! И тутъ уже

лови его каждый, у кого есть къ тому охота и средства. Не ясно ли станетъ каждому, что Петтенкоферъ смѣшиваетъ съ доказательствами произвольныя, чисто гипотетическія толкованія, если не просто фантазія и натяжки?“

Но вѣдь выводы Петтенкофера не пустыя же фантазіи; если онъ и не могъ ихъ подтвердить прямыми опытами, то онъ все же опирается на обширныя статистическія данныя? Въ своей *Medicinische Logik*, 1852 г., стр. 130, Osterlen такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: опытъ учить, что хотя съ одной стороны статистическимъ путемъ уже и теперь получено довольно много важныхъ результатовъ, но съ другой — значеніе этихъ результатовъ для уясненія причинной связи понимается не всегда вѣрно и безпристрастно. Мы доказали извѣстное постоянство появленія факта при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, получили *эмпирическій законъ*, часто громадной важности, напр., отношеніе между новорожденными мальчиками и дѣвочками, среднюю продолжительность жизни по возрастамъ, при разныхъ условіяхъ жизни, заболѣваемость и смертность по возрастамъ и климатамъ и т. п. Но статистическія цифры говорятъ только, что столько то и столько родится, заболѣваетъ, умираетъ или выздоравливаетъ, но *не* почему?

Сами по себѣ даже сколь угодно большія цифры, сложеніе еще столькихъ же случаевъ и примѣровъ не выяснятъ намъ причины этой связи, какъ вообще не можетъ этого сдѣлать простое наблюденіе. Мы никоимъ образомъ не должны ожидать постоянныхъ, всегда и вездѣ вѣрныхъ законовъ, или абсолютнаго постоянства добытыхъ статистическимъ путемъ причинныхъ отношеній, но можемъ получить только рядъ *эмпирическихъ* фактовъ и *законовъ*, т. е. такихъ соотношеній, которыя вслѣдствіе дѣйствія или отсутствія многихъ вторичныхъ и, слѣдовательно, перемѣнныхъ вспомогательныхъ причинъ, подвержены столь же частому измѣненію. Другими словами, никогда не будетъ недостатка въ такъ называемыхъ исключеніяхъ и противорѣчіяхъ, о которыхъ мы едва ли бы тотчасъ же оказались въ состояніи дать удовлетворительный отчетъ. Ибо все, что мы можемъ открыть всеми нашими цифрами и вычисленіями, какъ и вообще всякимъ наблюденіемъ и изслѣдованіемъ а *posteriori*—это только простой фактъ или эмпирически установленную связь явленій въ столькихъ то случаяхъ, напр., при эпидеміяхъ относительную заболѣваемость и смертность при извѣстныхъ обстоятельствеахъ,— слѣдовательно, не болѣе какъ только простое *post* или *cum hoc*, что само по себѣ еще далеко до вѣрнаго заключенія о причинной

связи, о вліяніи и образѣ дѣйствія этихъ обстоятельствъ. И статистика, какъ таковая, имѣетъ дѣло только съ числами случаевъ и вычисленіемъ результатовъ, но не съ какими-либо изъ нихъ выводами о факторахъ, обуславливающихъ изслѣдованныя и установленныя ею явленія или случая. Поэтому, открытіе этихъ факторовъ, какъ, наприм., въ нашемъ случаѣ возможнаго вліянія или образа дѣйствія каждаго изъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ въ отдѣльности, при которыхъ, какъ мы видимъ, наступали эпидеміи, или смертные случаи,—можетъ быть достигнуто *только прямымъ экспериментомъ*, если только послѣдній возможенъ. И потому — то въ задачу серьезнаго изслѣдованія этого рода никогда вообще не можетъ входить *изслѣдованіе возможныхъ причинъ* столь сложнаго явленія, какъ, наприм., болѣзни или эпидемія, *но только возможныя дѣйствія* отдѣльной *опредѣленной* причины, того или другаго условія или фактора.

Итакъ, разъ мы не въ состояніи открыть прямыми экспериментами причины болѣзни или эпидеміи, онѣ никогда не могутъ быть предметомъ непосредственнаго наблюденія, также и статистическаго, и всегда являются скорѣе только болѣе или менѣе гипотетическими выводами, добытыми изъ результатовъ нашихъ наблюденій, нашихъ исчисленій.

Конечно, статистика есть важное вспомогательное орудіе нашего изслѣдованія; только нужно остерегаться дѣлать изъ ея цифръ заключенія прежде чѣмъ будетъ установлено, что онѣ дѣйствительно доказываютъ то, что изъ нихъ хотятъ заключить, и что, слѣдовательно, статистикою пользуются надлежащимъ образомъ. Поэтому, при выводахъ изъ статистическихъ данныхъ, какъ бы послѣднія сами по себѣ и ни были вѣрны, нужно быть крайне осторожнымъ, особенно если при счетѣ не всѣ отношенія и детали приняты одинаково въ расчетъ. И какъ трудно установленіе вѣроятныхъ причинъ увеличенія или уменьшенія тѣхъ или другихъ эпидемическихъ болѣзней и смертности отъ нихъ, и какъ легко при этомъ впасть въ ошибку, доказываютъ многія новѣйшія изслѣдованія, особенно въ Англіи. И тамъ изъ результатовъ своихъ вычисленій тотчасъ же выводили могущественное вліяніе тѣхъ или другихъ санитарныхъ улучшеній городовъ, жилищъ, канализаціи и т. д. — на уменьшеніе этихъ болѣзней, на самомъ дѣлѣ не доказавъ однако, вслѣдствіе допущенныхъ погрѣшностей, подобную причинную связь. Все, что могли доказать,—это развѣ только простое *post* или *cum hoc*. Уже то обстоятельство, что результаты обыкновенно полу-

чались различные и противорѣчащiе одинъ другому, является лучшимъ доказательствомъ, что статистика рѣдко примѣнялась надлежащимъ образомъ, что всѣ заключенiя изъ чиселъ были болѣе или менѣе поспѣшны и неосновательны. И такимъ-то образомъ и происходитъ, что многiе, введенные въ заблужденiе подобными изслѣдованiями, часто еще и понынѣ выводятъ эпидемiю изъ такихъ причинъ, какiя, по всей вѣроятности, вовсе не являются таковыми, влiяние которыхъ, по крайней мѣрѣ, ни въ какомъ случаѣ не доказано и не выдерживаетъ критики. Къ какому же иному выводу можно придти въ виду всѣхъ противорѣчiй, какъ не къ тому, что никто изъ изслѣдователей не нашелъ въ дѣйствительности и не знаетъ настоящихъ причинъ эпидемическихъ болѣзней?

Въ экспериментальныхъ наукахъ условiя эксперимента въ нашей власти, и мы можемъ измѣнять ихъ, пока не получимъ удовлетворительнаго отвѣта. Но при повальныхъ и другихъ заболѣванiяхъ мы постоянно имѣемъ дѣло съ дѣйствiемъ очень многихъ факторовъ, обнаруживающихъ свое влiяние одновременно или послѣдовательно, и разложить этотъ ensemble на слагающiя и прослѣдить влiяние каждаго изъ нихъ, мы можемъ только въ умѣ, но тутъ-то и кроется источникъ ошибокъ.

Первымъ шагомъ къ выясненiю причинной зависимости заключается въ томъ, чтобы постараться выяснить этотъ ensemble обстоятельствъ, при которыхъ эпидемiя возникаетъ относительно чаще, если не болѣе или менѣе постоянно, и которыя, можетъ быть, и могутъ считаться ея причинами, и притомъ или такими, которыя должны безусловно проявить свое влiяние, какъ первичныя, главныя причины, или такими, которыя дѣйствуютъ только болѣе или менѣе вспомогательно, какъ вторичныя переменныя причины.

Обыкновенно эпидемiя, въ своихъ первыхъ проявленiяхъ, обнаруживается гораздо раньше, чѣмъ ее такъ назовутъ или признаютъ таковой официально. Приближенiе ея сказывается обыкновенно болѣе или менѣе задолго до настоящаго взрыва усиленiемъ болѣзненности и смертности, такъ же, какъ наступленiю бури предшествуетъ паденiе барометра. И чѣмъ распространеннѣе, чѣмъ сильнѣе эпидемiя, тѣмъ больше число не только тяжелыхъ, ясно выраженныхъ, формъ заболѣванiя, но и легкихъ, такъ называемыхъ abortивныхъ случаевъ, или неопредѣленныхъ недомоганiй. Изысканiя, направленные къ выясненiю возможныхъ причинъ эпидемiи, мы должны начинать не тогда только, когда смертность населенiя сдѣлала уже большой скачекъ, а они должны

обнимать и первый, болѣе или менѣе латентный, периодъ въ связи съ общей смертностью цѣлаго района, иначе мы никогда не поймемъ искомымъ факторовъ *).

Каковы же результаты статистическихъ изслѣдованiй?

Давайте столькимъ-то и столькимъ людямъ дурную недостаточную пищу, заключите ихъ въ узкихъ и грязныхъ помѣщенiяхъ и жилищахъ, безъ свѣта и воздуха, вблизи переполненныхъ, никогда не очищаемыхъ отводныхъ каналовъ, отхожихъ мѣстъ и т. д., старайтесь какъ можно скорѣе истощить ихъ чрезмѣрнымъ трудомъ, заботами, нищетой и всякаго рода стѣсненiями, — и вы получите достаточный материалъ для произведенiя любой эпидемiи. Но если бы спросили меня, говоритъ Oesterlen, можешь ли ты указать сущность и собственную причину холеры или другой эпидемiи? то я долженъ отвѣтить, конечно — нѣтъ.

Основанiе, почему Эстерленъ воздерживается отъ категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ, онъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ въ своемъ Handbuch der medicinischen Statistik: „Если довольно часто и пользовались статистикой, чтобы изъ ея цифръ, безъ дальнихъ разсужденiй, извлекать самыя смѣлыя заключенiя о причинахъ и законахъ изслѣдуемыхъ явленiй, напр., болѣзней, то это доказываетъ только то, какое недостаточное пониманiе имѣютъ многiе и о статистикѣ, и о причинахъ, и о причинной связи и способѣ, какимъ послѣдняя обнаруживается **).“ Мы не имѣли въ виду вполне разбирать теорiю Петтенкофера, мы старались прослѣдить только логическую сторону его взглядовъ, слѣдуя Эстерлену, который, по нашему мнѣнiю, своей безпощадной логикой умѣетъ обнаружить слабые пункты любой гипотезы, которыми такъ богата эпидемиологiя. Въ старинномъ спорѣ контагiонистовъ и антиконтагiонистовъ не можетъ не поразить то обстоятельство, что люди совершенно различныхъ взглядовъ въ подтвержденiе своихъ положенiй очень часто ссылаются на одни и тѣ же факты, истолковывая ихъ каждый въ свою пользу. Эстерленъ особенно настаиваетъ на томъ, что вопросъ въ сущности состоитъ въ томъ, каково дѣйствительное значенiе приводимыхъ доказательствъ, и его характеристика степени убѣдительности статистическихъ доказательствъ заслуживаетъ полнаго вниманiя, такъ какъ онъ самъ авторитетный статистикъ и обстоятельно объясняетъ причину суще-

*) Die Seuchen, 330—340.

**) Стр. 8, прим.

ствования бесконечныхъ споровъ. Приведемъ въ заключеніе его выводъ. Прежде всего необходимо было бы доказать, что почвенная влажность, уровень почвенной воды и его колебанія вообще могутъ имѣть подобное могущественное вліяніе на наше здоровье, жизнь и смерть, и какъ и чѣмъ. Но можно ли высказать что-либо положительное и вѣроятное о созрѣваніи яда и условіяхъ этого процесса раньше, чѣмъ узнаешь что-либо положительное о самомъ существованіи и свойствахъ этого яда? Доводы Петтенкофера такъ мало убѣдительно для Эстерлена, что онъ увѣренъ даже, что его x вовсе и не существуетъ *). Конечно, обитатели извѣстныхъ мѣстностей и плохихъ жилищъ чаще всего и раньше всѣхъ заболѣваютъ холерой; но вѣдь то же самое справедливо и для всѣхъ остальныхъ болѣзней, повальныхъ и неповальныхъ. О вліяніи же мѣстностей намъ извѣстно только одно хорошо, что болотистыя мѣстности представляютъ, внѣ всякаго сомнѣнія, наибольшую заболѣваемость и смертность, но физическія качества почвы тутъ не при чемъ **).

Формулу, данную Петтенкоферомъ: $x + y = z$, разбираетъ и Негели въ слѣдующихъ выраженіяхъ. Одна изъ главныхъ заслугъ Петтенкофера заключается въ томъ, что онъ неоспоримо доказалъ, что при тифѣ, холерѣ, желтой лихорадкѣ для зараженія должны быть на лицо два фактора: одинъ является со стороны больного, другой со стороны почвы. Послѣдній доставляется не всякой почвой, а только почвой вредной, и при томъ не во всякое время, вслѣдствіе этого онъ является временно и мѣстно ограниченнымъ. Вопросъ въ томъ, чтобы выяснитъ совмѣстное вліяніе обихъ факторовъ, предполагая, что они дѣйствуютъ совмѣстно. Въ этомъ отношеніи возможны два случая: 1) зародышъ заразы, дѣйствующій со стороны больного, долженъ пережить извѣстную стадію на нездоровой почвѣ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ силахъ дѣйствительно заражать, или 2) нездоровая почва производитъ въ ея населеніи (міазматическую) заразу, безъ которой зародышъ заразы, дѣйствующій со стороны больного (контагіозный), не можетъ развиваться и производить зараженія. Другія отношенія между міазматическимъ и контагіознымъ факторомъ, кромѣ указанныхъ, невозможны. Разобравши всѣ доводы за и противъ каждой теоріи, Негели дѣлаетъ такой выводъ: на основаніи физиологическихъ данныхъ (куда слѣдуетъ отнести также и отношеніе между колеба-

*) Die Seuchen, стр. 394.

**) Statistik, гл. XVIII.

ніями грунтовой воды и заразительными веществами), первая теорія (монобластическая) утверждающая, что зародышъ, дѣйствующій со стороны больного, при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣлается способнымъ къ зараженію подѣ вліяніемъ почвы, въ высшей степени невѣроятна. Физиологія грибовъ скорѣе благоприятствуетъ второй (дибластической) теоріи, которая говоритъ, что міазматическіе грибы почвы производятъ химическое превращеніе и вслѣдствіе этого міазматическую подготовку организма, благодаря которой онъ дѣлается болѣе доступнымъ для специфическихъ контагіозныхъ грибовъ, дѣйствующихъ со стороны больного. *) Слѣдовательно Негели съ другой точки зрѣнія, чисто ботанической, относительно свойствъ x приходитъ къ тому же заключенію, какъ и Эстерленъ.

Мы потому довольно подробно остановились на критической оцѣнкѣ статистическихъ данныхъ и выводовъ, что и историческое изслѣдованіе имѣетъ дѣло съ фактами того же порядка, какъ и статистика, и потому заранѣе необходимо установить, что историческое изслѣдованіе можетъ открыть только простое сосуществованіе и послѣдовательность; проникнуть же въ глубь, въ уясненіе причинной связи, и исторія, какъ и статистика, можетъ лишь постольку, поскольку эта связь установлена экспериментальными науками.

Состояніе экспериментальнаго изученія этиологіи заразныхъ болѣзней во времена Oesterlen'a было таково, что онъ даже сомнѣвался въ возможности когда либо проникнуть въ сущность причинъ эпидеміи, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда даже Cohnheim, въ своемъ руководствѣ Handbuch der allgemeinen Pathologie, прямо отрицаетъ возможность существованія общей этиологіи, какъ особой научной отрасли.

Наше время гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи, благодаря изслѣдованіямъ Pasteur'a о причинахъ броженія и болѣзней, неожиданно пролившихъ яркій свѣтъ на сущность таинственныхъ процессовъ, издавна занимавшихъ умы какъ врачей, такъ и вообще изслѣдователей природы. Если мы вспомнимъ слова Яна, сказанныя въ 1829 году, и приведенныя выше: что касается до меня, то съ удовольствіемъ признаю, что изученіе естественной исторіи грибовъ и другихъ тайнобрачныхъ гораздо поучительнѣе тѣхъ тысячи книгъ, которыя отъ временъ Гиппократа были писаны о

*) Низшіе грибы, 77 и 113, 1877 г.

болѣзняхъ—оно-то и довело до основнаго понятія о болѣзняхъ,— то мы должны будемъ признать, что онъ не слишкомъ увлекался. Если Гиппократу принадлежитъ честь открытїя, что природа сама исцѣляетъ болѣзни, чѣмъ онъ и положилъ основаніе рациональной терапіи и рациональной патологіи, побудивъ врачей изслѣдовать ходъ исцѣленія, какъ совершающійся по опредѣленнымъ и необходимымъ законамъ, вслѣдствіе всѣхъ причинъ, дѣйствующихъ внутри и внѣ организма *), то въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что Пастёру удалось создать научную этиологію. Вспомнимъ только характеристику этиологіи, сдѣланную еще недавно, въ 1882 году, такимъ изслѣдователемъ, какъ Cohnheim.

„Конечно, отдѣлъ объ общей этиологіи въ современныхъ руководствахъ уже не имѣетъ того страннаго вида, какъ то было еще очень недавно, когда въ ней трактовалось о самыхъ разнороднѣйшихъ предметахъ, отъ темперамента до постелей, отъ атмосфернаго электричества и браковъ до плесени и блохъ, отъ наслѣдственности до напитковъ; но если въ настоящее время и избѣгаютъ вполне благоразумно разъясненій, которыя покоятся на зыбкой и, по большей части, гипотетической почвѣ, то отъ этого она все же не сдѣлалась много лучше. Вы не истолкуете ложно моихъ словъ, и я самъ не буду оспаривать, что всѣ эти вещи имѣютъ значеніе для этиологіи; но что я утверждаю, это единственно то, что *здѣсь нтъ и рѣчи о какомъ либо научномъ принципѣ*. Этиологія, по моему мнѣнію, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ перечисленіемъ и выясненіемъ самыхъ разнообразныхъ моментовъ, которые всѣ вмѣстѣ имѣютъ лишь то общее, что могутъ дѣйствовать въ качествѣ возбудителей болѣзней“. Если мы будемъ имѣть это въ виду, то мы поймемъ, какую громадную заслугу имѣетъ Пастёръ и почему юбилей его праздновался учеными всѣхъ странъ, какъ праздникъ науки, принимающей въ свою среду новую, юную отрасль—бактеріологію.

Едва ли нужно прибавлять, что своими успѣхами Пастёръ обязанъ тому, что онъ шелъ тѣмъ единственнымъ путемъ, который, по словамъ К. Бернара **), ведетъ къ истинѣ въ физиологической наукѣ, именно путемъ эксперимента.

Въ оцѣнкѣ статистическаго метода съ Oesterlen'омъ сходится и

1) Рихтеръ. Вліяніе целлюлярной патологіи на врачебную практику, 1863 г., стр. 10.

***) К. Бернаръ. Жизненные явленія, общія животнымъ и растениямъ, 1878 г., стр. 13, перев. М. Антоновича.

нашъ покойный Н. И. Пироговъ,—вотъ его слова: Я принадлежу къ ревностнымъ сторонникамъ рациональной статистики и вѣрю, что приложеніе ея къ военной хирургіи есть несомнѣнный прогрессъ. Я убѣжденъ, что цифра смертности всѣхъ травматическихъ поврежденій, операцій и патологическихъ процессовъ, несмотря на различныя условія, въ общей сложности должна быть постоянною и опредѣленною... Но я увѣренъ, что безъ ученія объ индивидуальности (еще вовсе не существующаго), невозможенъ и истинный прогрессъ врачебной статистики, хотя къ ней и обращаются именно для того, чтобы избѣгнуть трудностей индивидуализированія при постели больного... Съ приложеніемъ статистическихъ выводовъ къ практикѣ случается то же, что и съ приложеніемъ исторіи въ жизни народовъ. Если бы, полагаясь на кажущуюся точность цифры, вздумали изъ нея сдѣлать постоянное примѣненіе, то, правда, мы стали бы гораздо самонадѣяннѣе, но не основательнѣе. Статистическія данныя въ медицинѣ можно сравнить съ кушаньями изъ языковъ, которыми угощаль Эзопъ философа Ксанфа. Онѣ говорятъ и хорошее и худое, смотря по тому, какъ и что заставляютъ ихъ говорить. При малѣйшемъ недосмотрѣ, неточности и произволѣ, на эти цифры можно гораздо меньше положиться, чѣмъ на тѣ данныя, которыя основаны на одномъ общемъ впечатлѣніи, остающемся въ насъ послѣ простаго, но трезваго наблюденія случаевъ. Этому-то впечатлѣнію я вѣрю болѣе, чѣмъ той статистикѣ, которую я пробовалъ нѣсколько разъ вести, но бросалъ, боясь заблудиться, и другихъ вести въ заблужденіе... Тамъ не до вѣрныхъ статистическихъ выводовъ о цифрѣ смертности каждаго поврежденія, гдѣ раненый и больной подвергаются лишеніямъ, невыносимымъ и для здороваго. *) Тутъ цифра не то бу-

*) Чѣмъ обстоятельнѣе и подробнѣе собираются статистическія данныя, тѣмъ надежнѣе и статистическіе выводы; но тутъ-то статистика и наталкивается на тотъ подводный камень, о которомъ говоритъ Пироговъ, и который онъ ближе опредѣляетъ въ *Военно-врачебномъ Днѣ*: къ обстоятельствамъ, нарушающимъ правильнѣе ходъ сложнаго механизма госпитальной администраціи и отчетности, должно, преимущественно, отнести внезапный наплывъ раненыхъ... Это роковое и частое явленіе должно имѣть въ виду и не требовать отъ врачей невозможнаго. Вести правильнѣе и точно всѣ госпитальныя книги, наиподробнѣйшіе отчеты я, въ то же время, относиться серьезно и тщательно къ раненому и больному невозможно, не только для молодого, но и для самаго опытнаго изъ врачей. Требуя же отъ врачей и исполненія главныхъ обязанностей при постели раненыхъ и точнаго веденія отчетности, необходимо допустить, къ вреду больного, недосмотръ и промахи въ лѣченіи и, ко вреду администраціи, ошибки въ счетоводствѣ. Ч. I, стр. 65.

детъ выразать, что мы ищемъ. Она опредѣлитъ степень опасности не ранъ и операций, а лишей всякаго рода *).

Не подтверждаютъ ли эти слова Пирогова и Oesterlen'a убѣжденія, высказанныя Wunderlich'омъ въ 1841 году **): Одно единичное наблюдение, хорошо описанное, правильно понятое и прослѣженное въ своемъ необходимомъ, послѣдовательномъ развитіи, разъясняетъ и приносить въ патологию гораздо больше пользы, нежели цѣлыя томы цифръ. А такихъ именно наблюдений въ сочиненіяхъ Пирогова собрано столько, что выводы его въ общемъ не утратили своей цѣнности и въ наше время.

Неоспоримо, что статистическія данныя, основанныя на точныхъ наблюденіяхъ, даютъ намъ важныя въ практическомъ отношеніи *эмпирическіе законы*, которыми особенно приходится дорожить въ социальныхъ наукахъ, гдѣ непримѣнимъ *экспериментъ*, нашедшій въ послѣднее время такое широкое примѣненіе въ медицинѣ, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы наблюденія минувшихъ вѣковъ не имѣли никакой цѣны, тѣмъ болѣе, что сравнительно-историческое изученіе можетъ открыть намъ такія стороны, которыя иначе не будучь замѣчены.

И въ особенности въ такомъ сложномъ вопросѣ, какъ вопросѣ объ эпидеміяхъ необходимо пользоваться всякими источниками и путями, которыя могутъ пролить хотя бы искру свѣта, и мы полагаемъ, что за данными статистики и фактами экспериментальными не слѣдуетъ забывать и, хотя бы отрывочно сохранившійся, вѣковой опытъ. Убѣжденіе, что историческое изученіе эпидемій можетъ способствовать уясненію этого вопроса и въ настоящемъ, и является исходнымъ мотивомъ появленія нашего очерка; обращаясь къ эпидеміямъ древняго міра, съ которыхъ начинается вообще изученіе эпидемій, мы полагаемъ, что чѣмъ шире будетъ нашъ историческій кругозоръ, тѣмъ вѣрнѣе можно пріобрѣсти правильный взглядъ; и историческимъ путемъ можно, быть можетъ, скорѣе придти къ рѣшенію вопроса, почему эпидеміи то отсутствуютъ, то вспыхиваютъ съ такой силой, что преодолеваютъ всѣ преграды, которыя ставятся имъ на пути, что прежде привело къ мысли, что эпидеміи обуславливаются вліяніемъ неблагоприятныхъ созвѣздіи или роковыхъ зловѣщихъ свѣтилъ или же вызываются

*) Военно-полевая хирургія. Дрезденъ, 1865 г., стр. 2, 3.

***) Wien und Paris. Ein Beitrag zur Geschichte und Beurtheilung der gegenwärtigen Heilkunde, von Wunderlich.

какимъ-то лихорадочнымъ процессомъ въ нѣдрахъ самой земли, какъ полагалъ Sydenham, или возмущеніями въ атмосферѣ, какъ думалъ Lucretius.

Согласно намѣченной нами задачѣ мы должны прослѣдить образованіе перечисленныхъ выше гипотезъ о происхожденіи заразныхъ болѣзней, прослѣдить условія, среди которыхъ возникла каждая, т. е. важнѣйшія болѣзни и эпидеміи, которыя та или другая гипотеза должна была объяснить, общій уровень знаній той эпохи, къ которой относится ихъ авторы, мѣры, которыя вытекали изъ нихъ и должны были неизбѣжно служить пробнымъ камнемъ ихъ правильности, наконецъ, мы должны коснуться вопроса, въ высшей степени труднаго, какую роль въ дѣйствительности играли эпидеміи въ исторіи, дѣйствительно ли громадныя пандеміи, налетая какъ ураганъ, сметали и уничтожали цвѣтущія населенія и развитую культуру странъ, имѣвшихъ несчастье пережить ихъ, или въ этомъ процессѣ разложенія онѣ играли, можетъ быть, второстепенную и побочную роль, и, наконецъ, каковы тѣ историческія условія внезапнаго появленія пандемій и послѣдующаго ихъ угасанія, быстрого или медленнаго? Мы не скрываемъ ни отъ себя, ни отъ читателей всю важность и всю трудность поставленныхъ вопросовъ, занимающихъ человѣчество съ первыхъ ступеней его культурнаго развитія, и если все-таки, несмотря на все это, мы рѣшаемся, тѣмъ не менѣе, насколько это возможно врачу, а не специалисту-историку, затронуть эти вопросы, то въ нашей попыткѣ насъ поддерживаетъ, съ одной стороны, то обстоятельство, что въ пользу этиологии, относительно чаще приводимой историками медицины, для объясненія вспыхекъ этихъ пандемій, а именно необычныхъ явленій природы, какъ землетрясеній и тому под., до сихъ поръ авторами не приведено ни одного солиднаго доказательства, а съ другой—что Н. И. Пироговъ съ болѣею провицательностью, чѣмъ кто либо до него, выяснилъ тѣ условія, которыя дѣлаютъ эпидеміи неизбѣжнымъ и роковымъ спутникомъ военныхъ дѣйствій. Война—вотъ тотъ недобрый духъ, тотъ истинный *genius epidemicus*, который ничтожную искру, таящуюся въ разсѣянныхъ одиночныхъ очагахъ заразы, раздуваетъ въ громадный пожаръ, охватывающій иногда всѣ страны, потушить который потомъ не всегда удается и въ теченіе цѣлаго столѣтія; вотъ почему представители послѣднихъ санитарныхъ международныхъ конференцій, въ виду безпрестанныхъ новыхъ появленій холеры, наилучшимъ и радикальнымъ къ тому средствомъ склоняются признать не столько огражде-

ніе отъ заноса, сколько борьбу съ пандеміей у самага ея источника *).

И историческіе факты являются непрерывной цѣпью доказательствъ этой темы. Мы старались изъ массы фактовъ, уже извѣстныхъ изъ классическихъ трудовъ Necker'a, Hirsch'a, Haeser'a, остановить свое вниманіе прежде всего на тѣхъ, которыя съ достаточной ясностью обнаруживаютъ дѣйствующія причины, и мы на этомъ основаніи обратились преимущественно къ эпохамъ такъ называемыхъ большихъ эпидемій, какъ такихъ моментовъ, въ которые вліяніе дѣйствующихъ причинъ проявляется съ наибольшей силой, и сравненіе этихъ-то именно эпохъ и заставляеть насъ оцѣнить высокую важность наблюденій Пирогова, проливающихъ яркій свѣтъ на ихъ происхождение. Мы не думаемъ говорить, что война является единственной причиной появленія какой бы то ни было эпидеміи нѣтъ,—но война является существеннымъ моментомъ для эпидемизованія, какъ выражается Эстерленъ, или вѣрнѣе, пандемизованія уже существующихъ болѣзней, а разъ во время войнъ эффектъ искомымъ причинъ проявляется съ наибольшей силой,—мы должны допустить, не лучше ли всего и изучать ихъ въ эти моменты;—война, въ извѣстномъ смыслѣ, есть грандіозный экспериментъ, представляемый исторіей, и наблюденія военныхъ врачей, однихъ изъ главныхъ дѣятелей на театрѣ войны, имѣютъ въ нашихъ глазахъ громадную цѣну. Вотъ почему мы и придаемъ такое значеніе наблюденіямъ и выводамъ Н. И. Пирогова. А разъ намъ удастся уловить главнѣйшія вліянія во время возникновенія эпидемій на театрѣ войны, съ чѣмъ, главнымъ образомъ, и приходится имѣть дѣло въ исторіи эпидемій, тогда намъ будетъ уже, можетъ быть, значительно легче прослѣдить ихъ и въ обыденныхъ, встрѣчающихся намъ всюду, случаяхъ.

Во всѣ времена войны и голодъ, нищета и скученность, лишеніе свободы и заточеніе, порча воздуха и недостаточное питаніе—приводились въ связь съ появленіемъ эпидемическихъ заболѣваній; но каждая попытка уяснить ту таинственную нить, которая связываетъ явленія этихъ двухъ порядковъ, встрѣчала большія затрудненія и приводила къ самымъ разнообразнымъ, крайне растяжимымъ и даже прямо фантастическимъ гипотезамъ: указывалось то вредное дѣйствіе удушливыхъ газовъ и паровъ, то какое-то особенное состояніе атмосферы, космическія и теллурическія влі-

*) См. Rochard, La conférence de Venise.

Гр. Комаровскій, Международныя мѣры для борьбы съ эпидеміями.

янія, дѣйствіе зловѣщихъ аспектовъ или различныхъ свѣтилъ, которыя вмѣстѣ съ особо-чтимыми святыми раздѣляли патронатство надъ разными странами; особенно дурной славой пользовались кометы; образчики подобной этиологіи можно видѣть у Димерброка въ его трактатѣ о чумѣ, гдѣ этотъ вопросъ подвергается подробному спеціальному обсужденію, или въ запискѣ лейбъ-медика царя Алексѣя Михайловича, Андрея Энгельгарда, которому по указу царя были предложены въ 1664 году особые запросы о перемѣнахъ, имѣющихъ случиться въ предбудущемъ году. 23 декабря онъ подалъ обширную ученую записку, предсказывалъ ужасный моръ:

Funera bella

famemque ferunt ventosque cometae *).

Въ недавнемъ прошломъ все объяснилось столь же таинственными, какъ и неуловимыми причинами, какъ діатезъ, предрасположеніе, наследственность, вносившими не малую путаницу въ этиологію. Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ выдержку изъ извѣстнаго руководства Bartz et Rilliet о причинахъ скрофулезно-туберкулезнаго діатеза, — приводимъ въ особенности потому, что съ отголосками его приходится имѣть дѣло до сихъ поръ.

„Не слѣдуетъ думать, что всегда легко узнать причины золотушно-туберкулезнаго діатеза. Если вѣрно, что во многихъ случаяхъ существованіе ихъ неоспоримо, вѣрно также и то, что результаты, полученные до сихъ поръ (1854 г.) относительно ихъ дѣйствительнаго вліянія и частоты каждой изъ нихъ, далеко не имѣютъ достаточной точности. А между тѣмъ патологи, занимавшіеся этимъ діатезомъ, въ большинствѣ случаевъ съ особенной тщательностью перечисляли и обсуждали причины. Въ результатѣ этихъ работъ оказывается, что число причинъ очень почтенно, и если всѣ онѣ вѣрны, а дѣйствіе ихъ столь же постоянно, какъ объ этомъ говорятъ спеціальныя труды,—мы должны только придти въ изумленіе, отчего мы видимъ, что золотушныя болѣзни не производятъ значительно больше опустошеній, чѣмъ это наблюдается въ дѣйствительности? Въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить, чтобы большинство дѣтей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ могло подвергнуться вліянію столькихъ причинъ столь различной природы.

Предоставляемъ судить о справедливости нашихъ словъ по слѣдующему перечню, который далеко не можетъ считаться полнымъ.

Говорятъ, что туберкулезъ наследствененъ; но, согласно нѣ-

*) Рихтеръ, I. c. Т. II, прилож. № XXXV.

которымъ патологамъ, нужно, чтобы родители дѣйствительно были туберкулезны, для того, чтобы могли передать своимъ дѣтямъ болѣзнь, какъ таковую, или только предрасположеніе получить ее. Согласно многимъ другимъ, достаточно, чтобы родители были ослаблены какой-либо причиной, чтобы они были слишкомъ молоды или слишкомъ стары, слишкомъ разнаго возраста, или страдали застарѣлыми болѣзнями, особенно сифилисомъ, или находились въ кровномъ родствѣ. Согласно нѣкоторымъ другимъ, наконецъ, достаточно, чтобы ребенокъ былъ зачатъ во время менструаціи; чтобы во время беременности мать испытала сильныя огорченія или перенесла тяжелыя невзгоды.

Наравнѣ съ наслѣдственностью ставили вскармливаніе ребенка кормилицей чахоточной или больной, или беременной; нѣкоторые патологи особенно возставали противъ искусственнаго вскармливанія, въ то время, какъ другіе находили достаточнымъ обвинять молоко больныхъ коровъ. Находили многочисленныя причины туберкулеза въ питаніи и приписывали дурное вліяніе мучнистымъ пищевымъ веществамъ, какъ каши, картофель, бобы, рисъ, крупа, саго; или многимъ веществамъ слишкомъ водянистымъ или слизистымъ, какъ салатъ, шпинатъ; мясу слишкомъ молодыхъ животныхъ, а также веществамъ жирнымъ. Напротивъ, другіе приписывали туберкулезъ злоупотребленію напитками и возбуждающими, слишкомъ раннему употребленію чая, кофе, горячихъ напитковъ; или еще употребленію испорченнаго молока, кислыхъ сыровъ, чернаго и кислаго хлѣба, сидра и кислыхъ винъ, плохой водѣ. Обвиняли еще недостаточность или излишество въ пищѣ, слишкомъ частые приемы пищи, и т. д.

Большинство авторовъ обратило также вниманіе на обстановку, въ которой живутъ дѣти; такъ находимъ причину золотухи въ воздухѣ и холодномъ, и жаркомъ—въ воздухѣ влажномъ или разрѣженномъ, или лишенномъ свѣта, или испорченномъ животными испареніями, или пыльномъ; въ жилищѣ сыромъ, мало провѣтриваемомъ, гдѣ скучено много народу. Обвиняли переходъ изъ жары въ холодъ, злоупотребленіе холодомъ и злоупотребленіе тепломъ; излишекъ и недостатокъ упражненій, слишкомъ долгій сонъ и чрезмѣрное бодрствованіе, сидячія профессіи, продолжительное пребываніе въ больницахъ. Думали найти антигигіеническія причины въ нечистоплотности, и въ злоупотребленіи теплыми ваннами, въ употребленіи легкой и недостаточной одежды, слишкомъ узкихъ корсетовъ, обуви, плохо предохраняющей отъ холода и сырости,

въ слишкомъ частой стрижкѣ волосъ, въ толчкахъ, ушибахъ и т. д. Наконецъ, видѣли или были увѣрены что видѣли, какъ золотуха или чахотка появляется вслѣдствіе огорченій, слишкомъ ранней умственной работы, онанизма.

На ряду съ этими антигигіеническими причинами слѣдуетъ поставить вліяніе климатовъ и время года:—такъ говорятъ, что туберкулезъ часто встрѣчается въ странахъ холодныхъ и сырыхъ, но также и во многихъ теплыхъ. Нѣкоторые авторы увѣряютъ, что онъ развивается преимущественно весной и дождливымъ лѣтомъ, другіе—что зимой, третьи же—что при влажной и умѣренной погодѣ. Наконецъ съ точки зрѣнія совершенно теоретической дошли до увѣренія, что уменьшеніе атмосфернаго электричества можетъ способствовать распространенію болѣзни; другіе смотрятъ на туберкулезъ, какъ на болѣзнь заразную.

Только что перечисленныя причины далеко не всѣ; въ числѣ причинъ признавались многочисленныя болѣзни, которыя могли предшествовать золотухѣ или чахоткѣ, и тѣ лѣкарства, къ которымъ прибѣгали въ ихъ лѣченіи. Въ числѣ первыхъ мы находимъ безъ различія и сифилисъ, и острые сыпныя болѣзни, воспаленіе и затыжныя лихорадки, всякія длительныя болѣзни, диспенсию, кислотность первыхъ путей, глисты, коклюшъ, оспу, скарлатину, тифъ, размягченіе бугорковъ, ростъ и т. д.; въ числѣ вторыхъ—плохое лѣченіе, злоупотребленіе спиртными препаратами, рвотными, слабительными, кровопусканіями, опиумомъ и наркотиками.

Наконецъ увѣряли, что женщины болѣе подвержены золотушному діатезу, нежели мужчины, а нѣкоторые періоды дѣтства болѣе, чѣмъ другіе. Говорили, что лимфатическое сложеніе есть первая степень золотухи, или, по крайней мѣрѣ, въ немъ есть особенное предрасположеніе, тогда какъ другіе старались ограничить важность этихъ условій.

Трудно разобратъ въ столькихъ противорѣчіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, одни авторы стараются только о томъ, какъ бы привести побольше такихъ причинъ, и допускаютъ ихъ вліяніе, безъ всякихъ доказательствъ, иногда даже только подъ вліяніемъ теоретическихъ взглядовъ, но почти никогда на основаніи результатовъ строгаго наблюденія. Другіе, напротивъ, перечисляя и разбирая, повидимому, залаются цѣлью разбить всякую ихъ реальность или совершенно, или съ тѣмъ, чтобы вывести заключеніе о дѣйствіи немногихъ, но дѣйствительныхъ всегда и всюду. Большинство авторовъ допускаютъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ, но

не опредѣляя точно индивидуальнаго вліянія каждой изъ нихъ или необходимости сочетанія нѣсколькихъ. Но почти никто не старался установить относительную частоту тѣхъ, которыя онъ допускаетъ.

Въ такихъ условіяхъ трудно собрать достаточное число точныхъ наблюдений, чтобы разобраться въ противорѣчивыхъ взглядахъ. Но затрудненія на этомъ не кончаются. Если удастся получить достаточный, тщательно собранный матеріалъ относительно причинъ діатеза у нѣкоторыхъ индивидуумовъ, необходимо сравнить его съ такимъ же числомъ наблюдений надъ незолотушными. Безъ соблюденія этого условія грозятъ грубыя ошибки. Допустимъ, въ самомъ дѣлѣ, что на 100 золотушныхъ вы констатировали въ 25 случаяхъ существованіе наслѣдственности и въ 50—дурныя гигиеническія условія—вы полагаете себя въ правѣ сдѣлать заключеніе, что это и есть причины золотухи. Но, если изучая другіе 100 случаевъ безъ золотухи, вы встрѣтите тѣ же причины и въ той же пропорціи, не поколеблется ли ваше заключеніе? Впрочемъ, сдѣлаемъ эту провѣрку и, если окажется, что у 25 индивидуумовъ каждой изъ обѣихъ группъ нѣтъ наслѣдственности и что у 50 гигиеническія условія достаточно удовлетворительны, къ какому заключенію слѣдуетъ придти тогда? Какимъ причинамъ въ такомъ случаѣ приписать развитіе проявленій діатеза? *)

Всѣ эти, приведенныя нами, многочисленныя свидѣтельства являются нагляднымъ доказательствомъ полнѣйшаго произвола, существовавшаго до самаго недавняго времени въ ученіи о причинахъ болѣзней, что и дало основаніе Конгейму отрицать всякое научное значеніе господствовавшей этиологій.

Въ настоящее время у насъ уже есть ключъ къ разрѣшенію многихъ противорѣчій, а открытіе Коха положило начало новой эры въ исторіи туберкулеза; уясняется и роль вспомогательныхъ причинъ, какъ условій, уничтожающихъ всѣ препятствія къ проявленію дѣйствія патогенныхъ микроорганизмовъ, или прямо благоприятствующихъ послѣднимъ развитію все свое разрушительное дѣйствіе. Въ этомъ смыслѣ съ особенной ясностью были анализированы Н. И. Пироговымъ неблагопріятныя слѣдствія военныхъ лишений и разобраны условія, неминуемо влекущія за собой появленіе эпидемій. Такое рѣшеніе позволеть и обратную постановку вопроса—не есть ли такъ называемыя великія эпидеміи слѣдствіе, главнѣйшимъ образомъ войнъ? Получить отвѣтъ на этотъ вопросъ

и есть одна изъ задачъ настоящаго очерка, и отвѣтъ получается, повидимому, утвердительный.

Въ нашихъ выводахъ мы можемъ опираться лишь на доказанные факты. Уже Bertillon пришелъ къ заключенію, приведенному эпиграфомъ въ началѣ нашей работы: *Les annales de l'histoire ne sont guère que le récit des migrations des races humaines, de leurs émigrations, de leurs immigrations, de leurs acclimatements.* Еще опредѣленнѣе выражается Фриманъ. „Съ самаго начала записанной исторіи и даже въ доисторическія эпохи одинъ „вопросъ“, говоря обычнымъ языкомъ нашихъ газетъ, „ожидаетъ своего рѣшенія“; это вопросъ, которому легкомысленные насмѣшники дали эпитетъ „вѣчнаго“. Это „вѣчный восточный вопросъ“, не умирающій вопросъ, о борьбѣ между цивилизаціей Запада и варварствомъ Востока, о борьбѣ, принимающей время отъ времени второстепенныя формы борьбы между свободой и рабствомъ, между христіанствомъ и исламомъ, но остающійся по своей сущности старой борьбой, значеніе древнихъ фазъ развитія которой было столь хорошо понято Геродотомъ. Это очень старая борьба между Востокомъ и Западомъ. Въ этомъ „вѣчномъ“ вопросѣ, въ этой постоянной борьбѣ, играли извѣстную роль и люди „вѣчнаго“ города: Сципіонъ и Сулла, Троянъ и Юліанъ; но она велась и раньше ихъ, и послѣ ихъ; она велась и въ дни Агамемнона и Ахиллеса, и въ дни Кондрингтона и Скобелева. Во всѣ вѣка, сначала до конца, и раньше того времени, когда роль борца перешла къ Риму, и послѣ того времени, когда Римъ лишился этой роли, на арійской Европѣ и на отдѣльныхъ ея государствахъ лежали двѣ великія и постоянныя обязанности. Они были призваны къ развитію въ своихъ собственныхъ предѣлахъ общихъ учрежденій великой арійской семьи; они были призваны также къ защитѣ этихъ предѣловъ и этихъ учреждений противъ вторженія варваровъ извнѣ. При началѣ нашего историческаго поприща эта двойная обязанность лежала на небольшой отрасли европейской семьи, а именно на той отрасли, которая жила ближе всѣхъ къ враждебнымъ странамъ. Не безъ причины европейскія страны, ближайшія къ Азіи (мы можемъ прибавить и азиатскія страны, которыя съ исторической точки зрѣнія были частями Европы), по своимъ физическимъ свойствамъ представляются наиболѣе европейскими изъ всѣхъ странъ Европы“ (1. с. 204).

И мы, съ патологической точки зрѣнія, можемъ прибавить къ этому, что граница между Европой и Азіей, Месопотамія съ Сиріей на Западѣ и Индомъ на Востокѣ, — параллельно этому является

*) *Traité des maladies des enfants.* Т. II, 321—325. 1854 г.

вѣчнымъ очагомъ не одной только чумы, которая въ эпохи обостренія борьбы охватываетъ и Азію и Европу *). Такимъ образомъ, вотъ къ чему сводятся различныя миссіи націй, приводящія къ войнѣ, о чемъ говоритъ Пироговъ. Исторія языка и антропология свидѣтельствуетъ несомнѣнно, что около 3000 лѣтъ до Р. Х. Арійцы спустились съ Намира—крыши міра и заняли теперешнія страны, вытѣснивъ аборигеновъ на далекія окраины; но исторія свидѣтельствуетъ, что въ свою очередь и Арійцамъ не разъ едва не грозила та же участь—быть стертými съ лица земли натискомъ новыхъ выходцевъ изъ той же центральной Азіи. Никогда еще борьба Ирана съ Тураномъ не принимала такого остраго ха-

*) Considérée au point de vue de la géographie politique, la Syrie est cette contrée qui s'étend de l'Égypte à l'Asie Mineure et qui rattache l'Arabie à la Méditerranée—такъ характеризуетъ Сирію d-r Suquet, санитарный врачъ въ Бейрутѣ, въ своихъ рапортахъ французскому правительству (Recueil des travaux du Comité Consultatif d'hygiène publique de France, T. V, 297); elle communique au Sud avec l'Égypte par l'isthme de Suez et la Mer Rouge; au Nord avec l'Asie Mineure par le passage du mont Taurus; à l'Est, par l'Euphrate et le golfe Persique, avec l'Asie Centrale et l'Inde; à l'Ouest avec l'Europe par la Méditerranée.

Les diverses armées qui ont anciennement combattu pour l'empire du monde, les populations poussées par le désir de l'émigration ou par le fanatisme religieux, se sont toutes rencontrées en Syrie. Chaque fois que l'humanité s'est mise en mouvement pour des luttes sanglantes, la Syrie a été ébranlée, et jamais elle n'a pu se constituer en corps de nation; aussi sa population est elle un composé des différents peuples et des différentes races qui l'ont traversée.

Но если Сирія, будучи той ареной, на которой постоянно рѣшался споръ между Европой и Азіей за владычество, не могла выработать устойчиваго племеннаго элемента, за-то на ней выработался очень постоянный и устойчивый элементъ — патологическій: медицинскіе авторы, начиная съ Ареtea, говоря о чумныхъ бубонахъ, всё согласно указываютъ на Сирію, какъ на источникъ чумы; такъ, напримѣръ, у Rupus Ephesius приводится слѣдующее свидѣтельство: „pestilentes vero qui dicuntur bubones, quam maxime lethales sunt et acuti, qui maxime circa Lybiam et Aegyptum et Syriam observantur“ (см. Hirsch., l. c. I, 194).

Съ другой стороны, изъ новѣйшихъ авторовъ, Fauvel, въ своихъ Rapports sur la question de l'endémicité de la peste en Turquie, 1850 г. (l. c. T. II, 1873), ставитъ себѣ такой вопросъ: La peste est éteinte en Orient; y renaît-elle? Et dans l'affirmative, à quelle époque? En quel lieu? Et sous quelle influence se manifesterait-elle? и на него отвѣчаетъ: C'est ce que l'avenir apprendra. N'oublions pas que la dernière peste de Syrie et d'Égypte a coïncidé avec les calamités de 1840, et que les grandes épidémies sont toujours venues avec les malheurs de la guerre, ou après de notables vicissitudes météorologiques .. Caveant consules!..

рактера, какъ когда на сцену выступили Турки - Османы, и никогда еще міръ не былъ свидѣтелемъ столь страшной чумы, какъ черная смерть XIV в., разразившаяся какъ-разъ тамъ, гдѣ столкновение было наиболѣе сильно. Не естественнѣ ли въ этомъ столкновении видѣть причину зарожденія черной смерти, а не въ тѣхъ таинственныхъ космическихъ и теллурическихъ вліяніяхъ, которымъ Necker и Haeser приписываютъ въ данномъ случаѣ такое роковое значеніе? *) Аѳинская чума и столкновение греческаго міра съ Персами на востокѣ и Карфагеномъ—на западѣ идутъ рука объ руку; Антонинова чума появилась въ римскихъ легіонахъ во время борьбы съ Парянами, Юстиніанова чума послѣ персидскаго похода; чѣмъ меньше волны, которыя приходятъ въ столкновение, тѣмъ слабѣе и эпидемія. Холера, повидимому, также какъ и оспа и проказа, не является исключеніемъ. **) Вотъ та главная мысль, которая лежитъ

*) Hirsch указываетъ на сходство черной смерти XIV ст. съ индійской чумой въ XIX в., такъ называемой Palipest, и, основываясь на скудныхъ свидѣтельствахъ хроникъ, полагаетъ, что черная смерть занесена въ Европу изъ Индіи. Но Virchow обращаетъ вниманіе, что Palipest обнаружилась въ западныхъ провинціяхъ Индіи, у устья Инда, т. е. въ прилежащихъ къ морю, а это обстоятельство не исключаетъ возможности допустить и заносъ туда морскимъ путемъ; во вторыхъ, Virchow считаетъ еще недоказаннымъ, действительно ли Palipest была настоящей чумой. (См. Virchow, Gesam. Abhandl. II, стр. 613, 1879 г. Die Pest.). Вообще, крайне трудно рѣшить, на основаніи скудныхъ источниковъ, занесена ли действительно черная смерть изъ Индіи, или, наоборотъ, сама занесена въ Индію; то, что намъ извѣстно о вліяніи войны на образованіе очаговъ заразы, заставляетъ предполагать скорѣе послѣднее.

**) Въ 1866 году, наканунѣ начала военныхъ дѣйствій, Петтенкоферъ набросалъ живую картину, какимъ страшнымъ бичемъ грозитъ сдѣлаться холера подъ вліяніемъ войны. Статья эта изъ Wiener Medicinische Wochenschrift была переведена въ „Архивъ Судебной Медицины“ 1866 г., № 2 (іюнь). Приводимъ изъ нея заключительныя строки.

Распространеніе холеры по путямъ сообщеній признано всѣмъ образованнымъ міромъ... Война сама по себѣ есть бичъ, а если къ ней присоединится холера, то смерть и гибель удвоится! Призываніе отпусныхъ военныхъ изъ всѣхъ зараженныхъ мѣстностей, сосредоточеніе и дизлокація военныхъ массъ составляютъ благопріятныя условія для сообщенія людей и занесенія болѣзни.

Чѣмъ больше скопленія и движенія людей, тѣмъ больше разносителей холернаго яда. Какъ вообще легко и скоро проникаетъ холера въ густыя массы народа, и болѣею частью упорно держится въ нихъ,—такъ легко можетъ она поразить войско и сдѣлать себѣ въ немъ зловредный центръ. Тогда войска будутъ въ самихъ себѣ носить условія присутствія и дальнѣйшаго распространенія холеры, а также будутъ дѣйствовать на сосѣднія и отдаленныя страны. Лагери и сборныя мѣста проходящихъ войскъ будутъ хранилищами холернаго

въ основѣ нашей работы, и провѣрка ея на историческомъ матеріалѣ является цѣлью нашего очерка.

Вся исторія наполнена войнами, а историки эпидемій удѣляютъ имъ часто лишь второстепенное вниманіе, отмѣчая въ то же время съ особенной тщательностью всѣ катастрофы въ земной корѣ и въ атмосферѣ. Несмотря на то, что подобная же теорія катастрофъ въ органической природѣ, защищавшаяся такимъ крупнымъ и замѣчательнымъ ученымъ, какъ Кювье, должна была, однако, уступить мѣсто другимъ взглядамъ, болѣе соответствующимъ дѣйствительности; не смотря на то, что мы, въ знаніи причинъ заразныхъ болѣзней въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ ушли уже далеко отъ Лукреція, — все-таки анахронизмъ этотъ продолжаетъ держаться еще и до сихъ поръ, хотя, правда, *genius epidemicus*, представлявшійся Sydenham'у въ видѣ какого-то грознаго исчадія, порождаемаго таинственными вулканическими процессами въ нѣдрахъ земли, въ настоящее время принялъ очень скромные размѣры, сводясь на погоду и простуду.

Въ основѣ многихъ заключеній въ ученіи о заразныхъ болѣзняхъ и эпидеміяхъ, равно какъ и предлагаемыхъ съ различныхъ точекъ зрѣнія практическихъ мѣропріятій — лежитъ одно предположеніе, хотя и рѣдко къмъ ясно высказываемое, но тѣмъ не менѣе безмолвно принимаемое, именно, что контагіи, заразное начало, есть въ своихъ свойствахъ нѣчто постоянное, что заразительность каждой болѣзни есть количество вполне опредѣленное, хотя и не всегда извѣстное, но во всякомъ случаѣ мало измѣняющееся для извѣстныхъ видовъ животныхъ. Напримѣръ, въ настоящее время проказа хотя и признается инфекціонной болѣзью, тѣмъ не менѣе заразительность ея такъ слабо выражена, что допускается, что она передается по наслѣдству, а не прямымъ путемъ. На этомъ основаніи дѣлается иногда выводъ, что проказа среднихъ вѣковъ, по свидѣтельству современниковъ, очень заразительная, въ дѣйствительности была чѣмъ либо инымъ, что подъ исторической проказой скорѣе кроется какое либо иное страданіе, напр. сифилисъ, различныя болѣзни кожи и т. д. Точно также и чума, даже въ восточныхъ странахъ, такъ

ида — сдѣлаются промежуточными станціями странствующей эпидеміи. Съ началомъ войны мы должны приготовиться къ жестокому всеобщему наступленію холеры. Она распростретъ свой гробовой покровъ надъ мирнымъ гражданиномъ, равно какъ и надъ сражающимся воиномъ! Своевольные виновники войны въ состояніи со временемъ, по возможности, прекратить начатую войну но никакая человѣческая сила не въ состояніи укротить вырвавшуюся на волю заразу!...

мало заразительна въ настоящее время, что многими и не считается за таковую, и отсюда дѣлается иногда заключеніе, что чума и не была никогда заразительна, а всегда возникаетъ самостоятельно, и мѣры противъ ея заноса излишни.

Вообще, нужно сказать, въ періодъ разгара любой эпидеміи, для современниковъ контагіозность настолько очевидна, что не подвергается никакому сомнѣнію; по мѣрѣ же угасанія эпидеміи все больше и сильнѣе начинаютъ раздаваться голоса антиконтагіонистовъ, сначала допускается и заносъ, и самостоятельное развитие болѣзни, а затѣмъ и окончательно отрицается всякая заразительность. Съ другой стороны, и контагіонисты лишь временно обходятъ затрудненія, говоря только о заносѣ заразы извнѣ. Хорошо; допустимъ, что зараза есть дити Нила или Ганга или вообще экзотическихъ странъ; но почему же тогда она не господствуетъ и тамъ постоянно и повсемѣстно, а является вспышками? Словомъ, контагіонисты обходили вопросъ о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ спорадическая болѣзнь дѣлается эпидемической, тотъ вопросъ, который прямо ставятъ антиконтагіонисты. Перенести этотъ вопросъ изъ предѣловъ Европы на берега Инда, дѣйствительно, еще не значило рѣшить его, и антиконтагіонисты были совершенно правы, считая вопросъ объ эпидемизированіи болѣзней коренными, отъ разрѣшенія котораго зависитъ и сужденіе о цѣлесообразности тѣхъ или другихъ мѣръ, направленныхъ противъ эпидемизированія. Какъ увидимъ, крайности сходятся; одни начинаютъ тамъ, гдѣ кончаютъ другіе. Антиконтагіонисты видятъ причину появленія всякихъ эпидемій только въ условіяхъ, подрывающихъ жизненные силы населенія, и дальнѣйшія изслѣдованія считаютъ безцѣльными; нѣтъ — говорятъ контагіонисты — отъ качества заразнаго начала существенно зависитъ появленіе той или иной эпидемической болѣзни, и это обстоятельство имѣетъ важное значеніе на выборъ тѣхъ или иныхъ мѣръ борьбы съ эпидеміями.

Вопросъ этотъ долгое время оставался безъ опредѣленнаго рѣшенія, но въ сущности контагіонисты продолжали свои изслѣдованія какъ разъ отъ того пункта, на которомъ останавливались антиконтагіонисты.

Мы видѣли, что Петтенкоферъ старался разрѣшить этотъ капитальный вопросъ по отношенію къ холерѣ, но его попытка признается неудовлетворительной и статистикомъ Oesterlen'омъ, который называетъ всѣ его доказательства основанными на недоразумѣніи, и Cunningham'омъ, который говоритъ, что если допускать различіе

между cholera nostras и ch. asiatica, то съ такимъ же правомъ нужно было бы допустить, напр., и morbilli nostras, variola nostras и variola vera и т. п.; замѣтимъ тутъ же, что Вирховъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на слабыя стороны теоріи Петтенкофера *).

Сдѣлаемъ попытку разобраться въ основныхъ спорныхъ вопросахъ.

Споры велись, главнымъ образомъ, относительно слѣдующихъ 3 пунктовъ:

1. Вызываются ли заболѣванія такими болѣзнями, какъ чума, холера и т. п., специфическими, особыми для каждый болѣзни, паразитами или ядами, или же нѣтъ, и эти болѣзни не имѣютъ въ своей основѣ ничего специфическаго;

2. Являются ли всѣ указываемые микроорганизмы и яды дѣйствительной причиной, или же, наоборотъ, слѣдствіемъ болѣзни, и развиваются въ организмѣ самопроизвольно, подъ вліяніемъ самой болѣзни, благодаря упадку „Vitalität“, жизненной энергіи организма,

и 3. Подъ вліяніемъ какихъ условій разсѣянныя, одиночныя заболѣванія приобрѣтаютъ эпидемическій характеръ; отвѣтъ на этотъ вопросъ опредѣляетъ возможность борьбы съ эпидеміями, въ зависимости отъ того, устранимы или нѣтъ условія, влекущія за собой появленіе эпидемій.

Мы только что видѣли, что Эстерленъ причину споровъ видитъ не только въ неправильномъ примѣненіи статистическаго метода, но главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что статистика не можетъ замѣнить собою эксперимента и безъ помощи послѣдняго не можетъ служить критеріемъ правильности нашихъ выводовъ. Мы должны ожидать отъ самого Эстерлена, какъ статистика раг excellence, что онъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, воздержится отъ неосновательныхъ заключеній и не будетъ настаивать на такихъ положеніяхъ, которыя только лишній разъ доказываютъ, что статистикъ можетъ самымъ грубымъ образомъ ошибаться и выводить изъ своихъ цифръ заключенія, такъ рѣшительно опровергаемыя прямымъ экспериментомъ. Однако мы находимъ въ немъ весьма убѣжденнаго защитника generationis aequivocae, какъ наиболѣе вѣроятнаго вывода изъ статистическаго анализа, и онъ защищаетъ этотъ выводъ, не смотря на противные опыты Pasteur'a.

Вирховъ,—въ своей рѣчи 19 февраля 1879 г., произнесенной въ

*) См. Virchow, Gesammelte Abhandlungen, 1879 г.

Берлинскомъ Медицинскомъ Обществѣ, по поводу Ветлянской чумы, дѣлаетъ общее замѣчаніе о литературѣ чумы, что немного нужно читать, чтобы встрѣтить діаметрально противоположные взгляды, и что трудно найти автора, который не расходился бы съ другимъ. Вплоть до новѣйшаго времени по взглядамъ каждаго изслѣдователя можно судить, каково общее настроеніе умовъ въ то время, какъ тотъ пишетъ о чумѣ: если настроеніе въ общемъ контагіонистическое, то и авторъ контагіонистъ; если же антиконтагіонистическое, то и отъ его работы вѣетъ антиконтагіонистическимъ духомъ. Трудность изъ массы данныхъ уловить объективную истину увеличивается еще тѣмъ, что люди, которые, судя по внѣшнимъ признакамъ, могли бы сказать дѣльное слово и которые пользуются хорошимъ довѣріемъ, такъ дурно отзываются одинъ о другомъ, какъ ни въ какой другой области медицинской литературы *).

Это общее замѣчаніе Вирхова не подлежитъ сомнѣнію; мы сдѣлаемъ попытку разобраться въ причинахъ, которыя могли привести къ подобному положенію вещей.

Въ XVI столѣтіи, Hieronymus Fracastorius своимъ сочиненіемъ „De contagionibus et contagiosis morbis“, вышедшимъ въ 1546 году, положилъ начало новой эрѣ въ исторіи медицины. Въ то время, какъ народъ появленіе повальныхъ болѣзней приписывалъ гнѣву Божію, ниспосланному въ наказаніе людямъ за ихъ грѣхи, ученые же старались объяснить ихъ появленіе вліяніемъ зловѣщихъ аспектовъ, а ихъ сущность дѣйствіемъ неизвѣстныхъ causae occultae, Fracastoro первый ясно и опредѣленно формулировалъ идеи, которыя только теперь получили фактическое подтвержденіе **).

*) Подробности о Ветлянской чумѣ, какъ о вообще о чумѣ см. весьма обстоятельная статья д-ра Гадапина въ Вѣстн. Общ. Гигіены за 1892—94 года: „Вубонная чума“. Рѣчь Вирхова, см. Gesammelte Abhandl. T. II.

**) Достаточно ознакомиться только съ оглавленіемъ его труда, чтобы понять всю важность высказанныхъ имъ взглядовъ:

Liber primus, Cap. I. Quid sit contagio.

II. De prima contagionum differentia.

III. De contagione, quae solo contactu afficit.

IV. De contagione, quae fomite afficit.

V. De contagione, quae ad distans fit.

VI. Quod causa contagionum, quae ad distans fiunt, reducenda non sit ad proprietates occultas.

VII. Quomodo seminaria contagionum ad distans ferantur, et in orbem.

VIII. De analogia contagionum.

Но смена, брошенная Fracastoro, дали свой плод только в XIX столетии, только в наше время,—да оно и понятно: почва оказалась плохо возделанной, ибо не доставало главнейших орудий для успешной культуры, не было еще микроскопа и патологической анатомии, не было Лавуазье и Швана... на место одних *causae occultae* воцарились другие, идея о контактах выродилась в бред прикосновения.

Каково было положение медицины в начале текущего столетия, можно судить по следующему отрывку из актовой речи, про-

IX. Utrum contagio omnis putrefactio quaedam sit.

X. Cur morborum alii contagiosi sint, alii non, et contagiosi cur lenes sint.

XI. In quo convenit cum venenis contagio, et in quo differat.

XII. De aliis differentiis contagionum.

XIII. De signis contagionum.

Liber secundus, Cap. I. De febribus contagiosis.

II. De variolis et morbillis.

III. De pestilentibus febribus.

IV. De differentiis pestilentium febrium et accidentibus earum.

V. De ephemera pestilenti in Britannia.

VI. De febre, quam lenticulas, vel punctulas aut petiolas vocant.

VII. De causis.

VIII. De vere pestiferis febribus.

IX. De phthisi contagiosa.

X. De rabie.

XI. De syphilide morbo, seu gallico.

XII. De causis.

XIII. De elephantia.

XIV. De lepra proprie dicta et scabie.

XV. De distinctione infectionum cutanearum.

Liber tertius, Cap. I. Quod peculiaris curatio debeatur contagiosis morbis.

II. De intentione, quae habetur ad principia.

III. De intentione ad materiam, quae jam infici coepit.

IV. De curatione febrium variolarum et morbillarum.

V. De cura febrium pestilentium communi.

VI. De curatione febrium quae lenticulae vocantur.

VII. De curatione vere pestilentium febrium.

VIII. De curatione phthisis, quatenus contagiosa est.

IX. De curatione rabidorum.

X. De curatione syphilidis, seu gallici morbi.

XI. De curatione elephantiae.

Что это, как не полная программа патологии инфекционных болезней и бактериологии!

изнесенной проф. Гильдебрандомъ, въ торжественномъ годовичномъ собраніи Московскаго университета 5 іюля 1826 года.

Вместо речи объ успехахъ науки, мы неожиданно находимъ горячее обвинительное слово.

„О, если бы все, украшающееся благороднымъ именемъ врача, были таковы, какими должны быть истинные сыны Эскулапа, благоразумные служители природы, которые постигаютъ все способы ея дѣйствования и поступаютъ по пути, ею указуемому! Но изъ множества врачей попадаются совсѣмъ иного разбора люди: иные, увлекаясь стремительнымъ своимъ воображеніемъ, дозволяютъ себѣ выдумывать небылицы разнаго рода; другіе, пристрастившись къ ученію какого-нибудь автора или къ предразсудкамъ какой-либо школы и возгордаясь собственными вымыслами, иногда же повѣривъ мнѣнію простолудиновъ, преступаютъ священные законы природы. Напротивъ того, люди, просвѣщенные опытами и наблюденіями, со всею возможною осмотрительностью произведенными, всегда руководствуются благоразуміемъ и въ сужденіяхъ своихъ никогда опрометчивы не бываютъ.

„По истинѣ, не довольно для искусства, которое подаетъ руку помощи отчаяннымъ и почти умирающимъ больнымъ, не довольно того, если сии несчастные и невинные больные будутъ жертвою нелѣпыхъ и сумасбродныхъ умствованій.

„Конечно, всякому весьма удивительно покажется и горестно даже сказать, что нигдѣ такъ легко, нигдѣ такъ часто не ошибаются, какъ въ медицинѣ. Ибо не только вновь произведенные молодые врачи, которые едва успѣли окончить свое не рѣдко весьма поверхностное ученіе, но и старые, даже самые обыкновенные мастера далеко сбиваются съ надлежащаго пути. Не зная сродныхъ чловѣку свойствъ, они скучаютъ медлительнымъ изслѣдованіемъ явленій, изъ которыхъ познается подлинное качество болѣзни и опредѣляется правильное оной лѣченіе. За то всѣмъ сердцемъ прилипаются къ лѣкарствамъ и на нихъ возлагаютъ всю надежду во всехъ своихъ дѣйствованияхъ; силамъ же природы, единственному и важнѣйшему лѣкарству отъ болѣзней, малую или и вовсе никакой не имѣютъ вѣры... Сии-то люди всегда были причиною тому, что наука наша, по достоинству своему благороднѣйшая, но искаженная нелѣпными баснями и заблужденіями, во всехъ вѣкахъ казалась ненавистною, подозрительною, неосновательною!“

Иллюстрацію къ такой печальной картинѣ, набросанной Гильдебрандомъ въ его актовой речи, мы находимъ въ томъ перечнѣ

медицинскихъ системъ, которыя профессорамъ приходилось разбирать въ назиданіе студентовъ. Вотъ этотъ перечень, заимствованный нами изъ Общей Антропатологіи, читавшейся адъюнктъ-профессоромъ Московскаго университета, Козьмою Лебедевымъ. „По главному отличительному признаку патологическія ученія принимаютъ слѣдующія наименованія: 1. Ученіе Гуморально-Спиритуальное, 2. Спиритуальное, 3. Механическое, 4. Гуморальное, 5. Солидарное, 6. Химическое, 7. Возбудительное, 8. Органическо-Динамическое, 9. Физико-Динамическое, 10. Физическое“ *).

Какое вліяніе оказывали эти системы на практику, можно судить по такимъ образчикамъ: одному больному, съ диагнозомъ *tetanus* и *status gastricus* лѣчившій врачъ въ теченіе 6 дней далъ 7 унцъ и 4 драхмы *t-gae opii*, т. е. 6 драхмъ опія, и врачъ удивлялся, что больной умеръ; или во времена господства физиологической доктрины *Broussais*, когда провозглашались *saignées abondantes et repetées*, въ одномъ случаѣ поврежденія черепа было сдѣлано 10 кровопусканій по 12 унцъ и поставлено 246 пиявокъ, по $\frac{1}{2}$ унца каждая, всего, слѣдовательно, выпущено 243 унца или слишкомъ 15 фунтовъ крови, не считая данныхъ въ то же время, въ теченіе нѣсколькихъ дней, 200 *grain* каломеля! Какъ правъ былъ еще *Caelsus*, когда говорилъ: *sanguinem incisa vena mitti novum non est, sed nullum paene morbum esse in quo non mittatur—novum est!* **).

Понятно поэтому, почему такіе выдающіеся клиницисты, какъ въ XVII в. *Sydenham*, которымъ приходилось проводить въ жизнь ученія медицины, предпочитали ошибаться вмѣстѣ съ отцомъ медицины — *Гиппократомъ*, чѣмъ носиться въ вихрѣ незрѣлыхъ системъ „раціональной“ медицины, и на вопросы учениковъ, какихъ авторовъ нужно читать, чтобы сдѣлаться искуснымъ врачомъ? — отвѣчали: Читайте, мой другъ, *Донъ-Кихота!* ***). А въ текущемъ столѣтіи одинъ авторъ не безъ основанія выразилъ сомнѣніе, кто стоилъ Франціи больше крови, — *Наполеонъ* или *Бруссэ*?

Съ другой стороны, въ Германіи натурфилософія породила представленіе о болѣзни, какъ о реальномъ существѣ, вѣдряющемся и развивающемся въ человѣкѣ, т. е. привела къ олицетворенію собственныхъ своихъ представленій о томъ или другомъ явленіи, и безъ всякихъ доказательствъ дѣйствительнаго существованія этихъ

*) Общая Антропатологія, сочиненіе адъюнктъ-профессора Импер. Моск. Унив. Козьмы Лебедева, въ руководство учащимся. Москва. 1835.

***) *Reform der Heilkunst*, von Mathias Joseph Bluff. Leipzig 1837.

***) Гезеръ, I. с. 290; см. также актовую рѣчь проф. Мудрова.

онтологическихъ сущностей заставляла смотрѣть на нихъ, какъ на нѣкія реальныя существа, которымъ приписывались различныя свойства, классифицировались въ цѣлыя системы и т. д.

Успѣхи анатоміи и экспериментальныхъ наукъ, съ одной стороны, а съ другой послѣднія вспышки чумы, какъ и первая пандемія холеры, подвергнувшая строгой провѣркѣ многіе догматы, считавшіеся непоколебимыми, наприм., пользу кровопусканія, дѣйствіе дезинфекціонныхъ средствъ, самое представленіе о заразѣ и т. п., — не замедлили вызвать точныя наблюденія и критику господствовавшихъ до сихъ поръ системъ и теорій. *Bichat*, *Cruveiller*, *Louis*, *Corvisart*, *Laennec*, *Lavoisier*, *Magendie* во Франціи, — *Scoda*, *Rokitansky*, *Henle*, *Wunderlich*, *Liebigig*, *Joh. Müller* — въ Германіи — вотъ, среди другихъ, тѣ имена, которыя первыя вспоминаются, какъ имена основателей новѣйшей медицины, и если мы опять возьмемъ за отраженіе дѣйствительности актовыя рѣчи Московскаго университета, то въ рѣчи проф. Варвинскаго мы найдемъ какъ чувство нравственнаго удовольствія при обзорѣ успѣховъ, полученныхъ въ теченіе 20 лѣтъ, такъ и бодрюю надежду на еще большіе успѣхи въ будущемъ *).

Если бы мы въ двухъ словахъ захотѣли опредѣлить направленіе новѣйшей медицины, то это будетъ — точное наблюденіе подъ контролемъ эксперимента; путеводной звѣздой является строгая и безпристрастная научная критика, основывающаяся на этихъ двухъ элементахъ, а не слѣпое преклоненіе предъ авторитетомъ, какъ бы ни велики были заслуги и сколько бы поколѣній ни привыкли считать его непогрѣшимымъ оракуломъ **).

Въ 1839 году *Henle*, тогда еще прозекторъ и приватъ-доцентъ въ Берлинѣ, издалъ свои *Pathologische Untersuchungen*; въ этомъ сочиненіи онъ подвергаетъ критикѣ старое и новое относительно важнѣйшихъ вопросовъ патологіи, чтобы извлечь отсюда указанія, въ какомъ направленіи слѣдуетъ идти дальше съ наибольшей надеждой на успѣхъ. Мотивы, вызвавшіе появленіе его работы, онъ указываетъ въ предисловіи: „я передаю моимъ товарищамъ по специальности книгу, въ которой мало новыхъ фактовъ, но много раз-

*) О вліяніи патологической анатоміи на развитіе патологіи вообще и клинической въ особенности, 1849 г.; ср. также статью Полунина, написанную въ Вѣнѣ: *Человѣкъ и его отношеніе къ природѣ*; *Wunderlich*, *Wien und Paris*.

***) Основные черты этого новаго направленія были охарактеризованы, *Wunderlich*’омъ въ его редакціонной статьѣ основаннаго имъ *Archiv für physiologische Heilkunde*, 1843 г.; здѣсь онъ дѣлаетъ характеристику новаго направленія въ медицину и задачъ медицинской журналистики.

мысленій... Въ наше время, которое съ гордостью называетъ себя эмпирическимъ, это, можетъ быть, требуетъ извиненія, — и въ оправданіе я скажу слѣдующее. Есть одно неблагопріятное обстоятельство, которое очень затрудняетъ теоретическое представленіе о нашемъ предметѣ, — именно изъ всѣхъ наблюденій только немногія произведены и изложены такъ, что ими можно воспользоваться съ полнымъ довѣріемъ. Едва ли во всей области патологіи есть хотя одно положеніе, которое не опиралось бы на опытъ и не было бы опровергнуто именно на основаніи опыта. При такихъ обстоятельствахъ можно было бы дать совѣтъ обождать съ теоріей, пока опыты не будутъ зрѣлы; но я скорѣе думаю, что опыты, именно для того, чтобы созрѣть, нуждаются въ свѣтѣ разумной теоріи. Любятъ повторять остроу, что теоретикъ силой вынуждаетъ у природы благопріятные отвѣты на свои вопросы; но природа отвѣчаетъ только тогда, когда ее спрашиваютъ, или вѣрнѣе — она говоритъ намъ постоянно и тысячью языками, только мы слышимъ отвѣтъ лишь на нашъ вопросъ. Существуетъ только одинъ чистый опытъ, это — чувственное воспріятіе; уже какъ скоро мы его высказываемъ, мы теоретизируемъ; мы отдѣляемъ постоянное, существенное (подлежащее) отъ случайнаго (сказуемаго). Какое изъ массы сказуемыхъ существенно, какое случайно, мы узнаемъ это изъ сравненія, и результатъ сравненія высказывается какъ законъ, какъ теорія. Не существуетъ даже выбора, теоретически или эмпирически изучать природу, можно только при этомъ или слѣдовать сознательно какой нибудь теоріи, или при каждомъ новомъ наблюденіи исходить изъ произвольныхъ предположеній. Какова участь опыта, объ этомъ учать уже описательныя естественныя науки. Почему для каждаго, кто, исходя изъ новыхъ точекъ зрѣнія, распространяетъ въ систему извѣстныя тѣла, *обязательно изучать природу собственными чувствами*, какъ не потому, что другіе, съ иныхъ точекъ зрѣнія, разнородное принимали за однородное и просмотрѣли признаки, которые теперь сдѣлались существенными? И если это происходитъ съ объектами, гдѣ все дѣло въ томъ, чтобы схватить постоянные признаки, которые существуютъ *вмѣстѣ и рядомъ* одинъ съ другимъ, на сколько же чаще есть возможность ошибиться тамъ, гдѣ нужно прослѣдить *взаимное отношеніе явленій, не остающихся неизмѣнными*, и зависимость явленій внѣшнихъ отъ внутреннихъ процессовъ. Даже врачи, которые приобрѣли славу какъ строгіе эмпирики, не могли удержаться отъ теорій. Развѣ опытъ научилъ, что *molimina critica* есть цѣлебное

стремленіе природы, что кожа выдѣляетъ изъ крови оспенный ядъ, что мозговые болѣзни, обнаруживающіяся послѣ изчезанія сыпи, обусловлены скртыемъ внутрь этой сыпи? и т. д. Скорѣе эти положенія болѣе нежели теоріи, — они просто мнѣнія“.

Не напоминаютъ ли намъ эти строки — страницы изъ древней медицины, когда велась споры между эмпириками, методиками, догматами и т. д., только въ новомъ костюмѣ и по поводу новыхъ, только что нарождающихся вопросовъ? Тѣ вопросы, которые служили яблокомъ раздора въ древности, теперь, благодаря улучшеннымъ орудіямъ изслѣдованія, — наиримѣръ, вопросы о кровообращеніи и дыханіи, — уже рѣшены; но на смѣну одному вопросу является десятокъ новыхъ и вновь возгорается споръ о способахъ и орудіяхъ доказательствъ... Именно подобное впечатлѣніе и производитъ споръ между контагіонистами и антиконтагіонистами.

Если мы возвратимся къ приведенному нами выше опредѣленію Яна, сочиненіе котораго Henle часто цитируетъ, то заключеніе Henle таково: болѣзнь не есть организмъ, но самый умъ, который стараются понять ее, воспитанъ на созерцаніи органической природы и переноситъ на болѣзнь понятія, вынесенныя имъ изъ послѣдней; понятіе о болѣзни, какъ объ организмѣ, опирается только на аналогію между постепеннымъ развитіемъ болѣзненныхъ симптомовъ и развитіемъ организма — животнаго или растительнаго, — но не болѣе.

Но въ вопросѣ о необходимости допустить существованіе специфическихъ миазмъ и контагіевъ, Henle сходится съ Яномъ (а Янъ, въ свою очередь, часто ссылается на Fracastoro), хотя и могъ опираться только на изслѣдованія Cagniard Latour о дрожжахъ и Bassi — о мускардинѣ *).

*) Чтобы судить, какъ вѣрныя соображенія Henle перемѣшивались съ ложными, опровергнутыми впоследствии, приведемъ одинъ примѣръ: «Кислородъ безусловно необходимъ для жизни всѣхъ органическихъ существъ, а потому и миазмы разрушаются въ воздухѣ, негодномъ для дыханія». Сравните это съ однимъ изъ первыхъ выводовъ работъ Pasteur'a: *La fermentation c'est la vie privée de l'oxygène*. Далѣе Henle допускаетъ возможность и *generatio aequivoca*, не только для миазмъ, но даже и для глистовъ, и приводитъ въ примѣръ *distoma hepaticum*. «Вредныя вліянія, дѣйствующія на цѣлыя стада, производятъ согласно обычному представленію не *distoma hepaticum*, а лишь своеобразную какексію, вслѣдствіе которой *distoma* въ большомъ количествѣ развивается въ желчи. И разъ этотъ червь развился, его яйцами уже легко заражается одна особь отъ другой“.

Въ примѣчаніи онъ добавляетъ: въ настоящее время не легко объяснить происхожденіе глистовъ безъ *generatio aequivoca*. Однако, можетъ быть, будетъ

состоитъ въ томъ, что они являются только логическими доводами въ пользу предположеній, опирающихся на аналогію, но пока еще лишенныхъ твердой фактической почвы; могло случиться, что при ближайшемъ изученіи, какъ послышки, такъ и выводы изъ нихъ оказались бы несостоятельными. На этотъ-то именно слабый пунктъ и обратили свои нападенія антиконтагіонисты. Основное положеніе контагіонистовъ то, что безъ заноса специфическаго контагія не можетъ развиваться эпидемія. Но, возражаютъ антиконтагіонисты, если не рѣшенъ основной вопросъ о *generatio aequivoca*, не естественно ли допустить, что специфическіе контагіи или яды суть не что иное, какъ плодъ экзальтированной, но мало дисциплинированной фантазіи; такая же онтологическая сущность, какъ и прежнія представленія о болѣзни, какъ организмъ, обладающемъ самостоятельнымъ существованіемъ? Не естественно ли допустить самостоятельное, каждый разъ, развитіе эпидеміи, безъ всякаго заноса несуществующаго специфическаго контагія, но только при наличности всякихъ неблагоприятныхъ условій, которымъ подвергается населеніе?—вотъ основное положеніе антиконтагіонистовъ, наиболѣе отчетливо развитое и формулированное Эстерленомъ въ его не разъ цитированномъ нами трудѣ: „Die Seuchen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung“. Съ цѣлью навболѣе полно освѣтить этотъ вопросъ, мы приведемъ вкратцѣ его аргументацію, въ извѣстной степени не утратившую свой интересъ въ настоящее время, и тѣмъ болѣе важную, какъ историческій матеріалъ, для уясненія споровъ контагіонистовъ и антиконтагіонистовъ.

Прежде всего Эстерленъ ставитъ вопросъ, *что называется эпидеміей?*—Отвѣтъ: понятіе объ эпидеміи есть лишь относительное, и означаетъ не что иное, какъ необычно повременамъ учащенное заболѣваніе и смертность отъ какой нибудь болѣзни. Если положимъ, напр., что въ среднемъ изъ даннаго населенія умираетъ 1% отъ извѣстной болѣзни, то всякое временное и преходящее увеличеніе смертности выше этой средней цифры, напр., до 3% или 5%, будетъ уже эпидеміей. Отсюда слѣдуетъ, что понятіе объ эпидеміи или эпидемизированіи какой либо болѣзни есть относитель-

умьстно обратить вниманіе на одинъ фактъ изъ исторіи развитія глистовъ, въ пользу котораго все болѣе и болѣе накаплиются данныя, именно, что *entozoa* въ различныхъ періодахъ жизни обладаютъ различной организаціей и по временамъ въ извѣстной стадіи своего развитія должны жить внѣ тѣла, и дѣйствительно и встрѣчаются въ свободномъ состояніи: такъ были находимы въ водѣ. И эту аналогію Henle допускаетъ и для контагіевъ.

ное и подверженное колебаніямъ, и выражаетъ лишь противоположность спорадическимъ или эндемическимъ заболѣваніямъ. Такимъ образомъ, между эпидемическими и спорадическими болѣзнями нѣтъ строгой пограничной линіи и при вспышкѣ эпидеміи цифры смертности и заболѣваемости, какъ бы ни были велики, въ цѣломъ являются только приливами или періодически поднимающейся волной въ средней общей болѣзненности или смертности населенія, или иначе—волной пониженія его жизненной энергіи.

Но какъ-разъ многіе въ этомъ эпидемическомъ появленіи болѣзни усматриваютъ достаточный поводъ, чтобы признать ее специфической, зависящей отъ специфическихъ же причинъ, и такимъ-то образомъ въ теченіе вѣковъ эти два различныхъ понятія, *эпидемизированіе и переносъ специфическаго болѣзнетворнаго яда* или заразной матеріи стали считать синонимами, не допуская даже возможности, чтобы одно могло существовать безъ другаго; полагаютъ, что эпидеміи появляются отъ существенно иныхъ причинъ, а не обусловливаются тѣми же вліяніями, какъ и спорадическіе случаи, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности самыя разнообразныя эпидеміи обыкновенно прежде и сильнѣе всего вспыхиваютъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, поражаютъ въ особенности тѣ возрасты и профессіи, на долю которыхъ выпалъ печальный жребій падать первой и преимущественной жертвой и отъ большинства остальныхъ болѣзней. Прослѣдимъ ходъ любой эпидеміи,—и что же оказывается? Всегда при эпидеміяхъ обычно заболѣваютъ и умираютъ преимущественно тѣ, которые и безъ того обладаютъ относительно наименьшей сопротивляемостью и жизнеспособностью, т. е. слабосильные, дѣти, старики, которые и при обычномъ ходѣ вещей, даже безъ всякой эпидеміи, раньше всѣхъ заболѣли бы и умерли. Становится понятнымъ, почему въ большей части эпидемій наибольшая смертность падаетъ на начало и такъ наз. аспе или кульминаціонный пунктъ, т. е. на то время, когда и заболѣваетъ наибольшее число, чтобы затѣмъ уменьшиться, такъ что въ общемъ заболѣваемость и смертность идутъ рука объ руку. Чѣмъ естественно объяснить этотъ фактъ, какъ не тѣмъ предположеніемъ, что и во время эпидемій вообще, чаще всего, заболѣваютъ и умираютъ слабосильные, тогда какъ очередь другихъ, болѣе крѣпкихъ, наступаетъ только впоследствии?

За высокое значеніе при этомъ жизненности говорятъ еще и то, что при всѣхъ эпидеміяхъ, самыхъ тяжелыхъ, даже при коры, скарлатинѣ, оспѣ, а еще болѣе при тифѣ, чумѣ, желтой лихорадкѣ,

холерѣ число внезапныхъ смертныхъ случаевъ, даже умирающихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ, болѣе или менѣе возрастаетъ,—что уже до вспышки эпидеміи обыкновенно обнаруживается увеличеніе болѣзненности и смертности, во время же эпидеміи и смертность отъ совершенно другихъ болѣзней, даже отъ чахотки, болѣе или менѣе возрастаетъ выше извѣстнаго средняго уровня.

Наконецъ, статистика населенія давно уже показала, что все, что ослабляетъ человѣка и его жизненные силы, понижаетъ и его плодovitость, число зачатій. Пониженіе послѣдняго падаетъ особенно поразительно на періодъ господства эпидеміи, вслѣдствіи чего уменьшается цифра рожденій въ слѣдующіе за тѣмъ мѣсяцы. Не менѣе увеличивается въ годы эпидеміи и число выкидышей и мертворожденныхъ, равно какъ недоношенныхъ, такъ и съ врожденной слабостью. Словомъ, *infirmitas omnibus morbis patet*, слабость располагаетъ ко всѣмъ болѣзнямъ. И съ точки зрѣнія статистики эпидемизирующіяся, какъ и всѣ повальные болѣзни и всякая чрезмѣрная смертность, въ общемъ можно признать конечнымъ результатомъ и въ то же время выраженіемъ несообразности соотношенія между наличнымъ запасомъ въ данную минуту средствъ къ существованію и слишкомъ увеличившеюся численностью населенія, стало быть, въ извѣстной степени относительнымъ перенаселеніемъ со всѣми дальнѣйшими слѣдствіями такого несоответствія съ питаніемъ, образомъ жизни и т. д., въ особенности же среди наиболѣе обдѣленныхъ классовъ населенія. Другими словами: гдѣ и когда живетъ слишкомъ много, сравнительно съ производствомъ и средствами существованія, въ широкомъ смыслѣ этого слова, тамъ должны будутъ также столько-то и столько, то въ одиночку, то массами заболѣвать и умирать раньше времени. И наибольшей волной въ этомъ постоянномъ отливѣ живущихъ являются эпидеміи. Благодаря послѣднимъ, такъ можно себя представить, вымираютъ въ относительно короткое время всѣ тѣ, жизнеспособность и жизненная энергія которыхъ не можетъ противостоять наплыву извѣстныхъ дѣйствующихъ на нихъ вредныхъ факторовъ, въ особенности же всѣ, кто не можетъ надлежаще питаться, не могутъ или не хотятъ какъ слѣдуетъ жить. Постоянно будутъ, такимъ образомъ, выбрасываться при этомъ быстрѣе обыкновеннаго, преимущественно болѣе слабые и наиболѣе расположенные къ заболѣванію элементы или члены населенія, при чемъ ихъ мѣсто заступаетъ другой составъ живущихъ, и, такимъ образомъ, населеніе, какъ цѣлое, возвращается къ прежнему, отно-

сительно нормальному, состоянію. И, можетъ быть, намъ слѣдуетъ смотрѣть на эпидеміи, какъ и, въ концѣ концовъ, на всякую чрезмѣрную смертность, только какъ на стремленіе и средство природы, которымъ достигается возстановленіе равновѣсія между средствами существованія и тѣмъ числомъ людей, которые въ данный моментъ могутъ ими пользоваться.

Это есть, можетъ быть, по крайней мѣрѣ разсматриваемый съ этой стороны, высшій и послѣдній законъ природы, который, по видимому, господствуетъ надъ всѣми другими возможными факторами при возникновеніи эпидеміи; вотъ въ какой величавой простотѣ проявляется здѣсь мощный законъ природы, если только не хотятъ закрывать на него глаза.

Таковъ, по Эстерлену, въ высшей степени безотрадный, фаталистическій взглядъ на эпидеміи, и руки у насъ должны безпомощно опуститься; развѣ тѣми палліативами, на которыя указываетъ Эстерленъ, какъ *Suppenanstalten* и т. д., въ состояніи мы предотвратить грозу или ураганъ, хотя бы мы могли предвидѣть признаки его наступленія?

Но дальнѣйшая аргументація обнаруживаетъ, къ счастью, слабость стороны такого вывода и подаетъ надежду на возможность лучшей участи,—это вопросъ о *causa efficiens*.

Какъ *causa efficiens*, продолжаетъ Эстерленъ, *уже a priori* мы съ наибольшей вѣроятностью должны предполагать только въ самомъ живомъ тѣлѣ и во всемъ его физическомъ состояніи. Если каждое заболѣваніе въ той или другой формѣ, въ послѣдней инстанціи, несомнѣнно зависитъ, главнымъ образомъ, отъ извѣстной индивидуальной тенденціи или особенностей каждаго индивидуума, которое изстари называли то болѣзненнымъ предрасположеніемъ, то *dispositio*, то *diathesis* и т. д. и которыя въ концѣ концовъ состоятъ, по видимому, въ извѣстныхъ специальныхъ уклоненіяхъ тѣхъ или другихъ жизненныхъ актовъ, какъ и ихъ равновѣсія,—почему же не то же самое и здѣсь?

Несомнѣнно, этотъ упадокъ жизнедѣятельности при тяжелыхъ, часто быстро убивающихъ, болѣзняхъ долженъ быть болѣе глубокимъ, чѣмъ при болѣзняхъ менѣе смертельныхъ, напр., при чумѣ болѣе глубокимъ, чѣмъ при обыкновенномъ тифѣ, при холерѣ, желтой горячкѣ также болѣе глубокимъ, чѣмъ при холеринѣ.

Естественно, что Эстерленъ самъ чувствуетъ необходимость указать, какъ онъ понимаетъ сущность *dispositionis*—и онъ отвѣчаетъ такъ. Вѣроятно, мы можемъ допустить, что органы, какъ и

кровь каждого человека, содержатъ известныя вещества, въ особенности бѣлковыя, склонныя при благопріятныхъ условіяхъ претерпѣвать такія молекулярныя измѣненія въ составѣ и такія превращенія, что при заболѣваніи, благодаря болѣе быстрому или болѣе интенсивному ихъ окисленію и превращенію, производится болѣе тепла, почему и можетъ возникнуть лихорадка,—аналогично тому накопленію продуктовъ болѣе или менѣе далеко ушедшихъ по пути разложенія, какъ это бываетъ, напр., при высшихъ степеняхъ истощенія вслѣдствіе голода, а еще болѣе при гніеніи. И какъ гніеніе и тлѣніе, въ концѣ концовъ, есть только прогрессирующій процессъ окисленія или разложенія мертвой органической матеріи, такъ и при лихорадкѣ, но уже при жизни, можетъ наступить болѣе или менѣе аналогичное явленіе, т. е. тенденція известныхъ составныхъ частей, и прежде всего бѣлковъ крови и органовъ, къ подобнаго же рода разложенію или броженію, какъ и при гніеніи. *Въроятнo, можно допустить, что въ особенности у ослабленныхъ и плохо упитанныхъ индивидуумовъ при благопріятныхъ условіяхъ можетъ появиться большая склонность къ броженію и даже гніенію, и что далѣе могутъ развиваться не только химическіе продукты броженія и гніенія, но и микрококки, споры, инфузории.* И *generatio spontanea* Эстерлену кажется болѣе естественнымъ, нежели обратное предположеніе.

Конечно, говорить онъ, нѣтъ сомнѣній, что существуютъ яды и ферменты настолько сильные, что могутъ производить тяжелыя разстройства нашего организма. Но ничего подобнаго при эпидеміяхъ пока еще не доказано и мы должны искать причину появленія ихъ въ самомъ организмѣ, а не въ зараженіи извнѣ и т. п.

Эстерленъ не отрицаетъ развитія при эпидеміяхъ заразныхъ элементовъ. „Если разумѣть подъ инфекціей или зараженіемъ не что иное, какъ возможность, что больной, при случаѣ, можетъ обусловить заболѣваніе другаго и такимъ образомъ распространеніе эпидемизирующихся болѣзней, будетъ ли то прямой переносъ инфекціоннаго вещества отъ одного лица къ другому или переходъ чрезъ воздухъ, особенно въ замкнутыхъ, переполненныхъ людми, помѣщеніяхъ,—то противъ этого ничего нельзя возразить, если только этимъ не хотятъ утверждать, что постоянной существенной причиною этихъ болѣзней является инфекція постояннымъ, специфическимъ и свойственнымъ каждой определенной болѣзни, болѣзнетворнымъ началомъ *). Т. е. другими словами, вся аргументація

*) I. c. cap. III.

Эстерлена, какъ и антиконтагіонистовъ вообще, *основывается на апіорномъ допущеніи произвольнаго развитія заразнаго начала, подъ вліяніемъ особаго предрасположенія въ самомъ организмѣ, но играющаго при этомъ только второстепенную, побочную роль.*

Крайне характерной чертой воззрѣній Эстерлена, какъ и многихъ другихъ антиконтагіонистовъ является то, что онъ, требуя отъ противниковъ точныхъ опытовъ, самъ опирается въ защиту своихъ взглядовъ только на аналогіи, и въ то же время оказывается глухъ и умышленно закрываетъ глаза на доказательства, представляемыя микроскопомъ и химіей, хотя и не можетъ привести въ свою пользу лучшихъ доводовъ, какъ, въ концѣ концовъ, нижеслѣдующій: *Denn schwerlich gehen wir zu weit, wenn wir dieselben (т. е. идеи о патогенныхъ микроорганизмахъ) abgesehen von jenen gewöhnlichen periodischen Schwankungen in den Ansichten der Medicin wie von dem steigenden Einfluss chemisch-mikroskopischer Tendenz zumeist in einer gewissen Stauung und Reaction suchen, wie dieselbe auch im Gebiete der Wissenschaft nach den verhängnissvollen Stürmen des Jahres 1848 eintrat (I. c. 265)*).*

На какую, напротивъ, широкую и отрадную перспективу указываетъ представитель осуждаемыхъ Эстерленомъ идей—Вирховъ, впервые выставившій основное положеніе біологіи—*omnis cellula a cellula*, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи ниспровергнувшее и вѣру въ самопроизвольное зарожденіе, и легшее въ основу и біологіи, и медицины, и бактериологіи, и гигіены: знаніе,—вотъ что въ дѣйствительности сулитъ намъ и благосостояніе и избавленіе отъ угнетающихъ насъ бѣдствій.

Во избѣжаніе упрека, что мы касаемся въ медицинскомъ сочиненіи такихъ не-медицинскихъ темъ, мы сошлемся на отзывъ Вирхова, что исторія медицины неминуемо затрогиваетъ и вопросы, относящіеся къ исторіи культуры вообще.

„Исторія медицины или, какъ назвалъ я ее въ другомъ мѣстѣ, исторія страданій человѣчества, должна отмѣтить на своихъ стра-

*) Но что же, въ сущности, указанный выше законъ Эстерлена, какъ не тотъ же безжалостный *fatum* или всевластная *Moira* древнихъ, предъ которой по понятіямъ грековъ, безсильны даже Олимпійскіе небожители; и что же остается простымъ смертнымъ, какъ не произнести вмѣстѣ съ поэтомъ:

Смертный, силъ насъ гнетущей
Покоряйся и терпи,
Жизнью пользуйся живущій,
Мертвый мирно въ гробъ спи!

ницахъ неисчислимыя жертвы военныхъ бѣдствій. Пусть она найдеть болѣе внимательныхъ читателей, чѣмъ до сихъ поръ! и пусть эти читатели будутъ энергичными защитниками ученія о необходимости мира для блага народовъ! Слѣдуетъ смотрѣть какъ на большой прогрессъ, что въ послѣдніе годы люди мира начали извлекать свои доводы и изъ исторій медицины, что по крайней мѣрѣ положено начало открыть эту богатую и столь бережно хранимую сокровищницу всего человѣчества. Какъ извѣстно, нѣтъ ничего труднѣе попытки примѣнить къ современности уроки исторій. И это будетъ не та, такъ называемая всемирная исторія, о которой недавно одинъ французскій адмиралъ сказалъ, что она есть не что иное, какъ только исторія войнъ и мирныхъ договоровъ; исторія войнъ есть только внѣшняя исторія народовъ, — ихъ внутренняя исторія слагается изъ двухъ различныхъ источниковъ. Съ одной стороны, она указываетъ на успѣхи человѣческаго ума на поприщѣ знанія, на величественныя побѣды, одержанныя образованіемъ, — это мы называемъ исторіей культуры; съ другой стороны, она хранитъ воспоминанія о все новыхъ препятствіяхъ на пути жизни, о мучительныхъ страданіяхъ человѣчества, — это есть исторія медицины, права, извѣстная лишь немногимъ, но вслѣдствіе того все-таки не менѣе поучительная часть общей исторіи. При нашихъ настоящихъ изслѣдованіяхъ мы должны воспользоваться всѣми этими тремя направленіями. Голодъ, чума и война въ представленіяхъ человѣчества связаны вмѣстѣ, какъ три апокалипсическихъ всадника, истребляющіе человѣчество,

Krieg, Pestilenz und theure Zeit,

Ist das Eine da, ist das Andre nicht weit“.

Средневѣковая поговорка.

(Ueber Hungertyphus и Kriegstyphus und Ruhr) *).

Едва ли нужны разъясненія, какое громадное значеніе имѣютъ опыты Pasteur'a, доказавшіе, что нѣтъ *generatio aequivoca seu spontanea*, а также и доказательства Коха, что *bacillus subtilis* никогда, ни при какихъ условіяхъ не можетъ превратиться въ *bacillus anthracis*. Такимъ образомъ, чисты лабораторные опыты, по видимому, совершенно далеки отъ всякаго практическаго примѣненія, получаютъ громадное значеніе, ибо даютъ намъ въ руки оружіе для борьбы съ ужаснымъ бичемъ человѣчества, съ эпидемическими болѣзнями....

*) Virchow, Gesammelte Abhandlungen, 1879.

Въ выше приведенныхъ доводахъ не можетъ не поразить то обстоятельство, что Эстерленъ крайне строго относится къ своимъ противникамъ, требуя отъ нихъ опытнаго доказательства своихъ положеній, и какъ снисходителенъ онъ въ то же время къ самому себѣ; всѣ его выводы исцѣплены оговорками, вѣроятно, *wahrscheinlich* и т. п. Значеніе этихъ оговорокъ объясняетъ самъ Эстерленъ, говоря, что онъ настаиваетъ на своихъ выводахъ только до перваго строго научнаго доказательства противнаго. „Мы считаемъ эти положенія пока чисто эмпирическими фактами, однако съ оговоркой, что первый же случай, первый фактъ, которымъ несомнѣнно будетъ доказано зараженіе, должны будутъ видоизмѣнить, если не совсѣмъ опровергнуть, и эти эмпирическіе выводы вмѣстѣ со всѣми дальнѣйшими изъ нихъ заключеніями“ *).

Въ настоящее время это уже свершившійся фактъ.

Мы знаемъ уже до извѣстной степени, какъ происходитъ эпидемизированіе инфекціонныхъ болѣзней, что раньше заставляло предполагать *generatio spontanea* и прибѣгать къ осуждаемому самимъ же Эстерленомъ *petitio principii* или *tautologia*, ища объясненія въ *dispositio* или *Vitalität*, — въ *жизненной силѣ*.

Пролить свѣтъ на этотъ вопросъ удалось только бактериологамъ. Уже Кохъ замѣтилъ, что микроорганизмы, перевиваемые съ одной пробирки въ другую и, слѣдовательно, приучаемые, къ сапрофитной жизни, теряютъ свою ядовитость. Даже *bac. tuberculosis*, этотъ крайній паразитъ, воспитываемый въ безконечномъ рядѣ поколѣній на искусственныхъ средахъ, начинаетъ развиваться и на такихъ средахъ, на которыхъ онъ сначала не развивался — питательномъ агаръ-агарѣ, картофелѣ и т. д., теряя при этомъ свою ядовитость. Съ другой стороны, при переносѣ съ животнаго на животное, микроорганизмы приобретаютъ крайнюю степень ядовитости; изъ сапрофитовъ превращаются въ паразитовъ, такъ сказать, изъ организмовъ, питающихся падалью, становятся кровожадными хищниками. Но болѣе обстоятельной разработкѣ подвергнутъ былъ этотъ вопросъ двумя французскими бактериологами — Roux и Yersin, въ ихъ совместной работѣ о дифтеритѣ **).

Леффлеръ открылъ микроорганизмъ, названный имъ *bacillus pseudodiphthericus*, съ морфологической стороны мало отличающійся

*) L. с. 146. Ср. ниже взглядъ проф. Flügge.

**) См. E. Roux et A. Yersin. Contribution à l'étude de la diphterie, Annales de l'Institut Pasteur, 1890, Juillet.

отъ дифтеритнаго бацилла, но въ противоположность послѣднему неспособный вызывать дифтеритъ. Roux и Yersin выяснили взаимное отношеніе того и другаго; оказалось, что *bac. pseudodiphthericus* въ состояніи также вызывать дифтеритъ, но только *при совместной вегетации съ streptococcus pyogenes*; *bac. pseudodiphthericus*, не будучи въ состояніи одинъ вызвать дифтерита, вмѣстѣ *streptococcus pyogenes* можетъ причинить иногда даже злокачественную, септическую его форму, хотя обыкновенно такой дифтеритъ очень доброкачественный. То же самое оказалось и для другихъ гнойныхъ микроорганизмовъ. Этотъ фактъ, открытый Roux и Yersin о значеніи симбіоза для физиологическихъ свойствъ въ жизни микроорганизмовъ, имѣетъ громадный интересъ, и важность этого открытія начинается постепенно входить въ общее сознаніе. Чтобы, напримѣръ, получить дифтеритъ, нѣтъ необходимости заразиться непременно отъ больного, и такъ какъ *bac. pseudodiphthericus* очень распространенъ въ природѣ и нерѣдко вегетируетъ и во рту, какъ неввинный сапрофитъ, то достаточно уже присутствія *streptococcus pyogenes*, или *staphylococcus*, и простой ангины, чтобы получить и дифтеритъ, который, начавшись съ спорадической и доброкачественной формы, можетъ затѣмъ и эндемизироваться, при подходящихъ условіяхъ.

Примѣчаніе. Указывая на эти факты, впервые точно констатированные Roux и Yersin, мы не можемъ обойти молчаніемъ попытокъ совершенно противоположнаго характера, именно попытокъ лѣчить одну заразную болѣзнь выпрыскиваніемъ культуръ другихъ микроорганизмовъ, или вмѣсто культуръ продуктовъ ихъ обмена. Надо замѣтить, что особенно посчастливилось въ этомъ отношеніи именно *streptococcus erysipelatis*, даже для леченія дифтерита (литература вопроса см., напр., въ статьѣ д-ра Благовѣщенскаго, Медицинское Обозрѣніе, 1894 г., № 15). Но столь компетентные изслѣдователи дифтерита, какъ Roux и Yersin, настоятельно предостерегаютъ противъ такого увлеченія: „M. Bachtchinski a proposé de combattre la diphtérie par l'inoculation du streptocoque de l'erysipèle. Nous croyons que c'est là une pratique inefficace et même dangereuse. Nous avons eu l'occasion d'observer plusieurs cas de diphtérie compliqués d'erysipèle. La mort est survenue dans quatre cas sur cinq“.

Подробныя изслѣдованія о вліяніи совместной жизни микробовъ были произведены, между прочимъ, Galtier. Вотъ его выводы:

1. Микробы, ослабленные до такой степени, что сами по себѣ не въ состояніи породить смертельное заболѣваніе, могутъ воскресить свои силы, сдѣлаться вредоносными, если въ организмъ будутъ введены два разныхъ вида.

2. Оба микроба могутъ размножаться одинъ рядомъ съ другимъ; но обыкновенно одинъ изъ нихъ исчезаетъ или проявляетъ склонность исчезнуть, когда другой приобретаетъ болѣзнетворныя свойства.

3. Когда два вида живутъ совместно, то вредоносность приобретаетъ то

одинъ, то другой, смотря по способу введенія ихъ въ организмъ и виду животнаго.

4. Сочетаніемъ микробовъ можно пользоваться въ лабораторіяхъ для усиленія вредоносности ослабленныхъ культуръ.

5. Эти сочетанія не только могутъ объяснить намъ возобновенія эпидемій, но могутъ усилить и результатъ вакцинаціи, произведенной ослабленнымъ ядомъ.

6. Наконецъ изъ приведенныхъ опытовъ можно заключить, что, проходя чрезъ тѣло и сообщая ему невосприимчивость къ извѣстной болѣзни, микробъ можетъ усилить восприимчивость къ другой болѣзни.

(Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ подлинника и сообщаемъ по реферату Вѣстника Общ. Гиг., июль, 1894 г., стр. 16).

И это не только лабораторные опыты, въ пользу этого говоритъ и сама жизнь. Такъ Saiger, въ засѣданіи Лондонскаго эпидемиологическаго общества, отъ 18 апрѣля 1894 года, сопоставивъ обширный клиническій матеріалъ и выдѣливъ вліяніе возраста, времени года и силы данной эпидеміи и т. д., приходитъ къ слѣдующему выводу, что *между отдельными заразными болѣзнями не только не существуетъ того, что называется антагонизмомъ, а напротивъ, въ силу оставаемыхъ ими общихъ и мѣстныхъ измѣненій, они взаимно увеличиваютъ восприимчивость организма къ каждой изъ нихъ въ отдельности* (Ibid., августъ, стр. 60).

Добавимъ къ этому, что особенно располагаютъ къ зараженію всякаго рода отравленія.

Таковы результаты лабораторнаго эксперимента. Но осуществятся ли въ обыденной жизни подобныя условія, и если да, то какія?

На томъ, что искусственно можно вызвать усиленіе заразы и на важности смѣшанной инфекціи, констатированной экспериментально Roux и Yersin'омъ въ 1889 г., особенно настаивалъ еще въ 60-хъ годахъ покойный Пироговъ. Обширная опытность, приобретенная имъ въ теченіе Севастопольской кампаніи, привела его къ выводу, что усиленіе заразы вслѣдствіе повторнаго переноса (какъ въ томъ убѣдился впервые Davaine на сибирской язвѣ), въ госпиталяхъ происходитъ при скученіи больныхъ и развитіе госпитальныхъ заразъ непредотвратимо тогда никакими мѣрами и во 2-хъ, что при скученіи разнородныхъ больныхъ возникаетъ и самая злокачественная смѣшанная инфекція. Пироговъ настаиваетъ, что эти два факта представляютъ ключъ къ пониманію многихъ явленій въ области повальныхъ болѣзней, что такъ объясняется и фактъ появленія госпитальныхъ заразныхъ болѣзней тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, и особенная злокачественность случайныхъ, *заносныхъ* болѣзней, какъ тифъ, чума, въ случаѣ появленія ихъ въ арміи въ военное время. Совпаденіе результатовъ эксперимента съ выводами изъ непосредственнаго наблюденія въ госпиталяхъ и

въ арміи является въ нашихъ глазахъ надежнымъ ручательствомъ ихъ вѣрности. Вотъ основанія, почему наблюденія Пирогова мы кладемъ въ основу нашихъ попытокъ разобраться въ неясностяхъ и пробѣлахъ, а иногда противорѣчій, неизбежно встрѣчающихся въ историческомъ матеріалѣ. Въ виду важности, какую мы придаемъ выводамъ Пирогова, мы приведемъ здѣсь дословно главнѣйшія положенія его „Началь общей военно-полевой хирургіи“ (Дрезденъ, 1865 г.), о значеніи скученія больныхъ на злокачественность заразъ *).

„Покуда остаются, для мирнаго времени, самыми надежными госпиталями небольшія клиническія заведенія, подходящія ближе всего къ моему идеалу, а въ военное время госпитальныя палатки и бараки. Но и клиники даютъ вообще лучший результатъ только потому, что въ нихъ возможны для врача выборъ больныхъ, ограниченіе ихъ числа, отлученіе (изолированіе) зараженныхъ и періодическое опоражниваніе цѣлаго заведенія (во время вакацій учебнаго года). Что и небольшія клиническія заведенія, безъ соблюденія этихъ условій, также дѣлаются вмѣстилищами миазмъ, это я, къ сожалѣнію, узналъ изъ горькаго опыта.

Когда я учился въ Дерптѣ, то въ теченіе 5 лѣтъ я видѣлъ въ клиникѣ покойнаго проф. Мейера только одинъ случай піэміи. Вся эта клиника состояла изъ 4 комнатъ, изъ которыхъ только въ одной помѣщалось 10 кроватей. Изъ 20 кроватей, вообще, только половина была замѣщаема больными, остальные оставались порожними. Ежегодно, во время вакацій, клиника прекращалась на 6 недѣль; все зданіе внутри чистилось и бѣлилось, койки и матрацы выносились. Когда я самъ сдѣлался въ 1837 г. директоромъ, то на другой же годъ показали различныя формы піэміи и нѣсколько случаевъ госпитальной нечистоты въ ранахъ. Я описалъ это тогда, какъ новость для меня. Только послѣ я понялъ, почему развились при мнѣ такъ скоро госпитальныя миазмы въ маленькой клиникѣ. Мало того, что я какъ ревностный новичекъ въ искусствѣ, замѣстилъ всѣ 20 кроватей оперированными, я прибавилъ еще нѣсколько коекъ, не желая лишити себя наблюденія интересныхъ случаевъ. Потомъ, несмотря на ежегодное опоражниваніе клиники въ вакаціонное время, я уже не могъ изъ нея выжить заразы и она обнаружилась при первомъ удобномъ случаѣ. Какъ дѣлается переносъ заразительныхъ веществъ отъ одного больнаго

*) О смѣшанной инфекціи см. Военно-вр. Дѣло, Ч. II, стр. 40 и слѣд.

къ другому, для насъ остается, въ большей части случаевъ, еще загадкою; то только почти вѣрно, что два больныхъ, помѣщенные вмѣстѣ, заражаются гораздо легче одинъ отъ другаго, чѣмъ здоровые, живущіе вмѣстѣ съ больнымъ. Поэтому и отдѣльныя небольшія комнаты, устроенныя для 2—3 больныхъ, также не есть вѣрное предохранительное средство, но все-таки это изъ двухъ золъ меньшее *).

„Цѣлыя 25 лѣтъ я занимался хирургическою практикою и въ хорошихъ и въ худыхъ госпиталяхъ, и на открытомъ полѣ, въ солдатскихъ и госпитальныхъ палаткахъ, въ хижинахъ крестьянъ, и въ великолѣпныхъ домахъ. Я имѣлъ достаточно случаевъ сравнить результаты и пришелъ, наконецъ, къ убѣжденію, при которомъ и остаюсь, что идеаль хорошо устроеннаго госпиталя вовсе недостижимъ. Госпитали, вмѣстѣ съ другими неблагоприятными, неизбежными условіями, лишаютъ наши хирургическія пособія, въ военное время, пользы, которую, по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ, они должны бы доставлять раненымъ. Скажу болѣе, госпитали дѣлаютъ наши усилія помочь нерѣдко вредными. Вотъ почему: въ нихъ въ военное время лежатъ вмѣстѣ и скопляются больные, всего болѣе требующіе отдѣльныхъ помѣщеній. Раненые носятъ въ своихъ поврежденіяхъ запасъ животныхъ ядовъ и заразъ, всегда готовыхъ къ развитію, и ничто столько не способствуетъ этому, какъ скопленіе раненыхъ въ одномъ мѣстѣ. Наконецъ, въ военное время, всегда и вездѣ проявляются безпорядки и злоупотребленія въ медицинской администраціи, недостатокъ и худокачественность жизненныхъ средствъ: хлѣба, мяса, вина, такъ нерѣдко встрѣчавшіяся и у насъ въ крымскую войну. Легко понять, что вредныя слѣдствія этихъ безпорядковъ и лишеній обнаруживаются, преимущественно, въ скопищахъ организмовъ безпрестанно готовыхъ къ развитію ядовъ и зараженій, т. е. въ госпиталяхъ. Не наблюдая нормальнаго хода травматическихъ поврежденій и хирургическихъ операций въ небольшихъ, хорошо устроенныхъ клиникахъ,—и особенно въ деревнѣ, въ крестьянскихъ лачугахъ, нельзя себя представить, какъ онъ различенъ отъ того, который мы видимъ въ госпиталяхъ, въ военное время. Самые счастливые результаты я получилъ изъ практики въ моей деревнѣ. Если взять во вниманіе, что большая часть моихъ операций въ деревнѣ принадлежала именно къ числу такихъ, послѣ которыхъ

*) Стр. 17, 16.

и въ хорошо устроенныхъ госпиталяхъ не рѣдко развиваются травматическая рожа и піэмія, то я не могу счастливый результатъ объяснить иначе, какъ тѣмъ, что мои оперированные въ деревнѣ не лежали въ одномъ и томъ же пространствѣ, а каждый отдѣльно, хотя и вмѣстѣ съ здоровыми; однимъ климатомъ и деревенскимъ воздухомъ этого не объяснишь: мое имѣніе лежитъ подъ 49° с. ш., въ лѣсной и довольно сырой мѣстности, а такихъ счастливыхъ результатовъ послѣ операций я не наблюдалъ ни въ лѣтнихъ отдѣленіяхъ нашихъ госпиталей, ни въ госпитальныхъ палаткахъ на Кавказѣ и въ Крыму, раскинутыхъ въ превосходныхъ мѣстностяхъ, извѣстныхъ по своему здоровому воздуху. Нельзя приписать этого и хорошему помѣщенію; иногда привозили ко мнѣ больныхъ съ полумертвыми и омертвѣвшими членами, они помѣщались гдѣ-нибудь въ темныхъ, сырыхъ углахъ и сѣнцахъ крестьянскихъ избъ или въ душной худой лачугѣ (стр. 9 Т. I).

„Я убѣжденъ, что всякая зараза можетъ быть эпидемическою, и всякая эпидемія можетъ сдѣлаться заразительною. Но какъ скоро заразительный характеръ обнаружился какимъ бы то ни было образомъ, то я считаю неизвинительнымъ, со стороны врача, оставлять зараженныхъ вмѣстѣ съ другими. Поэтому я всегда считалъ первою моею обязанностью совѣтывать всѣмъ начинающимъ практикамъ, чтобы они непременно учреждали, съ самаго начала, отдѣленія для зараженныхъ госпитальными міазмами. Я не утверждаю, что эти отдѣленные больные много выигрываютъ, и что изолированіе для нихъ очень полезно. Госпитальное зараженіе принадлежитъ къ такого рода болѣзнямъ, на излѣченіе которыхъ много нельзя надѣяться; но другимъ, еще не зараженнымъ, особыя отдѣленія оказываютъ несомнѣнную пользу и видимо уменьшаютъ распространеніе заразы. Противники преувеличиваютъ опасность для самихъ зараженныхъ, говоря, что отъ скопленія ихъ въ одномъ мѣстѣ зараза еще болѣе сосредоточивается и укореняется. Это можетъ быть, если организація такого отдѣленія и надзоръ за нимъ будутъ черезъ чуръ плохи. Нужно отдѣлить совершенно весь персоналъ гангренознаго отдѣленія: врачей, сестеръ, фельдшеровъ и служителей; дать имъ и особыя отъ другихъ отдѣленій перевязочныя средства и особыя хирургическія инструменты. Трудно убѣдить госпитальную администрацію въ вошюющей необходимости какъ можно чаще перемѣнять набивку матрацевъ и мыть въ щелокѣ матрацныя мѣшки. Еще труднѣе усмотрѣть, въ военное время, за госпитальною прислугою, чтобы каждый разъ клался на опороз-

ниваются постель (послѣ смерти или выздоровленія) чистый матрацъ, или чаще бы перемѣнялись пропитанные гноемъ и нечистотою или промокшіе матрацы послѣ перевязокъ. Я увѣренъ, что множество піэмій у насъ въ крымскую войну развилось отъ рѣдкой перемѣны матрацевъ и постельнаго бѣлья (стр. 22).

„И было думалъ, что въ наше время немного найдется защитниковъ огромныхъ госпитальныхъ зданій и помѣщеній, но я узналъ, что и извѣстная Миссъ Найтеингель еще предупреждена въ пользу пространныхъ госпитальныхъ залъ. Отъ нея мнѣ это удивительно слышать... Чѣмъ, какъ не закоренѣлымъ предразсудкомъ и незнаемъ сущности дѣла, объяснить, что еще такъ недавно образованная и челоуколюбивая Миссъ Найтеингель увлеклась въ пользу большихъ госпитальныхъ палатъ, слѣдовательно, и большихъ госпиталей,—отдавая имъ предпочтеніе предъ небольшими и отдѣльными помѣщеніями? Не доказываетъ ли это, что у нашихъ современниковъ осталось то же невѣрное понятіе о больницахъ, какое имѣли о нихъ и наши предки? Они также полагали главное достоинство госпиталя въ пріютѣ и помѣщеніи множества страждущихъ и самымъ огромнымъ разсадникамъ заразы давали незаслуженныя имена „Домовъ Христіанской Любви“, „Милосердія“ и даже „Домовъ Божіихъ“?—Да, не только профаны, и новѣйшіе госпитальные хирурги, занимающіеся изобрѣтеніемъ антипіэмическихъ операций, каковы, напр., экзакриваніе, проведеніе прижигательныхъ стрѣлъ и. т. п., не доказываютъ ли, что они еще мало убѣждены въ вліяніи госпиталя на травматическія зараженія? *) Стали ли бы они хвалиться своими изобрѣтеніями, если бы были убѣждены, что не въ способѣ терапій, а въ свойствахъ госпиталей лежитъ главная причина піэмій и другихъ губительныхъ слѣдствій зараженія? А какъ скоро число такихъ больныхъ достигаетъ извѣстной цифры, то и улучшенная гигиена современнаго госпиталя не помогаетъ,—міазма тутъ, какъ тутъ. Мои убѣжденія о губительномъ вліяніи госпиталей на развитіе піэмій, нечистоты ранъ и другихъ міазмъ, также какъ и необходимость предлагаемыхъ мною мѣръ, подтверждаются многими наблюдателями. Я не знаю, нами ли изобрѣтены госпитальныя палатки, но большая заслуга русскаго военно-врачебнаго вѣдомства безспорно состоитъ въ томъ, что оно прежде всѣхъ другихъ, европейскихъ медицинскихъ администрацій, обратило вниманіе на этотъ важный предметъ. Только теперь въ Европѣ

*) Не забудемъ, что рѣчь идетъ о 60-тыхъ годахъ.

начали понимать ничѣмъ незамѣнимыя выгоды госпитальныхъ палатокъ, и французы и нѣмцы начинаютъ уже ихъ хвалить, намъ же онѣ только извѣстны по опыту; хотя нѣмцы и не сознаются, что они этимъ обязаны Россіи“. (Т. II, стр. 468).

Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи „Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи въ 1877—1878 гг.“. Сиб., 1879 г. Пироговъ только подтверждаетъ свои прежнія положенія. „Все, что я узналъ изъ пяти послѣдовавшихъ за крымскою кампаніею войнъ, утвердило во мнѣ вѣру въ изложенныя мною начала; а послѣ нынѣшней нашей войны 77—78 годовъ, я смѣло могу признать ихъ основными“.

Для нашихъ цѣлей особенно важно, что Пироговъ вновь подчеркиваетъ, что благодѣтельное вліяніе введенной уже въ его время антисептики имѣетъ свои предѣлы; разъ скученіе больныхъ превысило извѣстную норму, антисептика уже не въ состояніи предотвратить всего зла. Вездѣсущность микроорганизмовъ, заражающихъ раны, въ настоящее время строго доказана, и Пироговъ указываетъ на тѣ условія, когда они изъ невинныхъ сапрофитовъ дѣлаются кровожадными хищниками, и эти условія—скученіе больныхъ. „Каждому безпристрастному наблюдателю не трудно убѣдиться, какъ различно положеніе одиночнаго раненаго, съ самымъ тяжкимъ травматическимъ поврежденіемъ, отъ того, въ которомъ находится сотни тяжело раненыхъ, скученныхъ въ старомъ, не ассенизованномъ госпиталѣ, и, именно, во время войны, претерпѣвая много всякаго рода лишеній, и подвергаясь вліянію разныхъ эндемій и эпидемій. Бильротъ въ войнѣ 70—71 гг. видѣлъ и въ своемъ, не очень надежномъ, лазаретѣ въ Вейссенбургѣ, и въ новыхъ прекрасно вентилированныхъ баракахъ Мангейма много піемиковъ; поэтому онъ и отрицаетъ благотворное вліяніе чистаго воздуха и другихъ хорошихъ гигиеническихъ условій на развитіе піемій. То же самое, болѣе или менѣе, замѣтно было и у нашихъ молодыхъ хирурговъ въ новыхъ баракахъ Румыніи, въ нынѣшнюю войну 77—78 гг. Но и въ Вейссенбургѣ у Бильрота, и въ Мангеймѣ, и у нашихъ хирурговъ въ Румыніи лежало вмѣстѣ значительное число тяжело раненыхъ. Вотъ это-то обстоятельство, — главное въ вопросѣ о піеміи, — и Бильротъ, и всѣ ревностные молодые хирурги упускаютъ изъ виду, сваливая потомъ всю вину громадной смертности на свойства самыхъ поврежденій и на мѣстныя измѣненія въ ранахъ. Дѣйствительно, нельзя требовать, чтобы смертность послѣ такихъ значительныхъ поврежденій, каковы, напримѣръ, огнестрѣльные пере-

ломы костей и пр. равнялась бы нулю или была бы незначительна. Но процентъ смертности, безъ сомнѣнія, будетъ другой, какъ скоро перестанутъ тяжело раненыхъ, изъ-за научныхъ интересовъ, скучивать вмѣстѣ. Я имѣлъ случай достаточно убѣдиться въ непреложности этой истины. Было время и для меня, когда я, стараясь приискать какъ можно болѣе оперативныхъ и интересныхъ случаевъ, выбиралъ самыхъ трудныхъ раненыхъ, для удобства наблюденія за ними, въ одинъ госпиталь или въ одну большую палату госпиталя; результатъ былъ всегда плохой. Это случилось со мною и въ дерптской клиникѣ, и въ военно-сухопутномъ госпиталѣ, и въ Севастополѣ. И это понятно; какъ совѣслливо и тщательно я ни слѣдилъ за ходомъ и очищеніемъ ранъ и состояніемъ больного, — все это мало помогало; но, во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ я уже въ концѣ сороковыхъ годовъ началъ отдѣлять оперированныхъ и трудныхъ раненыхъ въ особыя помѣщенія (которыхъ было тогда довольно при госпиталѣ); въ которыхъ прежде оперированные постоянно умирали отъ піемій, я началъ избѣгать, и результатъ, очевидно, измѣнился въ пользу раненыхъ и мою. Наконецъ, когда пришлось мнѣ видѣть, что, несмотря на самую небрежную (не по моей волѣ) перевязку ранъ; несмотря на то, что гной, подъ неперемѣнною нѣсколько дней перевязкою, дѣлался зловоннымъ — лѣченіе оперированныхъшло успѣшно, — то я не могъ не приписать этого неожиданнаго результата тому только, что всѣ мои оперированные не лежали вмѣстѣ, а были разбѣяны въ разныхъ и вовсе непригодныхъ помѣщеніяхъ. Это опять наводитъ меня на еретическую мысль, что каждый организмъ, и здоровый и больной, окруженъ *своего рода атмосферою*, которую онъ *носитъ съ собою*; и, какъ скоро нѣсколько организмовъ скучить вмѣстѣ, то, несмотря ни на воздушность помѣщенія, ни на другія гигиеническія мѣры, вліяніе одного организма на другой, *при извѣстныхъ условіяхъ*, легко дѣлается вреднымъ. При скопленіи, и повѣтріи, и контагії, находя для себя горючій матеріалъ, собранный въ одно мѣсто, вліяютъ сильнѣе и быстро распространяются иногда чрезъ атмосферу одного, вновь прибывшаго изъ зараженной мѣстности, лица.

Есть и еще одинъ *медіумъ*, способствующій переносу и развитію заразы при скучиваніи тяжело раненыхъ въ одномъ помѣщеніи, — это самъ санитарный персоналъ, съ его принадлежностями: одеждою, перевязочными средствами, инструментами и т. п. Вращаясь въ одномъ и томъ же ограниченномъ пространствѣ, между

лежащими въ немъ тяжело ранеными, переходя отъ одного къ другому, и врачи, и санитары, и прислуга переносятъ незамѣтно все окружающее, не исключая, быть можетъ, и слоевъ воздуха, съ содержащимися въ немъ испареніями, пылью и т. п. отъ одной постели къ другой. Какъ бы то ни было, но замѣченный фактъ въ мангеймскихъ и нашихъ баракахъ вѣренъ. Одна вентиляция не исключаетъ развитія піемій, какъ скоро въ эти помѣщенія будетъ снесена и собрана *куча тяжело раненыхъ*. Но это будетъ все-таки піемія не одной только первой категоріи (мѣстныя) и не многого будетъ недоставать, чтобы ихъ сдѣлать общими и подвергнуть скопленныхъ раненыхъ вліянію повального зараженія“ (стр. 28—29).

Вотъ тѣ начала, въ истинности которыхъ Пироговъ въ теченіе всей своей многолѣтней дѣятельности постоянно убѣждался самъ и убѣждалъ другихъ. И съ нашей стороны не одна только дань благоговѣнія предъ памятью знаменитаго русскаго врача и гуманиста, что мы приводимъ дословно главнѣйшія его положенія и кладемъ ихъ въ основу настоящей работы,—нѣтъ, кромѣ этого, весьма понятнаго чувства, нами руководило и убѣжденіе, что это тѣ именно положенія, которыя составляютъ одно изъ важнѣйшихъ приобрѣтеній науки за послѣднее время. Но въ своемъ преклоненіи предъ великимъ учителемъ мы не желали только просто *jugare in verba magistri*, мы старались, насколько могли, провѣрить его положенія на историко-эпидемиологическомъ матеріалѣ и убѣдились, что, исходя изъ его началъ, легче и вѣрнѣе всего можно понять причины возникновенія и хода эпидемій. Насколько, конечно, эта провѣрка, основательна,—судить не намъ. Но мы полагаемъ, что факты, указанные Пироговымъ, даютъ возможность правильно судить и о такихъ вопросахъ, которые трудно все поддается объясненію и до сихъ поръ. Напримѣръ: въ чемъ лежитъ причина, что каждая вспышка эпидеміи, быстро достигнувъ своего *maximum'a*, также быстро и ослабѣваетъ? Не въ томъ ли, что если всякое скопленіе людей выше извѣстнаго предѣла, при наличности существованія заразы, неизбежно порождаетъ эпидемію, то и обратно, разрѣженіе ниже опредѣленной границы—вслѣдствіе даже самой смертности отъ эпидеміи, также неизбежно, уже безъ всякаго участія съ нашей стороны, ведетъ къ ослабленію и прекращенію эпидеміи? А къ этому и сводится сущность одного изъ важнѣйшихъ „Началъ“ Н. И. Пирогова.

И разъ достигнута извѣстная степень разрѣженія населенія, все

равно—какими бы то ни было путями,—вступаетъ въ полную силу благотѣльное дѣйствіе солнечныхъ лучей, которые и доканчиваютъ уже безъ помѣхи дѣло, уничтожая всякія заразы, какъ то недавно поставилъ внѣ всякаго сомнѣнія Duclaux.*) Сопоставляя эти открытія Пирогова съ одной стороны, и открытія Davaine'a, Roux et Yersin и Duclaux съ другой, намъ становится понятнымъ, въ чемъ лежитъ сущность началъ Пирогова, которому медицина обязана открытіемъ благотѣльныхъ свойствъ барачной системы, или, какъ онъ неоднократно говорилъ объ этомъ на страницахъ своихъ сочиненій, *не ему, а Россіи*. Намъ по этому поводу приходится отмѣтить, что открытіе это впервые было сдѣлано еще въ XVII столѣтіи — Eggerdes, архіатромъ курфюрста Трирскаго, но, какъ и многія открытія, не было оцѣнено современниками и потому и забыто, такъ что Пирогову пришлось открывать вновь, совершенно не зная объ немъ. Вотъ выдержка изъ интереснаго документа, опубликованнаго въ 1721 году въ приложеніи къ *Traité de la peste* лейбъ-медика короля прусскаго Dr. Mangel: „*Безошибочный способъ прогнать и потушить чуму, изложенный въ 20 слѣдующихъ правилахъ*“.
(Methode infaillible pour repousser et pour étouffer la peste, expliqué dans les vingt règles suivantes).

„Я не сомнѣваюсь, говорить авторъ въ предисловіи къ своему способу, что люди, преисполненные ходячихъ предрасудковъ, сначала, при чтеніи заглавія, придутъ въ большое изумленіе; что ихъ изумленіе увеличится еще больше, когда они обратятъ вниманіе, что изъ всѣхъ врачей, трудившихся до сихъ поръ, въ разныхъ частяхъ Европы, надъ открытіемъ средства противъ чумы, я единственный, кому посчастливилось въ этихъ поискахъ и кто наконецъ открылъ способъ, столь же новый и неслыханный до сихъ поръ, сколько вѣрный и безошибочный, чтобы обезопасить себя отъ ужаснаго бича. Но пусть изумляются, сколько кому угодно, и пусть каждый остается въ своемъ заблужденіи—меня это ни мало не трогаетъ: у меня нѣтъ иной цѣли, кромѣ стремленія открыть истину, слѣдовать ей и работать для общаго блага. Все, что я могу сказать въ пользу моего новаго открытія, заключается въ томъ, что вся Силезія, многократно посѣщаемая чумой, испытала на себѣ благотѣльныя и спасительныя его дѣйствія и бесконечно

*) Подробности и литературу см. А. Войтовъ, Курсы медицинской бактериологии, 1894, 347 слѣд.; изъ текущей литературы многія указанія помѣщены въ Вѣст. Общест. Гигіены за 1894 г.

ему обязана. Пусть же народы, уже подвергшіеся или только угрожаемые этой заразной болѣзью, примѣнять въ точности мои правила, посмотрятъ, получаютъ ли они на дѣлѣ тѣ выгоды, которыя я обѣщаю!“

А способъ этотъ заключается въ томъ, чтобы, съ обычными въ то время предосторожностями, изолировать больныхъ или только подозрительныхъ, не отправляя ихъ въ госпитали, а оставляя ихъ въ ихъ же избахъ или, въ случаѣ надобности, въ палаткахъ, при чемъ въ избѣ скопляется при этомъ не болѣе 2—3 больныхъ. Благодаря одному такому размѣщенію, чѣмъ достигалось одновременно и изоляція и разбѣганіе, — чума прекращается, и населеніе не только не вымираетъ поголовно, а напротивъ большинство больныхъ выздоравливаетъ почти безъ всякой медицинской помощи. Намъ не удалось розыскать свидѣтельствъ, какъ отнеслись современники къ этому новому и неслыханному открытію, но насъ не поразить, если авторъ, о чемъ можно догадываться по тону самого предисловія, былъ зачисленъ ими въ разрядъ неисправимыхъ фантазеровъ, или, быть можетъ, и того хуже. „*Всюду, гдѣ введутъ въ употребленіе мой способъ, который я рекомендую какъ безошибочный противъ чумы, должны признать, что нѣтъ никакой нужды въ большихъ госпиталяхъ, учрежденіе которыхъ есть вѣрный знакъ полного непониманія какъ природы заразной болѣзни, такъ и истиннаго противъ нея средства. Я могу, съ нѣкоторымъ правомъ, льстить себя, что время и опытъ, наконецъ, заставятъ признать истину моей системы*“ (XX правилъ). Развѣ это не тѣ же начала, за которыя такъ ратовалъ Н. И. Пироговъ? А это еще больше укрѣпляетъ насъ въ мысли, что „Начала“ Пирогова должны служить основой для борьбы не только съ чумою и рожей, но и со всякими заразными болѣзнями. То обстоятельство, что Пироговъ не первый указываетъ на безошибочный и вѣрный способъ борьбы съ эпидеміями, говоря словами Eggerdes, ничуть не умаляетъ заслугъ Пирогова, какъ и экспериментальное доказательство Duclaux способности солнечныхъ лучей убивать микробовъ нисколько не теряетъ отъ того, что еще въ томъ же XVII или даже XVI столѣтіи объ этомъ дѣйствіи солнца выражались почти тѣми же словами, какъ и Duclaux:

„Я часто размышлялъ, говоритъ авторъ перваго руководства дезинфекціи и общихъ мѣръ борьбы съ чумою, R. P. Maurice de Tolon, Religieux et Prêtre de l'ordre des Capucins, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ въ борьбѣ съ чумою во Франціи

въ XVII столѣтіи, — почему предшественники установили срокъ для очистки людей и подозрительныхъ вещей изъ чумныхъ мѣстъ въ 40 дней, а не 30 или 50; я искалъ объясненія во всѣхъ сочиненіяхъ, но ни одинъ авторъ меня не удовлетворилъ. Но, взвѣсивъ все, чему научилъ меня опытъ въ этомъ дѣлѣ, я открылъ, что главный мотивъ такого срока есть очищеніе товаровъ, а не людей, и причина очевидна, поскольку наши предки очень хорошо знали, что ясная погода и сѣверные вѣтры имѣютъ свойство очищать зараженные вещи. Но въ виду непостоянства погоды, такъ какъ небо не всегда ясно, и сѣверные вѣтры дуютъ не постоянно, и убѣдившись на опытѣ, что промежутокъ въ тридцать дней не надеженъ для очистки, такъ какъ въ теченіе цѣлой луны можетъ быть дождливая, сырая и безвѣтренная погода, а съ другой стороны, что 50 дней являются уже срокомъ излишне долгимъ, они и установили 40 дней, какъ срокъ совершенно достаточный и дѣйствительный. Въ настоящее же время (XVII стол.) срокъ этотъ для вещей можетъ быть значительно сокращенъ, такъ какъ въ окуриваніяхъ мы имѣемъ средство очистить даже самые зараженные предметы въ три часа времени или, самое большее, въ 24 часа“.

Если мы вспомнимъ, что все это говорилось еще въ XVII вѣкѣ, и добавимъ къ этому, что для того, чтобы узнать, достигнута ли дѣйствительно дезинфекція помѣщенія, рекомендовалось просунуть чрезъ окно, на алебардѣ или пикѣ, только что вынутый изъ печки свѣже испеченный хлѣбъ, разрѣзавъ его пополамъ, и если чрезъ сутки не окажется на поверхности разрѣза, какъ бы мы сказали теперь, колоній микроорганизмовъ, то дезинфекція считалась оконченной; въ противномъ же случаѣ нужно было повторить всю процедуру вновь *); если мы сообразимъ все это, то мы едва ли будемъ далеки отъ истины, сказавши, что открытіе Пастера лишь достойнымъ образомъ завершаетъ дѣло, надъ которымъ не бесплодно трудились наши предшественники въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и что Пастеръ своимъ открытіемъ обязанъ столько же своему гению, когда онъ вопреки даже дружескимъ предостереженіямъ вновь пошелъ по пути, объявленному ненаучнымъ, сколько и нашему современному шестому органу чувствъ — микроскопу.

*) Приведемъ въ подлинникъ это интересное мѣсто.

Comment l'on peut reconnaître, si les maisons sont bien désinfectées.

L'on ne sauroit apporter trop de précaution, ni de soin en la désinfection des maisons, pour l'assésurance de la vie des habitans. La raison veut qu'après les nettoiyements & parfums bien exploitez, les maisons restent parfaitement désin-

Для большей убѣдительности считаемъ необходимымъ привести подлинныя слова Пирогова, который былъ ревностнымъ поборникомъ идеи Esgerdes'a, и что въ особенности возвышаетъ значеніе этого единомыслія, такъ это то обстоятельство, что оно замѣчается между врачами, отдѣленными другъ отъ друга разстояніемъ двухъ вѣковъ. Вотъ что Пироговъ говоритъ о госпиталѣ частной помощи въ Лысой горѣ, въ Новороссіи, размѣщенномъ въ сельскихъ хатахъ; Пироговъ такъ остался имъ доволенъ, что высказываетъ слѣдующее (стр. 313, т. I). Если бы и мнѣ самому предложили выбрать для практики: госпиталь съ скопившимися въ немъ больными, или больныхъ, размѣщенныхъ въ хатахъ села, я, не задумавшись, предпочелъ бы послѣднихъ. *Замѣчательнъ еще фактъ, подмѣченный д—ромъ Скржинскимъ (старшимъ врачомъ госпиталя), что тифъ, занесенный транспортированными больными въ занятые имъ хаты, не распространился по деревнѣ и не заразилъ сельскихъ обывателей. Тифъ остался мѣстнымъ и ограниченнымъ, чего не можно бы было надѣяться, при занесеніи тифозной заразы, въ госпитальное зданіе. Въ госпитальномъ замѣ, нерѣдко, появленіе одного тифознаго больного служитъ къ распространенію тифа на нѣсколько друиыхъ.* Изъ всѣхъ помѣщеній частной помощи, въ санитарномъ отношеніи, наилучшими Пироговъ считаетъ обывательскія дома: „пусть тѣ изъ молодыхъ врачей, которые привыкли практиковать въ столицахъ, и потому слишкомъ требовательны, попрак-

fectées: & néanmoins quelques curieux presentent des remèdes pour reconoitre si la purification est parfaite, & s'il ne reste pas encore quelque vapeur pestifère. Le premier est, de prendre quelques pains tous chauds venants du four, & les ouvrir, puis les atacher au bout d'une picque, ou halebarde, en les laissant, aux Chambres ou l'infection aura été plus grande, après avoit bien fermé les fenêtrés, durant vingt-quatre heures: car s'il reste encore du venin, le pain se pourrit, changeant de couleur & de gout, il le faut enterrer soigneusement sans le toucher: Que s'il ne se change pas, & ne reçoit aucune alteration, la désinfection est parfaite. L'autre expérience qu'ils apportent, est, d'atacher au bout d'un bâton, de la chair de Mouton, ou autre qui soit fraîche, & la laisser durant vingt-quatre heures dans les Chambres qui auront été désinfectées, après avoir fermé les portes, & les fenêtrés. Si la chair se pourrit dans ce temps, il y aura encore de l'infection; que si elle paroît belle, il ne faut pas craindre. Il y en a d'autres qui disent qu'il faut avoir des oeufs frais, ou des oeufs ouverts & battus: & les mettre dans un plat durant vingt-quatre heures, aux Chambres désinfectées, & bien fermées; car s'il y a encore de l'infection, ils se pourrissent. Voilà trois expériences. Pour moi je ne veux pas disputer contre ceux qui les apportent; les curieux les pourront essayer: mais j'estime, que la désinfection faite par l'ordre susdit est assurée.

твуютъ нѣсколько времени въ обывательскихъ городскихъ домахъ, занятыхъ подъ госпитали, и они убѣдятся на опытѣ, во сколько разъ надежнѣе и лучше практика въ хатахъ (315)“.

На страницахъ 348—356 первой части Военно-врачебнаго Дѣла Пироговъ приводитъ подробное описаніе и отчетъ этого госпиталя въ хатахъ. Мы не будемъ слѣдовать за Пироговымъ, такъ какъ это не входитъ въ дѣли нашего сочиненія, но обратимъ вниманіе лишь на одинъ фактъ, составляющій суть всего дѣла: такъ какъ каждая хата есть въ сущности отдѣльный небольшой лазаретъ, то размѣщеніе по хатамъ требуетъ усиленной дѣятельности достаточно многочисленнаго санитарнаго персонала (уходъ, дежурство, и пр.; въ теченіе года поступило 633 чел. больныхъ при 50 чел. персонала). Но это предполагаетъ существованіе достаточнаго запаса врачей и прочаго санитарнаго персонала, а это - то всегда было самымъ большимъ мѣстомъ врачебной организаціи во время войнъ и эпидемій. Въ одномъ сочиненіи XVII вѣка: Tractatus medicus de Morbis castrensibus internis, authore Iohann. Valentin. Willio Medico Regio Castrense, Hafniae, Anno MDCLXXVI, находимъ характерное свидѣтельство о крайнемъ недостаткѣ врачей въ то время. Авторъ даетъ указанія, какъ отличить настоящаго врача (cap. VI, § 1), и въ § 2 рекомендуетъ отдѣлять лишь больныхъ отъ здоровыхъ, но больныхъ не разсѣивать и не сортировать, а сосредоточить вмѣстѣ, ибо только въ такомъ случаѣ врачъ будетъ въ состояніи лично осмотрѣть всѣхъ, да и въ хозяйственномъ отношеніи это не малое удобство: достаточно на всѣхъ и одного повара. Для насъ понятно, почему всѣ болѣзни при такихъ условіяхъ превращались въ чуму: ut verbo me expediam, nihil morborum est, quod pestis symptoma fieri nequeat. Qui ergo certus sum, pestene labore miles? (Cap. III, § 1, стр. 12). Между тѣмъ польза разсѣянія, правда, только при эпизоотіяхъ; равно какъ и значеніе для развитія эпидемій низменныхъ болотистыхъ мѣстностей, куда, за туманами, рѣдко проникаетъ не ослабленный въ своей силѣ солнечный лучъ, были хорошо извѣстны уже Римлянамъ *), которые сумѣли воспользоваться

*) Varro, De re rustica, cap. XII, прямо говоритъ объ очищающемъ дѣйствіи солнечныхъ лучей, и о невидимыхъ глазомъ bestialae, проникающихъ въ насъ вмѣстѣ съ вдыхаемымъ воздухомъ и производящихъ трудныя болѣзни. Lucretius, въ философской поэмѣ De rerum natura, подробно развиваетъ идею о Semina morborum, которыя, по его мнѣнію, зараждаются при гніеніи разлагающихся веществъ, и разносятся затѣмъ воздушными теченіями, заражая воду, пищу, животныхъ и людей; попадая же въ организмъ, они размножаются тамъ, вотъ почему нѣкоторыя болѣзни и бываютъ прилипчивы. Эти идеи еще

знаніемъ природныхъ условій, мы же, спустя 2000 лѣтъ, только наученные горькимъ опытомъ, опять возвращаемся къ мѣрамъ, намѣченнымъ еще классическимъ міромъ. Хотя въ примѣрахъ пользы разсѣянія не было недостатка и въ исторіи эпидемій, но всѣ они толковались односторонне и не безпристрастно. Какъ напримѣръ, иначе объяснить фактъ, который въ свое время служилъ камнемъ преткновенія и для контагионистовъ, и для антиконтагионистовъ: „Во время возстанія въ Иудеѣ въ 1834 году вспыхнула чума въ католическомъ монастырѣ St. Sauveur въ Иерусалимѣ, куда укрылись многие. Когда по освобожденіи монастыря укрывавшіеся въ немъ разошлись, то разсѣявшіеся больные не разнесли чуму и она прекратилась, между тѣмъ какъ изъ 63 монаховъ въ монастырѣ умерло 22 человекъ. Если бы чума была заразительна, замѣчаетъ Эстерленъ, не произошло-ли бы скорѣе обратное? (Seuchen 426).

Толозанъ приводитъ еще такой фактъ. (L. c. p. 9).

La peste de Recht, en 1877, est le plus frappant et le plus remarquable exemple qu'on puisse trouver. C'est une expérience toute faite sur une grande échelle devant des médecins officiellement nommés par la Russie et par la Turquie, pour l'observer. Elle était évidemment contagieuse ou plutôt infectieuse en ville, mais dans aucun cas elle ne s'est repandue dans les villages voisins, où plus de la moitié de la population avait été chercher un refuge; bien différente, en cela, de la peste de 1830 — 1831, qui envahit tout le pays de Guilan, depuis la capitale, que nous venons de nommer, jusqu'au plus petit village. C'était bien la peste dans deux cas; c'était bien la même effroi de la population qui la portait à chercher un refuge. Толозанъ останавливается въ недоумѣніи предъ этимъ фактомъ, но вѣрное объясненіе было намѣчено уже другимъ очевидцемъ и дѣятелемъ во время Крымской кампаніи, — Michel Lévy: L'agglomération augmente singulièrement les chances de conservation et de reproduction des germes morbides au milieu des hommes sains et malades. C'est ce qui explique le facile transport des maladies épidémiques par les navires encombrés, par les caravans, par les armées, par les émigrations (Traité d'hygiène, 5 éd. 1865, т. II).

Но эти факты съ точки зрѣнія Пирогова и Duclaux объясня-

подробнѣе развиваетъ Fracastoro въ XVI в. Замѣчательнъ фактъ, что и эти идеи воскресли въ эпоху Возрожденія, вмѣстѣ съ пробужденіемъ интереса къ классическому міру. Очеркъ мѣропріятій, которыми Римляне боролись съ эпидеміями, первый далъ Lancisi. Ученіе Гиппократа, какъ извѣстно, послужило основаніемъ для constitutio epidemica Sydenham'a, и пр.

ются вполне удовлетворительно. Повятно становиться, почему чумные карантинны, вмѣсто ожидаемой благой пользы, приносили только явный вредъ; — скучиваніе лишь создавало очаги заразы, откуда чума и разносилась повсюду такъ же, какъ тифы и піэміи изъ переполненныхъ госпиталей, на что особенно обращаетъ вниманіе Пироговъ въ своихъ „Началахъ“, ибо разъ госпиталь или карантинъ пропитанъ заразой, то онъ требуетъ уже крайняго напряженія силъ, чтобы его очистить. А во время чумы въ Европѣ именно и происходило, что каждый оцѣленный городъ превращался въ подобный грандіозный госпиталь и приходилось, по окончаніи чумы, то есть, другими словами, послѣ поголовнаго вымиранія всего населенія, — дезинфицировать каждый уголь. Ужасающія подробности можно найти въ цитированномъ уже нами Traité de la Peste, par Dr Manget.

Примѣчаніе. Въ виду важности вопроса съ нашей точки зрѣнія мы приведемъ слѣдующія слова изъ описанія Пирогова: „Въ заключеніе, старшій врачъ вологодскаго лазарета указываетъ на слѣдующія достоинства помѣщеній въ хатахъ: а) на скорость приспособленія къ помѣщенію больныхъ, б) на возможность разсѣянія, изолированія и абсолютной дезинфекціи малыхъ помѣщеній. Въ подтвержденіе этого должно привести еще и то наблюденіе д-ра Скржинскаго, что на Лысой горѣ не было заболѣванной тифомъ, не только между поселянами, жившими отдѣльно, но и въ тѣхъ хатахъ, гдѣ подъ одною крышею съ больными тифомъ жили и крестьянскія семьи; с) наконецъ, размѣщеніе больныхъ по хатамъ устраняетъ тяжелое впечатлѣніе больничной жизни и обстановки. Что госпитали, напротивъ, нерѣдко являются очагомъ заразы, это достаточно извѣстно между прочимъ, на это указываетъ и Пироговъ на стр. 52, т. I, своихъ „Началъ“. Общее заключеніе Пирогова таково: При всемъ моемъ пристрастіи къ помѣщенію больныхъ въ хатахъ, палаткахъ и юртахъ, я далекъ отъ того, чтобы восторгаться ими, какъ нѣкоторые изъ молодыхъ врачей восхищаются бараками. Я не скажу администраторамъ о хатахъ то, что говорилъ объ американскихъ баракахъ предлагавшій ихъ строить медицинскій членъ Краснаго Креста, — не скажу администратору: «выстройте хаты, и вы многимъ дадите жизнь и многимъ отсрочите смерть». Такое твердое убѣжденіе, конечно, вызвано пылкимъ влеченіемъ къ добру и вѣрою молодости въ безмѣрную силу науки и искусства. Но опытъ и старость, къ сожалѣнію, указываютъ, слишкомъ наглядно, человѣку на границы его значенія и власти надъ природой“. Во II-й части Пироговъ еще разъ возвращается къ этому вопросу (172): „Послѣ всего сказаннаго, я заявляю еще разъ, — и въ этомъ, рано-ли, поздно-ли, надѣюсь, всѣ убѣдятся, что, высокочтимыя и мною, госпитальныя воздушныя постройки, — палатки, бараки и т. п., въ санитарномъ отношеніи, дѣлаются безукоризненными только при условіи, когда, во-первыхъ, не держатъ въ нихъ много тяжело раненыхъ вмѣстѣ; во-вторыхъ, когда cadaго подозрительнаго, при первыхъ же признакахъ гнойнаго зараженія, отдѣляютъ отъ другихъ и переносятъ въ особое отдѣленіе. И отдѣльныя помѣщенія не предохраняютъ отъ травматической заразы, если въ каждой крестьянской лачугѣ сложать по 2—3

тяжело раненыхъ, да еще къ тому, и не приспособить ухода за ними. Я далеко отъ увлеченія, и повторю, что всѣ наши усилія въ борьбѣ съ травматическими заразами только до *извѣстной степени* могутъ быть успѣшны. Но мы обязаны всѣми способами предотвратить переносъ контагій на другихъ раненыхъ и тѣмъ уничтожить въ корнѣ угрожающее развитіе общихъ піемій и септикемій, при скопѣ тяжело раненыхъ въ одноиъ помѣщеніи. А для этого болѣе надежныхъ средствъ, какъ разсѣянія раненыхъ, чистоты и вентилляціи, мы не имѣемъ. *Чтобы ни утверждали антиконтагионисты, но имъ не удастся поколебать заслуженную репутацію карантинновъ. И вотъ эту-то карантинную систему, изолированіе раненыхъ, я и защищаю*, види въ ней самое вѣрное средство и противъ травматическихъ заразы „(Пироговъ, II, 176).

Въ отчетѣ о франко-прусской войнѣ, Пироговъ пишетъ: «Уже въ 50-хъ годахъ я объявлялъ себя непримиримымъ врагомъ громадныхъ и подобныхъ дворцамъ госпитальныхъ зданій и представилъ довольно, какъ я думаю, фактовъ изъ моей практики въ пользу госпитальныхъ палатокъ, бараконъ, лачугъ, крестьянскихъ избъ и другихъ незатѣйливыхъ помѣщеній. Роскошная обстановка госпиталей давно уже перестала обольщать меня.... И именно въ настоящую войну мы видимъ, что вездѣ являются временные лазареты, организованные по другой системѣ, происхожденіе которой мы, русскіе, имѣемъ право приписать себѣ. Правда, на западѣ умалчиваютъ о томъ, что *госпитальныя палатки и мѣтнія деревянныя помѣщенія* при госпиталяхъ извѣстны въ Россіи уже болѣе 30 лѣтъ и отъ насъ были заимствованы, да и мы сами не отстаиваемъ наше первенство — что доказывается, между прочимъ, и статьей Лабулэ, переведенною на русскій языкъ, безъ всякаго замѣчанія о нашихъ правахъ на первенство.... Какъ бы, однако, госпитали ни были устроены, они тогда только достигнутъ своей цѣли, когда администрація позаботится, *во-первыхъ*, разсѣять больныхъ въ различныхъ и, сколько возможно, болѣе отдѣльныхъ помѣщеніяхъ, и *во-вторыхъ*, когда она будетъ имѣть достаточное число *затѣйныхъ* палатъ, или зданій, для періодическаго перемѣщенія больныхъ. Госпитальныя мѣзмы не такъ летучи, чтобы уничтожиться одною вентиляціей; поэтому и опредѣленнаго количества воздуха кубиками (до 1500—2000 куб. футовъ на кровать) хорошо только для предохраненія отъ мѣзвъ, развивающихся въ спертонъ воздухѣ, *а не отъ примитивныхъ зараженій*. Поэтому я и настаиваю на разсѣянніи больныхъ и признаю ихъ скученными, когда баракъ или больничныя палаты заключаютъ въ себѣ,—какъ это еще и теперь вездѣ принято,—20 или 30 раненыхъ.... Не всѣмъ ли извѣстно, что заразительную родильную горячку прекращаютъ и теперь, разсѣвая роженицъ по домамъ и закрывая родильныя заведенія, какъ бы они ни были похожи на дворцы и чертоги».

По поводу листеровской повязки Пироговъ въ 1879 году дѣлаетъ такое замѣчаніе: Я знаю, что новѣйшая хирургія подарила намъ еще однимъ мѣстнымъ средствомъ,—по укрѣпленію ревностныхъ ея адептовъ,—непогрѣшимымъ противъ развитія травматическихъ контагій,—это способъ перевязки Листера. Но, конечно, ни одна повязка, не исключая и листеровой, въ полевой практикѣ, — не талисманъ противъ піемій и септикемій. Да и въ тѣхъ гражданскихъ госпиталяхъ, гдѣ листеровы повязки систематически употреблялись, замѣчали, какъ я слышалъ отъ одного хирурга, періодичность въ результатахъ леченія; по временамъ, шло все отлично; но, по временамъ, показывалась и рожа, и піэміи. Такъ бываетъ, и я думаю, всегда будетъ, съ каждымъ способомъ леченія въ госпиталяхъ».

Мы позволили бы себѣ охарактеризовать систему Пирогова борьбой съ заразными болѣзнями, какъ такую, которая имѣетъ цѣлью облегчить намъ возможно болѣе широкое пользованіе благодѣтельными содѣйствіемъ въ этой борьбѣ естественными силами природы; разсѣяніе позволяетъ утилизировать стерилизующую силу солнечныхъ лучей и воздуха, изолированіе же предохраняетъ отъ переноса заразы съ одного [больнаго на другаго,— а благодаря этому переносу не только просто заражаются другіе, но при этомъ усиливается и ядовитость микроорганизмовъ,—и отъ образованія смѣшанныхъ, особенно злокачественныхъ, инфекцій, борьба съ которыми до сихъ поръ остается мало успѣшной. Всѣ сочиненія Пирогова, по нашему убѣжденію, проникнуты той основной мыслью, что игнорированіе этихъ естественныхъ агентовъ ведетъ къ полному разочарованію въ дѣйствительности всѣхъ нашихъ мѣръ, какія бы благія цѣли онѣ ни преслѣдовали и какъ бы онѣ, въ сущности своей, ни были рациональны. Въ оцѣнкѣ этихъ условій и въ указаніяхъ, какъ ими пользоваться, и состоитъ, по нашему мнѣнію, важнѣйшая заслуга Пирогова, и 30 лѣтъ, прошедшія со времени изданія его „Началь военно-полевой хирургіи“, только подтверждаютъ вѣрность его взглядовъ.

То обстоятельство, что дѣятельность Пирогова, главнымъ образомъ, относится къ тому времени, когда еще не была извѣстна антисептическая повязка Листера, ничуть не умаляетъ значенія Пирогова, а только возвышаетъ важность формулированныхъ имъ началъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднія войны онъ убѣдился, что суть дѣла остается та же, хотя, конечно, мѣры борьбы достигли еще небывалой степени совершенства, и болѣзни, бывшія прежде правиломъ, являются какъ рѣдкія исключенія даже въ большихъ госпиталяхъ; но намъ теперь интересуется только прошлое. Намъ поражаетъ, что въ то время, какъ нѣмецкіе ученые отмѣчаютъ заслуги своихъ соотечественниковъ—Henle или Semmelweiss'a, вслѣдъ за ними повторяемъ то же и мы, и о заслугахъ Пирогова говоримъ какъ-то вскользь; между тѣмъ Semmelweiss, въ силу своей спеціальности, указалъ на одинъ источникъ зараженія, именно: что настоящимъ *genius epidemicus* являются сами врачи, разносящіе родильную горячку на своемъ платьѣ и инструментахъ вмѣстѣ съ трупнымъ ядомъ, за что ему не мало и досталось отъ современниковъ *), а Пироговъ, поставленный въ болѣе широкія условія

*) Semmelweiss рассказываетъ, какъ профессора съ кафедръ и въ диссертаціяхъ доказывали нелѣпость его идеи, а администрація клиники дошла до

дѣятельности, могъ приобрести и болѣе широкій взглядъ, вывести изъ своихъ наблюденій общіе законы образованія заразныхъ очаговъ и возникновенія эпидемій. *) Изслѣдованія Пастера, начатыя въ совершенно другой области, завершили двухъ-тысячелѣтній періодъ, въ теченіе котораго надъ этимъ вопросомъ неустанно работаетъ на европейской почвѣ человѣческая мысль; онъ и его ученики уяснили основанія, почему такъ и должно было быть, и освѣтили вырабатываемыя вѣковымъ опытомъ мѣры борьбы, примѣненіе которыхъ во всей ихъ полнотѣ позволяетъ опасности, зависящей отъ скученія, довести до minimum'a какъ въ большихъ госпиталяхъ, такъ и въ большомъ городѣ и вообще при скопленіи народонаселенія. Обвинять въ настоящее время въ увлеченіи бактериологіей можно лишь въ томъ только случаѣ, если за деревьями не хотятъ видѣть лѣса; увлеченіе такъ естественно, когда послѣ столькихъ вѣковъ неустанныхъ, но бесплодныхъ исканій мысль вдругъ выбилась на просторъ; да оно и не можетъ грозить большимъ зломъ, такъ какъ контроль эксперимента безжалостенъ ко всякой теоріи, разъ она сходитъ съ твердой фактической почвы.

Значеніе смѣшанныхъ инфекцій для возникновенія цѣлыхъ эпидемій замѣчено было Н. И. Пироговымъ на основаніи клиническихъ и анатомическихъ данныхъ и является краеугольнымъ камнемъ многихъ его воззрѣній на заразные болѣзни, ихъ возникновеніе и угасаніе, на мѣры борьбы съ ними, на войну со всѣми ея бѣдствіями, какъ на главный факторъ въ дѣлѣ развитія эпидемій. Въ нашихъ историческихъ экскурсіяхъ намъ пришлось все больше и больше убѣждаться въ вѣрности взглядовъ Н. И. Пирогова, такъ блестяще подтвержденныхъ экспериментальными изслѣдованіями современной бактериологіи, вотъ почему мы и рѣшили предложить вниманію читателей собранный нами матеріалъ, надѣясь, что, быть можетъ, онъ не будетъ излишнимъ, хотя, конечно, ни по количеству собранныхъ фактовъ, ни по всесторонности разработки онъ и не можетъ идти въ какое-либо сравненіе съ трудами Нес-

того, что уничтожила даже отчеты, которыми онъ имѣлъ въ виду подтвердить свои положенія, на что и намекаетъ Fritsch въ своихъ словахъ: „Есть въ исторіи акушерства одна темная страница и на ней стоитъ имя „Semmelweiss“. Невозможно отдѣлаться отъ мощнаго вліянія его вниги!“

*) По поводу уже испытанныхъ въ Крымскую войну и забытыхъ потомъ землянокъ у Пирогова вырвались слѣдующія слова: *Почему мы такъ мало знаемъ о нашемъ прошедшемъ, такъ скоро его забываемъ и такъ легко относимся къ тому, что ожидаетъ насъ въ близкомъ будущемъ?!* (В.-вр. д. 1, 304—305).

ker'a, Hirsch'a, Haeser'a, изслѣдованія которыхъ представляютъ такую сокровищницу, изъ которой легко черпать полной рукой каждому, но съ почти тщетной надеждой чѣмъ-либо ее пополнить.

Н. И. Пироговъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свои многолѣтнія наблюденія надъ военными эпидеміями.

„Война,—это травматическая эпидемія,—сказалъ я, и это не одна только фраза, не одно сравненіе. Comparaison n'est pas raisonnement,—это я знаю. И я не сравниваю, а прямо утверждаю, что война имѣетъ всѣ свойства эпидеміи. Въ самомъ дѣлѣ, что такое повальная болѣзнь? Какія ея отличительныя свойства? Не имѣютъ ли повальные болѣзни между собою общее то, что они поражаютъ въ одно и то же время массу людей, что страданіе у всѣхъ пораженныхъ бываетъ одинаковое или весьма сходное по своимъ явленіямъ; болѣзнь протекаетъ обыкновенно чрезъ разныя фазы (стадіи, періоды) и имѣетъ извѣстный и, въ различные періоды эпидеміи, разный процентъ смертности. Какъ распространяются эпидеміи, чѣмъ заражаютъ онѣ массу людей, въ чемъ заключается носитель или медиумъ заразы, намъ, конечно, или мало, или совсѣмъ неизвестно, и потому развитіе и задержаніе эпидемической заразы отъ насъ болѣе или менѣе независимы. (Припомнимъ, что это писалось въ 1879 г.). Этимъ-то, повидимому, повальные болѣзни и отличаются рѣзко отъ войнъ.

Но самая причина войнъ, повидимому, зависящая отъ воли и произвола правительствъ, кроется гораздо глубже. Разныя миссіи націй, стремленіе ихъ на востокъ или западъ, переселеніе народовъ, соединенныя съ войнами, по временамъ появляющіеся завоеватели,—что все это такое, какъ не нѣчто произвольное, глубоко затаенное въ самой природѣ человѣческихъ обществъ?*) Периодичность же въ ходѣ эпидемій еще менѣе, въ моихъ глазахъ, отличаетъ ихъ отъ войнъ. И войны и каждая война имѣютъ такъ же, какъ и эпидеміи свои фазы и свои періоды. Если извѣстны въ исторіи какъ бы непрерывныя тридцатилѣтнія и семилѣтнія войны, то это скорѣе былъ цѣлый рядъ различныхъ, по своимъ свойствамъ, войнъ, слѣдовавшихъ одна за другою, съ большими или меньшими промежутками. Точно также, человѣческое общество не разъ подвергалось цѣлому ряду эпидемій, слѣдовавшихъ одна за другою. Но, извѣстно, что войны наносятъ гораздо болѣе убыли въ лю-

*) Выше мы старались дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, а ниже намъ придется еще разъ возвратиться къ нему.

дахъ болѣзнями, чѣмъ наружными поврежденіями; почему же я приписываю войнѣ эпитетъ *травматической эпидеміи*? Не противорѣчіе ли травматизмъ и эпидемія? Можетъ ли статья, чтобы эпидемія развивалась отъ причинъ, дѣйствующихъ механически?

„Могутъ ли скрытыя причины повальныхъ болѣзней и носители заразъ иначе дѣйствовать, какъ не на кровь и на весь организмъ?— На эти возраженія я отвѣчу, *во первыхъ*, что въ природѣ нѣтъ точныхъ и опредѣленныхъ границъ между механическими, химическими и динамическими дѣйствіями болѣзнетворныхъ причинъ и раздѣленіе болѣзней на механическія, органическія и т. под., есть одно формальное и школьное. Поэтому, я беру *травматизмъ* не въ тѣсномъ, школьномъ, смыслѣ, какъ одно только нарушеніе цѣлости тканей *клиномъ*. Въ моемъ понятіи, всякое насильственное лишеніе, сопряженное неразлучно съ войной, уже носитъ на себѣ болѣе или менѣе характеръ травматизма. Насильственно нарушаетъ сцѣпленіе и связь органическихъ частицъ не одинъ клинъ. Степень въ нарушеніи этой связи тутъ не причемъ. Ножъ, то есть клинъ, дѣлая подкожный разрѣзъ, производитъ несравненно меньшее травматическое поврежденіе, чѣмъ холодъ, отмораживающій ногу или руку. Даже такое насиліе, не имѣющее, повидимому, ничего общаго съ механическимъ дѣйствіемъ клина, какъ лишенія пищи, питья, обремененія тѣла разнаго рода тяжестими, утомленіе, въ концѣ концовъ причиняютъ тоже нарушеніе связи и цѣлости органическихъ частей. И вотъ, такой-то именно сборъ разнаго рода насильственныхъ лишеній и настоящихъ насилій, причиняемыхъ массѣ людей (войскамъ), войною, и неминуемо слѣдующихъ вмѣстѣ одно съ другимъ, я и позволяю себѣ включить въ общее понятіе о военномъ травматизмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли массы людей подвергать губительному дѣйствію оружія, не обременяя ихъ въ то же время тяжестими, не подвергая тѣло вредному и насильственному тренію, не лишая цѣлости и связи частей отъ холода, жара, голода и жажды? Кто опредѣлитъ на войнѣ, въ организмѣ раненаго, границы между разрушительнымъ дѣйствіемъ клина, сотрясеніемъ нервной системы и разстройствомъ тканей отъ предшествовавшихъ лишеній, измѣненныхъ составомъ крови и т. под.?

„Но что особенно, въ моемъ понятіи, ставитъ войну въ разрядъ повальныхъ болѣзней, это ея, почти неминуемая, слѣдствія—развитіе заразъ настоящихъ,—въ общепринятомъ смыслѣ,—эпидемій, извѣстно, — п я по крайней мѣрѣ, убѣжденъ въ томъ, что вся

кое повѣтріе можетъ сдѣлаться, при извѣстныхъ условіяхъ заразительнымъ и, даже прилипчивыхъ. Не исключая простаго насморка, самое обыкновенное повѣтріе можетъ, такъ сказать, выработать для себя среду (субстратъ) заразы, или прилипчивую матерію, которая дѣлается потомъ средствомъ къ распространенію. До сихъ поръ, не удалось еще опредѣлить границъ и различій между заразами, распространяющимися чрезъ прикосновеніе, т. е. между повальными повѣтріями и повальными контагіями. Одно, можно сказать, довольно вѣрно, что для распространенія и тѣхъ и другихъ необходимо органическое существо: растеніе, животное или человѣкъ. Внѣ органическаго міра мы не знаемъ, что такое заразы и контагіи. Во многихъ случаяхъ, самъ животный организмъ есть источникъ и разсадникъ заразъ. Это неоспоримо. — И вотъ, война сама уже по себѣ,—по моему, по крайней мѣрѣ, взгляду,—имѣющая всѣ атрибуты эпидеміи, ставитъ цѣлыя массы людей въ такія условія, которыя развиваютъ и въ самомъ организмѣ, и внѣ его, контагіи и причины заразъ и повѣтрій. И разсадникомъ къ развитію и распространенію этихъ заразъ служитъ не столько оружіе и *одиночный травматизмъ*, сколько именно *травматизмъ коллективный*, въ моемъ смыслѣ, т. е. сумма такого рода насилій и лишеній, поражающихъ *массы скученныхъ людей* въ новыхъ для нихъ мѣстностяхъ, и въ закрытыхъ, ограниченныхъ пространствахъ. Гдѣ только люди скучиваются и тѣсняются, вездѣ худая и слабая сторона человѣка,—и физическая и нравственная,—скоро проявляется и вредно дѣйствуетъ. Это, должно быть, свойство человеческого общества. Есть какая-то атмосфера, кружащая каждого человѣка, всегда готовая къ передачѣ другимъ и всей окружности худыхъ и вредныхъ свойствъ его организма. И вотъ, травматизмъ, нанесенный человѣку дѣйствіемъ оружія, всегда способный развить въ поврежденныхъ частяхъ тѣла источникъ заразы, дѣлается несравненно болѣе губительнымъ, какъ скоро атмосфера, окружающая каждого человѣка, сливается вмѣстѣ съ такою же, окружающею другаго, пораженнаго тѣмъ же травматизмомъ. Но, и въ войнахъ, также какъ въ эпидеміяхъ, нельзя опредѣлить съ вѣрностью способъ распространенія заразъ массами людей, — и эти массы заражаютъ, и черезъ окружающую ихъ атмосферу, и чрезъ весь воздухъ, и чрезъ прикосновеніе цѣлыя страны.

„Итакъ, не мудрено, что во всякой войнѣ, цифра *бользненности* растетъ по мѣрѣ продолженія войны; въ войнѣ же продолжительной превосходитъ цифру поврежденій, наносимыхъ оружіемъ; такъ

что въ такихъ войнахъ болѣе гибнетъ людей отъ болѣзней, чѣмъ отъ ранъ. Это повторяется роковымъ образомъ въ исторіи войнъ. Тридцатилѣтняя война, т. е. продолжительный рядъ болѣзней и бѣдствій этой войны, по свидѣтельству исторіи, до того уменьшило народонаселеніе Германіи, что оно только недавно возросло до прежней своей численности, т. е. стало такимъ, какимъ было въ началѣ XVII вѣка.

„Болѣзни, поражающія арміи во время войнъ, можно раздѣлить на *чисто случайныя, эндемическія, случайно эпидемическія* и, собственно, *воинскія*, т. е. неразлучныя съ каждой войной.

„*Случайныя* болѣзни: воспаленія разныхъ органовъ, ревматизмъ, сифились, сыпи, ознобленія и т. п., хотя въ общей сложности, и достигаютъ иногда значительной цифры, но не зависятъ отъ скопленія массъ, а отъ другихъ внѣшнихъ условий, какъ, напримѣръ, перемѣны температуры, времени года, недостатка теплой одежды и т. п. Только сифились составляетъ иногда исключеніе изъ этого правила,—при скопленіи войскъ въ городахъ и многочисленныхъ поселкахъ. Болѣзни эндемическія, зависящія отъ климатическихъ условий, и поражающія арміи при стоянкахъ въ нездоровой мѣстности, могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, сдѣлаться повальными, и къ этимъ условіямъ я отношу, преимущественно, скученіе войскъ въ такой мѣстности. Сюда принадлежатъ перемежающіяся лихорадки, иногда мѣстный тифъ, и мѣстные поносы и дизентеріи.

„*Къ случайно эпидемическимъ* принадлежатъ чума, холера, оспа, бленоррейное воспаленіе глазъ; начинаясь повѣтріями, эти болѣзни принимаютъ, чрезъ скопленіе массъ, заразительный и приличивый характеръ.

„*Настоящія военныя эпидеміи*, наконецъ, нерѣдко, при первомъ ихъ появленіи, обнаруживающія уже заразительное свойство, обусловливаются исключительно всею воинскою обстановкою, т. е. скопомъ различныхъ лишеній и насилій, поражающихъ скученную массу людей. Эти-то болѣзни и заразы, вмѣстѣ съ поврежденіями оружіемъ, и дѣлаютъ изъ войны настоящую травматическую эпидемію.

„Онѣ бываютъ *двухъ* родовъ: однѣ изъ нихъ представляются непосредственными слѣдствіями коллективнаго, и даже одиночнаго травматизма; *другія* поражаютъ организмы скопившихся массъ, или сами по себѣ, или же вмѣстѣ съ травматизмомъ, сообщая ему различный характеръ и видовзмѣняясь подъ вліяніемъ эндемическихъ и случайныхъ болѣзней. Къ страданіямъ *перваго* рода

относятся: септикѣмія, піѣмія, острогнойные и септическіе отеки, госпитальная гангрена, рожа, столбнякъ (который можно иногда отнести ко второй категоріи). Всѣ эти страданія, не исключая, можетъ быть, и столбняка, принимаютъ легко повальный и заразительный характеръ.

„*Ко второму* разряду болѣзней, еще легче дѣлающихся повальными или заразительными, въ военное время, принадлежатъ: поносы, дизентеріи, тифы и скорбутъ. Оба эти разряда и бываютъ всегда самыми вѣрными спутниками войны, какъ скоро она, затянувшись, и пройдя чрезъ различныя фазы, достигнетъ, наконецъ, степени полной травматической эпидеміи. Тогда не трудно отличить въ ней, какъ и во всякой другой эпидеміи, разные періоды, измѣняющіеся по особенностямъ и характеру каждой войны. Такъ, вначалѣ, при быстромъ ходѣ военныхъ дѣйствій и послѣ большихъ кровопролитныхъ битвъ, выступаетъ на сцену первый разрядъ мѣстныхъ травматическихъ страданій; за этимъ являюся травматическія заразы, потомъ слѣдуютъ болѣзни кишечнаго канала и, наконецъ, въ разгаръ и къ концу войны, по мѣрѣ истощенія силъ въ воюющихъ массахъ, начинается господство тифовъ и скорбута; между тѣмъ, усиливаются и травматическія заразы, эпидемическія болѣзни, и случайныя эпидеміи, встрѣчая все менѣе и менѣе противодѣйствія въ ослабленныхъ войною организмахъ.

„Всего губительнѣе дѣйствуютъ во время войнъ, на армію и народоселенія, *хаотическая смѣсь разныхъ повѣтрій и заразы*, въ которой не легко бываетъ найтись и самому опытному врачу.

„Лихорадочныя миазмы, гнѣздящіяся въ дунайскихъ низменностяхъ (въ Добруджѣ и окрестностяхъ ея), децимировавшія и французскія войска въ 54 году, составляютъ основу всѣхъ злокачественныхъ тифозныхъ формъ, по моимъ понятіямъ, и индійской и восточной чумы; брюшной тифъ, показавшійся прежде сынаго въ рядахъ нашей арміи, явился вмѣстѣ съ перемежающимися лихорадками и усиливался по мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ этими лихорадками, начали господствовать, отъ тѣхъ же эпидемическихъ причинъ зависящія, катарры кишекъ и дизентеріи. Эпидемія же сыпнаго тифа, вѣроятно, пощадила бы и совсѣмъ нашу задунайскую армію, если бы не распространена была эшелонами бѣдствовавшихъ плѣнныхъ турокъ. *Поносы и дизентеріи* составляютъ самый неразлучный съ войною разрядъ болѣзней; травматическая эпидемія, безъ страдавій кишечнаго канала немислима. Это доказываетъ исторія всѣхъ войнъ“.

Изъ всего сказаннаго становится понятной и главнѣйшая мѣра, на которой настаиваетъ Пироговъ: „Безпорядочное скученіе раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталѣхъ есть самое главное зло, причиняющее, впоследствии ничѣмъ непоправимыя, бѣдствія и увеличивающія безмѣрно число жертвъ войны; поэтому, главная задача полевыхъ врачей и администраторовъ должна состоять въ *предупрежденіи этого скопленія въ самомъ началѣ войны*“ *).

Тѣсная связь между войнами и эпидеміями была подмѣчена проникательными умами еще въ глубокой древности, — въ этомъ могутъ убѣдить, напримѣръ, слѣдующія строки изъ Второзаконія Моисея. И не напрасно Моисей громить проклятіями ослушниковъ заповѣдей Божіихъ — подобные набѣги на глаго народа, конечно, и возможны только въ періодъ упадка, нравственнаго и политическаго.

И наученъ былъ Моисей всей мудрости Египетской, и былъ силенъ въ словахъ и дѣлахъ (Дѣян. Апост. 7, 22). Эти слова являются свидѣтельствомъ, что человекъ, на котораго палъ выборъ быть посредникомъ между Богомъ и людьми, былъ въ то же время образованнѣйшимъ человекомъ своей эпохи. Не безъ основанія поэтому новѣйшій изслѣдователь гигиеническихъ постановленій законодательства Моисея, Dr. Nossig, опираясь на выше приведенное свидѣтельство, высказалъ въ своемъ сочиненіи: „Die Socialhygiene der Juden und des altorientalischen Völkerkreises“, слѣдующее положеніе: Die mosaische Hygiene ist der Ausdruck derselben socialhygienischen Ideen, welche dem ganzen altorientalischen Völkerkreise eigen sind; allerdings ihr reifster und rationellster Ausdruck, die Blüte der orientalischen Gesundheitsphilosophie. Moses war der erste, der die Natur des Menschen vollkommen begriff. Nach ihm hängt die Gesundheit nicht nur von den Einflüssen der äusseren Welt ab, sondern überdies von der moralischen Hygiene. Die Ideen der parasitären und infectiösen Krankheiten, sagt Dr. Guéneau de Mussy, — welche in der modernen Pathologie einen so hervorragenden Platz errungen, scheint Moses lebhaft be-

*) Вообще же причины болѣзненности армій Пироговъ подводитъ подъ слѣдующія 6 категорій:

- 1) Чисто стратегическія, т. е. зависящія отъ свойствъ самой войны (осадной, полевой, горной и т. п.).
- 2) Мѣстныя или эндемическія, зависящія отъ климата, почвы и страны, въ которой ведется война.
- 3) Случайныя, зависящія отъ особенностей войны, отъ повѣтрій и т. п.
- 4) Гигиеническія, тѣсно связанныя съ содержаніемъ арміи (свойствомъ пищи, питья, одежды и обуви).
- 5) Индивидуальныя, лежащія въ личныхъ свойствахъ солдатъ, ихъ выдержкѣ, душевномъ настроеніи и пр.
- 6) Къ шестой категоріи относятся причины, зависящія отъ свойствъ администраціи (скорбуть и пр.).

schäftigt zu haben; man kann sagen, dass sie *alle seine hygienischen Vorschriften beherrscht*. И это не пустое для васъ, говоритъ Моисей своему народу; но это жизнь ваша, и чрезъ это вы долгое время пробудете на той землѣ, въ которую вы идете (Втор. 32, 47).

Небходимо прибавить, что выводы автора Die Sozialhygiene der Juden und des altorientalischen Völkerkreises согласуются съ заключеніями большинства изслѣдователей какъ французскихъ, такъ и нѣмецкихъ (I. с. Введеніе и литературный указатель). Вліяніе же предписаній Моисея на санитарныя мѣры въ средній вѣкъ — несомнѣнно.

Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его, пошлетъ Господь на тебя моровую язву, (навѣситъ на тебя железы смерти), доколѣ не истребитъ онъ тебя съ земли, въ которую ты идешь, чтобы владѣть ею; поразитъ тебя Господь чашлостью, горячкою, лихорадкою, воспаленіемъ, засухою, палящимъ вѣтромъ и ржавчиною; и онъ будутъ преслѣдовать тебя, доколѣ не погибнешь.

Предастъ тебя Господь на пораженіе врагамъ твоимъ; однимъ путемъ выступишь противъ нихъ, а семью путями побѣдишь отъ нихъ; и будешь разсѣянъ по всѣмъ царствамъ земли и будутъ трупы твои пищею всѣмъ птицамъ небеснымъ и звѣрямъ и не будутъ отгоняющаго ихъ.

Поразитъ тебя Господь проказою (Лютеръ: желѣзами Египетскими), почечуемъ, коростою и чесоткою, отъ которыхъ ты не можешь изцѣлиться *).

Поразитъ тебя Господь сумасшествіемъ, слѣпотою и оцѣпенѣніемъ сердца **).

*) Въ переводѣ Лютера — 21 Der Herr wird dir *die Sterbedrüsen anhängen*, bis dass er dich vertilge in dem Lande, dahin du kommst dasselbe einzunehmen. 22. Der Herr wird dich schlagen mit Schwulst, Fieber, Hitze, Brunst, Dürre, giftiger Luft und Gelbsucht. 27—28 Der Herr wird dich schlagen mit *Drüsen Egyptens*, mit Feigwarzen, mit Grind und Krätze, mit Wahnsinn, Blindheit und Rassen des Herzens.

**) И сойдемъ съ ума оттого, что будутъ видѣть глаза твои. — Свѣянъ много вынесешь въ поле, а соберешь мало, потому что поѣсть ихъ саранча. — Всѣ деревья твои и плоды земли твоей погубитъ ржавчина. — Пришелець, который среди тебя, будетъ возвышаться выше и выше, а ты будешь опускаться ниже и ниже. — Пошлетъ на тебя Господь народъ издалека, отъ края земли; какъ орелъ налетитъ народъ, котораго языка ты не разумѣешь, народъ наглый, который не уважитъ старца и не пощадитъ юноши. — Господь поразитъ тебя и потомство твое необычайными язвами, язвами великими и постоянными, и болѣзнями злыми и постоянными, и наведетъ на тебя всѣ язвы египетскія, которыхъ ты боялся, и онъ прилипнутъ къ тебѣ, и всякую болѣзнь и всякую язву, ненаписанную въ книгѣ закона сего, Господь наведетъ на тебя, доколѣ не будешь истребленъ. — Говоритъ Господь: соберу на нихъ бѣдствія и истошу на нихъ

Невозможно въ болѣе живыхъ и яркихъ краскахъ изобразить паденіе народа, нравственное и политическое, и не мудрено, что Орозій, подъ вліяніемъ Моисея и воззрѣній Августина (*De civitate Dei*) задумалъ написать *Historiae adversus paganos*, какъ иллюстрацію на эту тему. Въ самомъ дѣлѣ, законы природы неумолимы и постоянны—разрушается ли цивилизація древняго Востока, или то будетъ паденіе Греціи, либо крушеніе Римской Имперіи. Замѣчательно, что послѣднимъ актомъ въ этой исторической драмѣ является чума: и привѣсьтся тебѣ железы смерти, доколѣ не погибнешь ты самъ и потомство твое.

Чрезъ всю эпоху этихъ эпидемій красною линіей проходятъ убійства и войны, грабежи и пожары; безъ преувеличенія можно сказать, что исторія этихъ временъ писана кровью, а не чернилами, и земля впитывала въ себя сукровицу, а въ воздухѣ стояли дымъ и гарь не только отъ пожаровъ, но и отъ частыхъ землетрясеній, солнце испускало кровавые лучи, а по временамъ и совѣмъ меркло, не говоря уже о кометахъ, всегда возбуждавшихъ панической суевѣрный страхъ. И это не риторическія преувеличенія, а отмѣчено очевидцами, которымъ было не до реторики. Конечно, объясненіе этихъ фактовъ различно, смотря по воззрѣніямъ различныхъ эпохъ; мы ограничимся пока указаніемъ, что большинство непосредственныхъ наблюдателей связываетъ появленіе эпидемій съ войнами, и въ особенности, несчастными *).

стрѣлы мои.—Будутъ истощены голодомъ, истреблены горячкою и лютою заразою; и пошлю на нихъ зубы звѣрей и ядь ползающихъ по землѣ, *отани будетъ убитъ ихъ мечъ, а въ домахъ ужасъ,—и юношу и дѣвцу и грудного младенца и покрытаго сѣдиною старца.*

Das sind keine Shakespeareschen Flüche, замѣчаетъ Dr Nossing, по поводу этого мѣста,—sonder exacte Voraussagungen eines Arztes. Jedes Wort kann auf die Goldwage der Wissenschaft gelegt werden und sein Gewicht wird richtig befunden werden.

*) Что мы не преувеличиваемъ и не утрируемъ, мы приведемъ здѣсь въ доказательство выдержку изъ свидѣтельства очевидца о состояніи Александріи наканунѣ такъ назыв. чумы Кипріана. Именно Евсевій, въ своей хроникѣ, приводитъ слѣдующее письмо Діонисія, епископа Александрійскаго (L. b. VI, c. 21).

«Городъ настолько опустѣлъ и обезлюдѣлъ послѣ возстанія и кроваваго подавленія его,—и сдѣлался непроходимъ, что пробраться изъ одной его части въ другую гораздо труднѣе, чѣмъ совершить путешествіе съ востока на западъ; гавань пуста, море покрыто трупами убитыхъ и утопленниковъ, какъ будто это Красное море, только что поглотившее Фараона съ его войскомъ. А Нилъ, который временами бываетъ то безводенъ, какъ зыбучіе пески пустыни, въ которой скитались Евреи, то выступаетъ изъ береговъ и заливаетъ

Пироговъ въ своей характеристикѣ бѣдствій, неизбежно связанныхъ съ каждой, въ особенности продолжительной и упорной, войной оставляетъ недоговореннымъ вопросъ о причинахъ войнъ, замѣчая лишь вскользь, что „самая причина войнъ, повидимому, зависящая отъ воли и произвола правительствъ, кроется гораздо глубже“ (см. выше). Этотъ вопросъ о *различныхъ миссіяхъ націй* поставилъ себѣ Bertillon и, воспользовавшись данными антропологии и сравнительнаго языкознанія, пришелъ къ слѣдующему выводу: *les annales de l'histoire ne sont guère que le recit de ses émigrations, de ses immigrations, de ses acclimatements*; и этотъ выводъ проливаетъ яркій свѣтъ и на исторію большихъ эпидемій. Среди этихъ иммиграцій особенно важную роль играли въ исторіи Европы племена, двигавшіяся изъ Средней Азіи.

„Въ обширныхъ необозримыхъ степяхъ и пустыняхъ Центральной Азіи, отъ границъ отдаленнаго Китая и до Ирапа, издавна кочевали съ своими стадами различныя племена, какъ монголы, киргизы и т. д.; сюда, въ эти пустыни, уже не достигаетъ регулирующая власть прилегающихъ государствъ, Китая на востокъ и Ирана на западѣ, поэтому-то степи издавна служили пріютомъ для всѣхъ, кому становилось тѣсно или тяжело у себя на родинѣ *). Въ исторіи Китая не мало примѣровъ ухода китайцевъ въ степи, гдѣ они мѣняли земледѣліе на кочевую жизнь; такимъ же путемъ выселялись въ пустыни Сиріи и Аравіи и семиты изъ Вавилоніи. Постоянныя ссоры изъ-за пастбищъ, уводъ скота, вѣчные набѣги

окрестности и дороги,— всегда загрязнены кровью и трупами и тѣлами утопленниковъ; можетъ ли быть чистымъ воздухъ, пропитанный смрадными испареніями? Испаренія, поднимающіяся съ земли, вѣтры, дующія съ моря, воздушныя теченія, приносимыя съ гавани и рѣки,—таковы, что роса оказывается ничѣмъ инымъ, какъ сукровицей труповъ, загнившихъ во всѣхъ своихъ элементахъ. И послѣ этого удивляются и недоумѣваютъ, откуда берутся непрерывныя эпидеміи, откуда злокачественныя болѣзни, откуда всяческія заразы, откуда громадный и разнообразный моръ людей, отчего въ громадномъ городѣ уже не насчитывается прежнее число жителей, начиная съ ибнѣжнаго возраста и до глубокой старости? И какъ въ виду всеобщаго уменьшенія человѣческаго рода не вызываетъ страха фактъ, что повсемѣстное обезлюденіе все увеличивается и дѣлаетъ подобные успѣхи!“ Ср. Sracastoro, l. c. Libl, XIII, Designis contagionum.

И то же самое, по свидѣтельству *Scriptores Historiae Augustae*, происходило повсюду, во всей Римской Имперіи—и нашествіе варваровъ, и постоянныя возстанія, и гоненія христіанъ, и политическія неурядицы, на ряду съ частыми землетрясеніями, голодомъ, и пр.

*) Характеристика эта принадлежитъ Березину, см. Кочевники срединной Азіи, Научное Обзорніе, 1894 г., № 17.

и грабежи сосѣдей превращаютъ кочевниковъ въ народъ, стоящій постоянно подь оружіемъ. На территоріи, занятой ими, мира почти не бываетъ. Война ихъ обычное занятіе. Такимъ образомъ, то состояніе, на которое осѣдлое населеніе смотритъ всегда какъ на временное зло, нарушающее правильный ходъ и развитіе его жизни, является для кочевниковъ нормальнымъ и дѣлаетъ ихъ грозой для прилегающихъ государствъ, постоянно страдающихъ отъ ихъ набѣговъ и грабежей и увода плѣнныхъ. Движеніе кочеваго народа вызываетъ всегда значительныя пертурбаціи. Вокругъ умѣлаго и храбраго вождя быстро, почти мгновенно, группируются племена, образуя страшныя орды, которыя со смертью его почти также быстро разсыпаются на новыя части, и на смѣну и за счетъ одного могущества возникаетъ другое. Благодаря этому и получается картина, точно внезапно, изъ ничего, возникаетъ новый народъ; существовавшій нѣкоторое время, онъ исчезаетъ, и на смѣну его поднимается новый, и каждый изъ нихъ разноситъ пламя войны и разрушенія въ тѣ страны и государства, которыя имѣли несчастія лежать на пути ихъ мятущагося движенія. Гунны, авары, уйгуры, кидане, печенѣги, половцы, татары, монголы, турки—вотъ длинная цѣль ихъ *). Въ условіи создаваемаго ихъ быта кочевники быстро клонятся къ упадку, какъ это доказываютъ судьбы основанныхъ ими въ Европѣ, въ Африкѣ и Азіи государствъ. Очевидно, въ характерѣ этихъ рожденныхъ среди постоянного движенія народовъ, недостаетъ той прочности и устойчивости, которая вырабатывается у народовъ осѣдлыхъ и одна только позволяетъ культурной и умственной работѣ прошлыхъ поколѣній передаваться безъ значительныхъ утратъ послѣдующимъ поколѣніямъ и, увеличиваясь въ объемѣ, способствовать тѣмъ счастью и благоденствію человѣчества“.

Борьба съ кочевниками для сосѣднихъ государствъ получаетъ естественно значеніе вопроса: *быть или не быть*, не даромъ эпическія сказанія Ирана полны разсказами о его вѣчной борьбѣ съ Тураномъ,—и передъ грозой надвигающихся ордъ смолкаютъ всѣ споры и распри. Плодородныя земли цвѣтущихъ государствъ, какія были нѣкогда въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, превращаются въ безплодныя и безводныя пустыни, а движеніе кочевыхъ ордъ въ

*) Легко замѣтить, что только тѣ племена разносили чуму и пр., которыя двигались чрезъ Сирію; тѣ же, которыя проходили сѣвернымъ песчанымъ и залитымъ солнцемъ побережьемъ Каспійскаго моря, между нимъ и Ураломъ, особенныхъ эпидемическихъ болѣзней не заносили напр. Татары.

XIII и XIV вѣкѣ, положившее конецъ существованію Византіи, дало въ результатѣ, согласно описанію Prosper Alpinus'a, чумное гнѣздо, отравлявшее въ XIV—XVIII в. всю Европу. Радикальная, съ надеждой за успѣхъ борьба съ чумой и холерой лежитъ не столько въ практиковавшейся прежде карантинной системѣ, — когда старались часто скучивать массы людей въ ограниченныхъ помѣщеніяхъ, создавая такимъ образомъ *искусственно* очаги заразы и парализуя тѣмъ самую пользу ея, которая вслѣдствіе этого являлась спорною,—сколько въ мирной цивилизаціи этихъ окраинъ; но если можетъ осуществиться мысль, которую Ропаръ называетъ „далекою мечтою гигиенистовъ“, мысль объ истребленіи, въ самой Азіи тѣхъ громаднхъ очаговъ, въ которыхъ зарождаются самыя миазмы этихъ губительныхъ болѣзней, опустошающихъ потомъ Европу, то нужно признать, что въ осуществленіи этой мечты не малая доля участія выпадаетъ и на долю Россіи, самое географическое положеніе которой возложило на нее историческую задачу—колонизацію срединной Азіи*),—La migration est une fonction de l'humanité **).

Подведемъ итоги нашимъ изысканіямъ. Мы должны допустить, что повальныя болѣзни такъ же древни, какъ и человѣческій родъ,—по крайней мѣрѣ, уже древнѣйшіе писанные памятники свидѣлствуютъ о томъ; точно также всегда всякая моровая язва считалась явленіемъ, насильственно сокращающимъ человѣческую жизнь, и приписывалась поэтому то мести разгнѣванныхъ боговъ, то вражескимъ кознямъ, напримѣръ, отравленію колодець, то чарамъ злыхъ духовъ, или гнѣву Божию и т. д. Напр., во время Аѳинской чумы Аѳиняне думали, что Лакедемоняне отравили воду

*) Проф. Гр. Л. Комаровскій, О международныхъ мѣрахъ борьбы съ эпидеміями. Рѣчь и Отчетъ Москов. Унив. 1893 г. Эта рѣчь, какъ и статья Kochard'a, является нагляднымъ отраженіемъ, къ чему въ настоящее время направлены стремленія гигиенистовъ и усилія правительствъ, — въ международныхъ мѣрахъ борьбы съ эпидеміями.

Фриманъ, Методы изученія исторіи.

Kochard, La conférence de Venise. Revue des deux Mondes, 1892 г. 1 Sept. Даниловъ, Къ характеристикѣ антропологическихъ и физиологическихъ чертъ современнаго населенія Персіи, 1894. диссер.

А. Лавранъ, Ученіе о войсковыхъ болѣзняхъ и эпидеміяхъ, пер Манасеипой, 1877.

Н. Дингельштедтъ. Опытъ ирригаціи Туркестанскаго края.

**) M. Lévy, l. c., 517.

Подробности см. въ Исторической Географіи Фримана, стр. 357 и 390, гдѣ онъ дѣлаетъ сравнительную характеристику колониальныхъ владѣній Европейскихъ Государствъ.

въ колодцахъ Пирея, и отсюда и пошла зараза; Прокопій рассказываетъ о томъ, какъ многіе видѣли привидѣнія и демоновъ во время чумы Юстиніана; въ средніе вѣка передъ трибуналомъ инквизиціи происходили формальные процессы противъ сѣятелей чумы—евреевъ, вѣдьмъ и т. п. Народъ, видя внезапное заболѣваніе за разъ многихъ крѣпкихъ и здоровыхъ людей, при явленіяхъ, схожихъ съ припадками отравленія, видѣлъ и причину появленія эпидемій въ отравѣ, и согласно состоянію знаній соотвѣтствующей эпохи—искалъ виновниковъ, и въ этихъ поискахъ то проявлялъ смиреніе передъ волей Божіей, то обнаруживалъ самыя дурныя инстинкты своей природы, обращаясь въ разъяреннаго звѣря, терзающаго свою жертву—мнимыхъ сѣятелей заразы *).

Критическая разработка вопроса началась только съ того момента, когда врачи перестали уклоняться отъ изученія эпидемій и ихъ причинъ—вопроса, который до сихъ поръ предоставлялся вниманію и любознательности лѣтописцевъ и административныхъ властей, и только когда наконецъ, врачи перестали чуждаться и поняли его важность, туманъ, скрывавшій отъ насъ источники заразы, мало-по-малу разсѣялся, и мы можемъ питать въ настоящее время надежду, что эти изслѣдованія не только раскроютъ намъ причины появленія эпидемій, но дадутъ намъ, наконецъ, и могущественныя средства для борьбы съ ними.

Мы уже упомянули, что первый, кто правильно сформулировалъ вопросъ и поставилъ его на вѣрную, научную почву, былъ Fracastoro, одинъ изъ представителей эпохи Возрожденія; первый, кто его идеи примѣнилъ къ дѣлу, былъ врачъ Ranchin, канцлеръ университета и первый консулъ въ Montpellier во время чумы, посѣтившей этотъ городъ въ 1629—30 гг.; выработанный имъ планъ борьбы съ чумой былъ принятъ затѣмъ и всѣми правительствами Европы**).

Экспериментальный методъ, доказавшій съ очевидностью существованіе заразныхъ началъ, выработанъ лишь въ самое послѣднее время. Чѣмъ же руководствовались врачи въ своемъ признаніи существованія *seminaria contagionum* и на какія данныя опирались они, несмотря на массу возраженій, поднимавшихся съ различныхъ сторонъ? Выше мы старались уже отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ

*) См. многія статьи въ соч. Литтре. Медицина и медики; рус. пер. 1872 г. Спб.

**) См. Rapon, La peste. T. II, и Traité par dr Manget.

Гиршъ говоритъ объ изслѣдованіи Rapon, что оно страдаетъ отсутствіемъ критики; но, какъ собраніе матеріаловъ и документовъ, работа Rapon имѣетъ свои достоинства.

самое послѣднее время извѣстный бактериологъ и гигиенистъ, проф. Flügge, по поводу дифтерита дѣлаетъ оцѣнку прежнимъ и современнымъ методамъ изслѣдованія эпидемическихъ болѣзней, и мы съ удовольствіемъ должны отмѣтить, что наши выводы въ существенныхъ чертахъ сходятся съ его взглядами, изложенными въ *Zeitschrift für Hygiene*, 1894 г. (юльская книжка *).

„Еще до самаго послѣдняго времени всѣ наши знанія о распространеніи дифтерита основывались исключительно на наблюденіяхъ врачей и на эпидемиологическихъ данныхъ. Отъ первыхъ мы узнали, что болѣзнь непосредственно передается лицамъ, пребывающимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ больныхъ и приходящихъ съ ними въ частое соприкосновеніе. Далѣе, изъ нѣкоторыхъ, особенно яркихъ случаевъ, мы кое-что узнали и объ инкубаціонномъ періодѣ, т. е. о времени, протекающемъ отъ момента зараженія до взрыва самой болѣзни. Сравнительно меньше дали намъ эпидемиологическія изслѣдованія: полученные этимъ путемъ выводы оказывались противорѣчивыми и шаткими. Стоило не мало трудовъ добыть, въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ, надежный статистическій матеріалъ о заболѣваніяхъ дифтеритомъ или о смертности отъ дифтерита и затѣмъ распредѣлить его такъ, чтобы было возможно сравнивать естественныя колебанія въ способѣ распространенія болѣзни съ различными факторами, могущими оказывать на нее извѣстное вліяніе **).

„Несмотря, однако, на всѣ эти трудности, отмѣченныя самими статистиками, эпидемиологическія наблюденія шли своимъ порядкомъ, потому что въ то время, о которомъ здѣсь говорится, иныхъ способовъ къ уясненію хода дифтерита не существовало. Это положеніе дѣла существенно измѣнилось съ открытіемъ дифтеритной палочки *Leffferum*. Знакомство съ биологическими свойствами этой палочки дало намъ въ руки путеводную нить для изученія путей распространенія дифтерита. Мыслимо, конечно, такое возраженіе, что естественный способъ распространенія болѣзни, и въ особенности ея появленія въ видѣ эпидеміи, можетъ быть, находится въ зависимости отъ факторовъ, которые совершенно чужды лабораторнымъ опытамъ. И разъ эпидемиологическимъ изслѣдованіемъ будутъ открыты такія особенности въ распространеніи этой болѣзни

*) Статья эта подробно реферирована въ Вѣстникъ Обществ. Гигіены, за 1894 г., (сентябрь); мы приводимъ цитату по этому реферату.

**) Сравни статью въ *Archiv für Kinderheilkunde*, Dr. Paul Philipp, Zur Aetiologie und Statistik der Diphtherie, 1893 г. XVI, II. III—VI, стр. 301.

которые не могут быть приведены въ гармонію съ біологическими свойствами бациллы, то ничего другого не останется, какъ признать несостоятельность лабораторныхъ опытовъ и отвести главенствующее мѣсто результатамъ эпидемиологическаго изслѣдованія. Но, съ другой стороны, не надо забывать, что эпидемиологическая статистика всегда богата ошибками, устранить которыя едва ли когда-либо удастся вполне и которыя уже много разъ приводили къ ложнымъ выводамъ; тогда какъ лабораторные опыты стоятъ на болѣе прочной почвѣ, болѣе доступны провѣркѣ и толкованію. На этомъ основаніи авторъ считаетъ, въ общемъ, болѣе производительнымъ принять за исходную точку лабораторные опыты и, выработавъ изъ нихъ опредѣленные представленія о способѣ распространенія дифтерита, затѣмъ уже сравнивать съ ними результаты эпидемиологическихъ изслѣдованій. Если бы оказалось, что послѣдними обнаружены такія особенности въ способѣ распространенія дифтерита, которыя непримиримы со свойствами возбудителя, то въ такомъ случаѣ надо будетъ подвергнуть болѣе обстоятельной провѣркѣ доказательность эпидемиологическихъ данныхъ, столь легко доступныхъ ошибочнымъ толкованіямъ. Весьма можетъ статься, что такая критика, предпринятая съ опредѣленной точки зрѣнія или, правильнѣе говоря, руководимая болѣе вѣрнымъ методомъ, приведетъ къ результатамъ, которые будутъ лучше согласоваться съ лабораторными изслѣдованіями. Тогда, наконецъ, намъ не будетъ надобности прибѣгать къ таинственнымъ X, Y или Z, будто бы участвующимъ при *естественномъ*, но не участвующимъ при *экспериментальномъ* распространеніи заразныхъ началъ и способнымъ вновь окутать туманомъ только что разъяснившіеся пути“.

Изъ приведенныхъ строкъ ясно, что выставленное Эстерленомъ требованіе, чтобы статистика въ своихъ заключеніяхъ о факторахъ, принимающихъ участіе въ повальныхъ болѣзняхъ, опиралась на опытные данныя, полученныя лабораторнымъ путемъ, но никакъ не наоборотъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ эпидемиологовъ *), — энергично поддерживается и проф. Flügge, на основаніи его изслѣдованій о распространеніи дифтерита. Но выше мы видѣли, что Эстерленъ, тѣмъ не менѣе, все-таки считалъ статистику единственнымъ методомъ, могущимъ дать сколько нибудь цѣнные результаты; взглядъ этотъ опирался, во первыхъ, на томъ убѣжденіи, что Эстерленъ не допускалъ возможности, чтобы эпидемическія болѣзни

*) Ср. выше.

когда-либо сдѣлались доступны прямому опытному изученію, а, во вторыхъ, взгляды клиницистовъ о существованіи заразныхъ началъ, обуславливающихъ ту или иную болѣзнь, онъ считалъ основанными также на неправильныхъ методахъ изслѣдованія. Свои возраженія по этому вопросу онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ, при нѣкоторомъ предубѣжденіи въ пользу зараженія и вѣрѣ въ него, можно думать о немъ тамъ, гдѣ въ дѣйствительности его нѣтъ, такъ въ особенности, если заболѣванія повторяются въ одной семьѣ или учрежденіи, среди родныхъ, гостей, прислуги и т. д. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи эти случаи оказываются, наоборотъ, не правиломъ, какъ бы то должно было ожидать, а, напротивъ, рѣдкими исключеніями; какъ разъ, наоборотъ, во время эпидемій большинство заболѣваетъ при обстоятельствахъ, при которыхъ нельзя доказать или даже предположить подобнаго рода сношеній или передачи заразы. Если сопоставить рѣдкіе положительные случаи съ массою отрицательныхъ, когда зараженіе не произошло, несмотря на прикосновеніе къ зараженнымъ людямъ, или гдѣ зараженіе необъяснимо, если только не прибѣгать къ самымъ смѣлымъ и невѣроятнымъ гипотезамъ, то принципы здравой логики подвергаютъ сильнѣйшему сомнѣнію всѣ доводы контагионистовъ. Но контагионисты рассуждаютъ иначе: — нѣтъ; уже одинъ единичный положительный случай доказываетъ больше, нежели сотня отрицательныхъ. Но въ томъ-то и дѣло, что эти положительные случаи, не говоря уже о томъ, что они являются какъ крайне рѣдкія исключенія, кажутся положительными только въ глазахъ предубѣжденныхъ, и не выдерживаютъ строгой и здравой критики. Quod volumus, libenter credimus; изъ массы всякихъ другихъ причинъ, которыми болѣе естественно объясняется заболѣваніе, они указываютъ только на излюбленный ими фактъ, хотя бы въ пользу его и не могли привести никакихъ другихъ основаній, кромѣ столь часто употребляемаго *post hoc ergo propter hoc* *).

Конечно, нѣкоторыя инфекціонныя болѣзни, которыя производятъ несомнѣнно заразную матерію, по временамъ вспыхиваютъ въ видѣ эпидемій, напр., оспа, дифтеритъ, чума рогатаго скота. Однако и для этихъ болѣзней названіе ихъ инфекціонными или заразными имѣетъ за собой лишь то одно основаніе, что

*) L. с., стр. 126—145.

известные продукты больных, при опытах заражения, оказываются несомненно заразительными, т. е. сообщают болѣзнь другимъ; но дѣйствительно ли таковъ ходъ вещей и при появлении эпидемій, т. е. дѣйствительно ли зараженіе здоровыхъ отдѣленіями больныхъ играетъ положительную и выдающуюся роль, это далеко еще не доказано. Во всякомъ случаѣ на это нѣтъ никакихъ положительныхъ доказательствъ, какъ и при другихъ эпидеміяхъ. Вѣдь то обстоятельство, что нѣкоторые заболѣваютъ послѣ прикосновенія къ больному, къ его вещамъ, такъ же мало указываетъ на ихъ зараженіе, какъ и во всѣхъ другихъ аналогичныхъ случаяхъ. (Стр. 144).

Но какіе же мотивы заставляли Эстерлена высказываться такъ рѣшительно противъ зараженія даже при такихъ болѣзняхъ какъ оспа? Отвѣтъ таковъ. „И въ этомъ вопросѣ, какъ и всюду, дѣло понимающаго человѣка ограничивается въ своихъ объясненіяхъ и доказательствахъ тою степенью точности, какая въ данное время возможна. Во всѣхъ вопросахъ, которые онъ вынужденъ отложить въ сторону, онъ долженъ утѣшиться мыслью, что всегда гораздо лучше совѣмъ не стараться чего-либо объяснить, чѣмъ прибѣгать къ химерическимъ и, можетъ быть, даже совершенно ложнымъ объясненіямъ, и что при всякомъ изслѣдованіи природы одно изъ первыхъ разумныхъ правилъ: лучше до поры до времени кое-чего совѣмъ не стараться узнать или объяснять. И мы признаемъ это неизвѣстное, но остерегаемся разрѣшать это неизвѣстное поспѣшно, прибѣгая къ неосновательнымъ гипотезамъ, напр., съ помощью мнимыхъ ядовъ или пустыхъ словъ. Ибо какъ только мы заходимъ слишкомъ далеко, мы только запутываемъ и усложняемъ себѣ свою задачу. Именно наша исторія показываетъ, какъ легко каждый подобный опытъ, вмѣсто того, чтобы ускорить рѣшеніе нашихъ загадокъ, ведетъ къ путаницѣ и вѣчнымъ ошибкамъ и разочарованіямъ. Мы понимаемъ поэтому, почему болѣе дальновидные люди оказываются далеко не большими любителями такихъ теорій, и еще менѣе склонны сами пускаться на фантастическіе поиски послѣднихъ причинъ:

*Est quoddam prodire tenus si non datur ultra *)*“

Если мы будемъ имѣть такимъ образомъ въ виду все сказанное и обратимъ вниманіе на полное отсутствіе до самаго послѣдняго времени установившихся взглядовъ какъ на самый предметъ

*) Стр. 224.

изслѣдованія, такъ и на способы и орудія изслѣдованія и доказательства, то мы не будемъ поражены, если относительно каждаго спорнаго вопроса мы встрѣчаемъ полное разногласіе во взглядахъ и вмѣсто строгаго логическаго веденія доказательствъ — преобладаніе субъективности, вмѣсто спокойнаго изложенія фактовъ — страстный, не стѣсняющійся выраженіями, полемическій тонъ. Становится также понятнымъ, почему въ теченіе трехъ столѣтій, прошедшихъ со времени обнаруженія сочиненія Fracastoro, до самаго послѣдняго времени не было сдѣлано никакихъ серьезныхъ научныхъ открытій, и вопросы, поднятые и сформулированные Fracastoro, остались почти въ той же формѣ, какую имъ далъ авторъ книгъ „*De contagionibus et contagiosis morbis*“. И въ виду запутанности вопроса мы не можемъ не удивляться тому умѣнью, съ которымъ П. И. Пироговъ могъ разобраться въ лабиринтѣ и пестрой смѣси истины и заблужденій. Несомненно, что и въ этомъ, какъ и вообще въ запутанныхъ вопросахъ патологии, онъ руководствовался тѣмъ, что называетъ „объективными и логическими признаками“ *). Мы рассмотрѣли, такимъ образомъ, часть тѣхъ вопросовъ, съ которыми приходится имѣть дѣло въ исторіи эпидемій; сдѣлать это намъ казалось необходимымъ въ особенности потому, что фактическій матеріалъ крайне отрывоченъ и правильное пониманіе его обуславливается той точкой зрѣнія, съ какой мы будемъ его разсматривать.

Заклучимъ нашъ настоящій опытъ слѣдующими словами Гиббона. „Въ то время (IV в. по Р. Х.) было въ модѣ приписывать всякое замѣчательное событіе личной волѣ Божества; происходившія въ природѣ перемѣны связывались невидимой цѣпью съ нравственными и метафизическими понятіями людей, и самые прозорливые богословы были способны, сообразно съ характеромъ своихъ предразсудковъ, различать, не произошло-ли землетрясеніе отъ появленія какой нибудь ереси, и не было-ли наводненіе неизбѣжнымъ послѣдствіемъ размноженія грѣховъ и заблужденій. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе основательности этихъ возвышенныхъ умозрѣній, историкъ можетъ ограничиться замѣчаніемъ, которое, по-видимому, оправдывается опытомъ, — что люди имѣютъ болѣе основанія опасаться страстей своихъ ближнихъ, чѣмъ сотрясеній, происходящихъ въ природѣ. Пагубныя послѣдствія землетрясенія или наводненія, урагана или изверженія вулкана, очень ничтожны

*) „Я не понимаю, почему считаютъ логику и органическія измѣненія менѣе надежными, чѣмъ зодъ“. Пироговъ, Начала, I, стр. 191.

въ сравненіи съ обыкновенными бѣдствіями войны. Но въ наше время и законы и нравы охраняютъ жизнь и свободу побѣжденнаго солдата, и мирные граждане рѣдко имѣютъ поводъ жаловаться на то, что ихъ личность или даже имущество что либо терпѣли отъ войны. А въ бѣдственный періодъ упадка Римской имперіи, и благосостояніе и жизнь каждаго гражданина подвергались опасности, и плоды искусствъ и усилій цѣлаго ряда вѣковъ были стерты съ лица земли грубою рукою скиѣскихъ и германскихъ варваровъ“.

Это одна сторона дѣла; на другую указываетъ Н. И. Пироговъ:—война есть, въ точномъ смыслѣ слова, искусственно вызываемая самими людьми эпидемія, и скопленіе раненыхъ и больныхъ, ихъ повязки, одежда и бѣлье, а не гниющія массы органическихъ отбросовъ, растительныхъ и животныхъ, являются той средой, въ которой находятъ себѣ удобную почву, развиваются и сохраняются заразные начала; когда же роковой ходъ событій приводитъ къ войнѣ, то поначалу объ участи тѣхъ, кто раньше назывался *момомъ*, есть не только дѣло состраданія, но рѣшаетъ вопросъ о цѣлости не однѣхъ армій, но и мирнаго населенія цѣлыхъ странъ. Кромѣ приведенныхъ выше доводовъ въ пользу этой мысли, укажемъ еще, что и появленіе дифтерита на югѣ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, отмѣчено вскорѣ послѣ крымской кампаніи *). И мы должны еще разъ подчеркнуть, что Пироговъ высказалъ свои положенія, столь блистательно подтверждаемые съ разныхъ сторонъ **), еще въ то время, когда, по его словамъ, „госпитальные миазмы пока ждали своего Пастёра“; и изслѣдованія Пастёра въ 1880 г. надъ такъ называемой куриной холерой окончательно установили фактъ усиленія и ослабленія патогенныхъ свойствъ микро-организмовъ, и дали въ результатъ новый методъ иммунизировать животныхъ помощью предохранительныхъ прививокъ ослабленной вакцины. А въ 1871 г., когда рожа не покидала и новыхъ, вентилируемыхъ, барачковъ, Вирховъ продолжалъ настаивать, что не всякая рожа есть слѣдствіе зараженія, но, какъ и дифтерита или цуэрпериальныхъ заболѣваній, появляется часто и „произвольно“,—но что зло не въ величинѣ и размѣрахъ госпиталя, а только въ порчѣ воздуха или же—въ простуживаніи больныхъ (I. с. II. 21; 78—82).

*) См. проф. Филатова, Къ эпидемиологіи дифтерита на югѣ Россіи, Библиотека Врача, 1894 г., № 9.

**) Ср. также Victor Wagner, Асептика въ полевой хирургіи, *ibid.*, № 2.

II.

Приступая къ болѣе детальному изложенію древнихъ эпидемій намъ кажется, что мы можемъ быть болѣе кратки; какъ потому, что подробности достаточно извѣстны изъ классическихъ трудовъ Hecker, Haeser и Hirsch'a, такъ и потому, что главнѣйшій интересъ древнихъ эпидемій мы видимъ въ томъ, что изъ сопоставленія ихъ одной съ другой вѣрнѣе можно выяснитъ ихъ значеніе въ исторіи: эпоха, которую онѣ обнимаютъ, очень обширна, народы страдавшія отъ нихъ, сошли со сцены и потому судить о значеніи эпидемій можно болѣе безпристрастно. Какъ мы уже замѣтили во введеніи, мы должны начать съ аѣинской чумы.

Древнему классическому міру были еще мало извѣстны эпидемическія болѣзни, когда обитателямъ Аттики во время Пелопоннесской войны въ 430 г. до Р. X. пришлось испытать всѣ тяжести такъ называемой чумы Фукидида, который оставилъ намъ въ своей Исторіи Пелопоннесской войны очень точное ея описаніе. Какъ сильно было произведенное этой чумой впечатлѣніе, можно судить уже потому, что древніе врачи воспользовались ею для апофеоза Гипократа, будто бы прекратившаго моръ тѣмъ, что далъ совѣтъ обратившимся къ нему Аѣинянамъ жечь на улицахъ костры изъ благовонныхъ деревьевъ. Если костры и не помогли Аѣинянамъ, такъ какъ совѣтъ придуманъ былъ слишкомъ поздно и, вѣроятно, появился въ біографіи Гипократа около начала нашей эры, но обаяніе имени Гипократа было такъ сильно, что когда въ XIV—XVIII вѣкѣ, во время чумы, костры эти разводили дѣйствительно, то считали долгомъ сослаться на эту мнимую рекомендацію Гипократа. Изъ описанія Фукидида ясно, что основаніемъ легенды послужили, вѣроятно, погребальные костры,

которые, однако, не остановили „чумы“. Кроме того, оставленное Фукидидомъ описание явилось образцомъ, слѣдуя которому, историки, какъ Ливій, рисовали картину повальныхъ болѣзней (*pestilentia*), философы, какъ Lucretius въ своей поэмѣ *De rerum natura*—о природѣ вещей, повторяетъ опять описание афинской чумы и даетъ объясненіе о причинахъ и условіяхъ появленія эпидемій и тѣмъ даетъ Fracastoro толчекъ въ XVI вѣкѣ, въ 1546 году, создать свою теорію контагіозныхъ болѣзней—теорію, ученіе которой о *seminalia contagionum* развито и доказано фактически современными намъ учеными, какъ Pasteur.

Наконецъ, въ недавнее сравнительно время эпидемиографы потратили не мало остроумія, чтобы діагностировать родъ эпидеміи описанный Фукидидомъ, есть ли это дѣйствительно чума, или то была оспа, сыпной или брюшной тифъ и пр. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ насъ коснуться прежде всего афинской чумы V вѣка до Р. X. Фукидидова чума и съ другой точки зрѣнія представляетъ глубокий интересъ. Нѣкоторые эпидемиологи считаютъ почти аксіомой, что культурное развитіе народа представляетъ самый надежный оплотъ противъ всякихъ эпидемій. И что же? V вѣка до Р. X. былъ самый славный вѣкъ греческой исторіи. И какъ разъ въ это время, во время войны Аѳинянъ съ Пелопонезцами, на второмъ году войны осажденные Аѳины впервые знакомятся съ ужасной повальной болѣзью. V вѣка до Р. X., вѣкъ Перикла, и VI вѣкъ по Р. X., когда почти вся Европа лежала въ развалинахъ, опустошенная варварами, что можетъ быть общаго? И тѣмъ не менѣе и тамъ, и здѣсь эпидемія, обошедшая почти весь извѣстный міръ.

Но если, съ одной стороны, V вѣка до Р. X. есть несомнѣнно вѣкъ наибольшаго разцвѣта сердца древней Греціи—Аттики, то также вѣрно, что свободныя греческія колоніи въ Азіи подпадаютъ подъ иго персовъ, варваровъ въ глазахъ Эллиновъ, а Египетская цивилизація гибнетъ, сдѣлавшись персидской провинціей, вспыхиваетъ чума, поражающая и Аѳины, и азіатскія побережья средиземнаго моря, и Персію. Если смотрѣть съ этой точки зрѣнія, то оказывается полная аналогія между V вѣкомъ до Р. X. и эпохою персидскихъ завоеваній, и V вѣкомъ послѣ Р. X., когда на Римскую имперію напали Аттилла съ Гуннами, Готы и пр. Эта аналогія, проводимая Фриманомъ, подтверждается и ходомъ эпидемій. Какъ затѣмъ Александръ Македонскій покоряетъ и эллинизируетъ варварскія страны и тѣмъ дѣлаетъ невоз-

можными новыя вспышки эпидемій, такъ и послѣ Юстиніановой чумы завоеванія арабовъ, вызывая къ новой жизни заглохшую было греческую цивилизацію, дѣлаютъ даже варварскую Европу свободной отъ повторенія чумы, до тѣхъ поръ турки не прошли съ огнемъ и мечомъ по бывшимъ владѣніямъ Македонской монархіи. Такимъ образомъ не столько состояніе цивилизаціи въ самой Европѣ ограждаетъ послѣднюю отъ вспышекъ эпидемій, подобной чумѣ, сколько характеръ и развитіе культуры въ странахъ Азіи и Африки, на берегахъ Инда и Нила. Завоеванія Александра Македонскаго, сарацинъ и въ новѣйшее время французовъ и англичанъ (въ Египтѣ) совпадаетъ съ прекращеніемъ повальныхъ эпидемій чумы въ Европѣ; но занятіе англичанами Индіи влечетъ за собой появленіе холеры на Европейскомъ материкѣ.

Фукидидово описаніе чумы есть первое точное описаніе и, какъ мы уже упомянули, заслуживаетъ вниманія по многимъ причинамъ. Поэтому мы рѣшились, вмѣсто всякаго изложенія, дать во введеніи по возможности точный его переводъ, стараясь передать не только содержаніе, но удержать, насколько то было въ нашихъ силахъ, и форму, и характеръ изложенія.

Вопросъ о діагностикѣ афинской чумы дебатировался неоднократно, поэтому мы не будемъ поднимать его вновь; нельзя лишь не согласиться Hirsch'emъ, что это не была бубонная чума.

Что же за причина вызвала афинскую чуму, поразивъ народъ въ эпоху его полнаго политическаго и умственнаго развитія?

Лаверанъ причиною чумы считаетъ пелопонезскую войну, ибо чума Фукидида опустошаетъ Аѳины во время пелопонезской войны. Но вотъ что замѣчаетъ на это Littré, компетентный изслѣдователь греческой медицины временъ Гиппократы: „сильно ошибаются, когда думаютъ, что зараза эта ограничилась исключительно столицей Аттики и была причинена скученіемъ населенія, которое искало тамъ убѣжища отъ вторженія лакедемонскихъ войскъ. Этотъ бичъ пришелъ съ востока. Фукидидъ говоритъ, что чума, выйдя изъ Эѳіопіи, прошла Египетъ и Персію; письма Гиппократы, хотя и считаются подложными, тѣмъ не менѣе свидѣлствуютъ объ опустошеніяхъ, которыя нанесла чума въ остальной Греціи, и историки замѣтили появленіе ея въ войскахъ, которыя въ то время были заняты осадой нѣкоторыхъ городовъ въ Оракіи. Если невозможно прослѣдить ее въ Италиі или въ Галліи, то единственно потому, что въ такую отдаленную эпоху, какъ

пелопонезская война, на западъ и всюду, за исключеніемъ Греціи, не было писателей“ *).

Но на вопросъ, какая же причина породила эту пандемію, Литтре отвѣчаетъ только слѣдующимъ сравненіемъ. „Порой приходится видѣть, какъ почва внезапно колеблется подъ мирными и счастливыми городами, и зданія рушатся на головы жителей; также внезапно и смертельная зараза, выходя изъ неизвѣстной глубины, своимъ губительнымъ дуновеніемъ положить человѣчскія поколѣнія, какъ колосья въ бороздахъ. Причины неизвѣстны, дѣйствіе ужасно, распространеніе неизмѣримо. Народы, среди глухой и слѣпой работы своего развитія, походятъ на чернорабочихъ, слѣдующихъ за жилою, которую они должны разрабатывать, при чемъ они открываютъ путь потокамъ подземной воды, которыя ихъ самихъ топятъ, подаютъ выходъ мѣфитическимъ газамъ, которые ихъ же самихъ задушаютъ или сжигаютъ, то, наконецъ, обуславливаютъ обвалы почвы, которые и хоронятъ ихъ среди своихъ обломковъ“. Это сравненіе, замѣчаетъ Лаверанъ, можетъ быть названо скорѣе прекраснымъ, чѣмъ вѣрнымъ; почти всѣ повальные болѣзни, которыя каждая въ свою очередь опустошали міръ, были первоначально локализованными и стали обобщенными вслѣдствіе занесенія. Тѣмъ не менѣе, это замѣчаніе Лаверана не отвѣтъ на вопросъ, почему же вдругъ появился этотъ очагъ, откуда стала разноситься зараза, которой раньше не было?

Попробуемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, опираясь на историческія аналогіи.

Вспомнимъ, что Греція только что перенесла эпоху порсидскихъ войнъ. Греки вышли побѣдителями изъ этой борьбы съ плчищами варваровъ. Уже во время похода въ войскахъ обнаружались болѣзни; что должно было произойти во время неудержимаго беспорядочнаго бѣгства объятыхъ паническимъ ужасомъ войскъ, легко себѣ представить, зная, что происходитъ въ такихъ случаяхъ, когда спорадическія заболѣванія быстро обобщаются и эпидемизируются во время хаоса и нравственнаго и патологическаго; попадая же въ очаги, особенно воспримчивые ко всякимъ заразамъ, какими всегда были Египетъ, Сирія и Месопотамія, занесенная войсками зараза и дала ту чуму, которая затѣмъ и охватила весь міръ. Если вспомнимъ, что передъ этимъ персы уже похозяйничали въ греческихъ мало-азіатскихъ городахъ и въ осо-

*) Литтре, Медицина и Медики, пер. Цебрикой, 1873, стр. 3.

бенности въ Египтѣ, повидимому, не уступая Вандаламъ V вѣка, нашествія которыхъ въ Африку, вмѣстѣ съ войнами Велизарія, предшествовало Юстиниановой чумѣ, то можно допустить, что подобное предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго.

Аоины, центръ тогдашняго міра, по опредѣленію Перикла, пострадалъ болѣе всего также, какъ пострадалъ Константинополь при Юстиніанѣ или Римъ при Антонинѣ и Коммодѣ, подобно тому, какъ особенно страдали отъ чумы въ среднія вѣка итальянскія города, расположенные у подножія Альпъ, Генуя, Миланъ и проч., или Марсель, чрезъ который проходитъ сухопутный торговый путь изъ средиземнаго въ Сѣверное и Балтійское море, на которомъ такимъ же узловымъ пунктомъ, подвергавшимся чумѣ раньше всего и сильнѣе всего, былъ и нашъ Новгородъ, пока его торговое значеніе не упало— тогда и чума перестала его поражать съ прежней силой.

На западной половинѣ древняго міра, гдѣ Римъ вступилъ въ долгую и упорную борьбу за владычество съ Кароагеномъ, каждая продолжительная осада являлась очагомъ развитія и эпидемій. Такъ Діодоръ Сицилійскій оставилъ намъ исторію повальной болѣзни, которая господствовала въ 395 г. до Р. X. и извѣстна подъ названіями: Сиракузской чумы и болѣзни людей въ Сициліи. Вотъ ея характеристика, по описанію Лаверана, заимствованная имъ у Гезера ¹⁾.

Эпидемія эта появилась въ кароагенской арміи, которая подъ начальствомъ Гамилькара осаждала Сиракузы. Смертность была до того велика, что скоро стало невозможнымъ зарывать мертвыхъ. Діодоръ приписываетъ развитіе болѣзни зловонію отъ труповъ, соединявшемуся съ испареніями тинистой воды. У больныхъ появлялась опухоль шеи, затѣмъ жгучая лихорадка и дизентерія съ образованіемъ нарывовъ и пустулъ на различныхъ частяхъ тѣла; нѣкоторые больные бредили; они бѣгали во всѣхъ направленіяхъ по лагерю и били людей, которые имъ встрѣчались. Смерть наступала слишкомъ быстро, такъ что употребляемые средства не успѣвали подѣйствовать; ни одинъ больной не переживалъ пятихъ или шестыхъ сутокъ. Болѣзнь передавалась чрезъ соприкосновеніе.

Была ли это оспа, какъ говоритъ Краузе, или сыпной тифъ,

¹⁾ Haeser прямо приводитъ цитату изъ Діодора—кн. XIV, гл. LXX, LXXI; изданіе Тейбнера еще не окончено и въ немъ нѣтъ этой книги.

какъ думаетъ Гезеръ? Можетъ быть, Діодоръ подъ однимъ названіемъ описалъ нѣсколько одновременно существовавшихъ болѣзней, изъ которыхъ главныя были слѣдующія; болотная лихорадка съ злокачественными приступами, дизентерія и сыпной тифъ. Въ исторіи войсковыхъ болѣзней подобныя сложныя эпидеміи встрѣчаются нерѣдко; доказательствомъ можетъ служить венгерская болѣзнь и то, что въ прежнее время называли крымскою болѣзнию. Благодаря нашимъ большимъ знаніямъ о ходѣ и признакахъ болѣзней, мы можемъ теперь различить роли каждой болѣзни въ этихъ сложныхъ типахъ; но тѣмъ не менѣе и въ настоящее время подобное распознаваніе не всегда можетъ считаться легкою задачей.

Мы нарочно привели это описаніе Лаверана, чтобы можно было сопоставить его взглядъ о существованіи сложныхъ типовъ болѣзней съ идеями Пирогова; основныя точки зрѣнія обоихъ знатоковъ военныхъ болѣзней одинаковы, и это служитъ ручательствомъ за вѣрность ихъ взглядовъ; слѣдовательно, не рискуемъ ошибиться и мы, придавая такое важное значеніе смѣшанной инфекціи при возникновеніи очаговъ заразы.

Подобная же эпидемія повторилась и во время второй осады Сиракузъ, но уже римскими войсками въ 212 г., подъ начальствомъ консула М. Клавдія Марцелла; осада эта памятна еще и потому, что при взятіи Сиракузъ погибъ Архимедъ.

Эпидемія описана Ливіемъ, и хотя его описаніе сильно напоминаетъ описаніе Фукидида, тѣмъ не менѣе въ существенныхъ чертахъ оно, вѣроятно, оригинально и сходно съ описаніемъ Діодора. Приводимъ это описаніе Ливія тѣмъ охотнѣе, что англійскій врачъ Я. Джонсонъ, въ сочиненіи: „О горячкахъ вообще“, переведенномъ на русскій языкъ баронетомъ Я. Вилліе (въ его сборникѣ: „Практическія замѣчанія о чумѣ, составленныя главнымъ по арміи медицинскимъ инспекторомъ бар. Я. Вилліе“, Москва 1829 г., въ типографіи при Императ. Медико-Хирургической Академіи), приводитъ цитату изъ Ливія съ слѣдующей замѣткой: „Достоинъ вниманія, однако, что Ливій ¹⁾, описывая распространеніе эпидемической горячки, кажется, разрѣшилъ вопросъ, до сего времени служащій предметомъ сильныхъ споровъ, а именно, эндемическія горячки дѣлаются ли когда либо заразительными? Et primo temporis ac loci vitio et aegri erant, et moriebantur; postea curatio ipsa et contactus aegrorum vulgabat morbos“.

¹⁾ Въ подлинникѣ по ошибкѣ названъ Плиніемъ.

„Къ этому присоединились и бѣдствія отъ повальной болѣзни (pestilentia *λοιμός*), которая заставила обѣ враждующія стороны на время забыть о войнѣ. Ибо, благодаря осени и неблагоприятнымъ мѣстнымъ условіямъ (болота), которыя были гораздо хуже внѣ города, чѣмъ въ самомъ городѣ, невыносимый зной отражался крайне неблагоприятно на всѣхъ находящихся въ лагерѣ. Прежде всего стали заболѣвать и умирать вслѣдствіе вреднаго вліянія какъ времени года, такъ и мѣстности; затѣмъ болѣзнь приняла повальный характеръ, благодаря самому лѣченію и сношеніямъ больныхъ (postea curatio ipsa et contactus aegrorum vulgabat morbos), такъ что умирали одинаково какъ тѣ, которые были брошены безъ ухода и присмотра, такъ и тѣ, которыхъ навѣщали и ухаживали, но умирая сами, они уносили вслѣдъ за собой въ могилу и окружавшихъ, пропитавшихся той же болѣзнию (adsidentis curantisque eadem vi morbi repletos secum traherent); каждый день видны были похороны и смерть, и всюду день и ночь раздавались вопли; наконецъ, настолько свыклись съ бѣдствіемъ и настолько очерствѣли сердца, что не только стали провожать покойниковъ безъ слезъ и погребальнаго плача, но даже и не выносили мертвыхъ и не хоронили, а трупы лежали на глазахъ остальныхъ, ожидавшихъ такой же смерти, и ужасомъ, гнилью и зловоніемъ мертвые заражали больныхъ, а больные—здоровыхъ (Liv. XV, 26).

Не можемъ не привести опять словъ Пирогова, которыя могутъ дать намъ понятіе и о тѣхъ болѣзняхъ (pestilentia и pestis) какія могли наблюдать римляне во время осады на болотистой почвѣ. „Всего разительнѣе разнохарактерность и неопредѣленность формы представляютъ повальные болѣзни, сопровождающія продолжительную осадную войну, когда она ведется въ лихорадочной мѣстности и подвергаетъ солдатъ необыкновеннымъ лишеніямъ и изнуреніямъ тѣла. Такъ было въ Крыму. Тутъ я убѣдился, что эндемическая перемежающаяся лихорадка, малярія, и эндемическій катарръ кишечнаго канала, зависящій отъ мѣстныхъ условій (преимущественно, воды и почвы), составляютъ такъ сказать канву другихъ формъ болѣзней. Онѣ легко дѣлаются у пришлаго народоселенія повальными болѣзнями и въ военное время служатъ основаніемъ для разныхъ эпидемій и мiasmатическихъ болѣзней. Тогда, малярія, дизентеріи, тифы, страданія грудныхъ и брюшныхъ органовъ принимаютъ самыя уродливыя формы. Тутъ охотникамъ до номенклатуры представляется обширное поле дѣятельности. Въ такомъ патологическомъ калейдоскопѣ можно безпрестанно

отыскивать, и, если угодно, означать именами, новыя сочетанія фигуръ. Не удивительно, если люди при подобныхъ условіяхъ для каждой новой формы эпидеміи отыскиваютъ, по старой привычкѣ къ олицетвореніямъ болѣзней, и прозвища въ своихъ старыхъ календаряхъ. Я помню, какъ въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ затруднялись найти названіе для одной маленькой quasi эпидеміи, поразившей 16 или 17 кормилицъ воспитательнаго дома, сначала въ видѣ какой то необыкновенной холеры, а потомъ въ видѣ тифа съ нарывами на тѣлѣ. Вскрытіе ничего, кромѣ наклонности къ быстрому разложенію, не обнаружило. Оказалось, что вся болѣзнь, угрожавшая сдѣлаться повальною, произошла отъ испорченныхъ сеledокъ, которыми кормили въ дни великаго поста! Еще менѣе удалось бы втиснуть въ рамки какой бы то ни было номенклатуры тѣ формы эпидеміи, которыя являлись въ Крыму въ 54—55 годахъ. Тутъ, и при постели больного, и при вскрытіи, на одномъ и томъ же субъектѣ, можно было, ad libitum, прослѣдить и пятнистый тифъ съ кишечными язвами, и дизентерическій процессъ, и острогнойный отекъ мозговыхъ оболочекъ, и малярію, и даже нѣзію, не говоря уже о случайно присоединявшейся холерѣ¹⁾. Lancisi въ своемъ трудѣ, De Romani coeli qualitatibus, вышедшемъ въ началѣ XVIII в. (1711), на основаніи изученія римскихъ писателей, дѣлаетъ заключеніе, что, римлянамъ были извѣстны главнымъ образомъ различныя формы маляріи, которыя при неблагоприятныхъ условіяхъ развивались въ цѣлыя эпидеміи. Littré на основаніи изученія Гиппократата приходитъ къ подобному же заключенію относительно гиппократическихъ эпидемій.

Подводя итогъ, мы должны сказать, что древнимъ были хорошо знакомы свойства болотистой почвы и характеръ болѣзней, возникающихъ на ней; были знакомы также и мѣры, и способы борьбы съ такими болѣзнями,—такъ, было извѣстно, что эти болѣзни не передаются на большое разстояніе, а также значеніе инсоляціи и провѣтриванія, и на знаніи этихъ фактовъ основываются ихъ предупредительныя мѣры; то, что въ наше время называется оздоровленіемъ, есть въ сущности точная копія съ древнихъ санитарныхъ мѣропріятій. На заразительности, прилипчивости, кромѣ Фукидида, останавливаются особенно только римляне; имъ принадлежитъ и самый терминъ *контагіи*, котораго у грековъ не находимъ. Изъ контагіозныхъ болѣзней были хорошо извѣстны и по-

¹⁾ В. -вр. Д. Т. II, стр. 42.

важныя прилипчивыя болѣзни домашнихъ животныхъ; такъ, у одного римскаго же писателя, Columella, (о сельскомъ хозяйствѣ) мы находимъ указаніе и о способѣ зараженія и способахъ борьбы съ такими болѣзнями.

De re rustica, lib. 26, cap. 5: Когда чума нападаетъ на скотъ, необходимо тотчасъ же принять мѣры и, раздѣливши скотъ на нѣсколько частей, развести ихъ въ отдѣльныя мѣстности; сверхъ того необходимо отдѣлять больныхъ животныхъ отъ здоровыхъ, какъ можно тщательнѣе, чтобы одно больное животное не перезаразило остальныхъ. И отобравши такимъ образомъ больныхъ, необходимо отвести ихъ въ такія мѣста, гдѣ не пасется никакой другой скотъ, чтобы съ приводомъ своего не занести заразу другимъ.

Такія же указанія, изложенныя въ поэтической формѣ, находятся и у Вергилія въ третьей книгѣ Georgica (откуда между прочимъ и часто цитируемый стихъ:

Dira per incautum serpunt contagia vulgus);

такимъ образомъ, Лукреціи въ своей попыткѣ объяснить распространеніе эпидемій опирался на многолѣтнихъ наблюденій и опытъ. Въ чемъ его можно упрекнуть, такъ это въ томъ, что онъ, признавая зараженіе, считаетъ, однако, главнымъ посредникомъ въ распространеніи заразы воздухъ, а источникъ появленія заразы видитъ въ гніеніи; напротивъ, изъ совѣтовъ Варрона очевидно, что римлянамъ уже во 2 столѣтіи до Р. X. было хорошо извѣстно, что солнечныя лучи и провѣтриваніе являются лучшимъ средствомъ, уничтожающимъ заразу, а изъ указаній Columella вытекаетъ, что опытъ научилъ ихъ, что распространеніе заразы на разстояніе происходитъ путемъ непосредственной передачи отъ больного организма и что лучшимъ средствомъ къ ограниченію и прекращенію эпизоотій является изоляція и раздѣленіе, т. е. уже римляне намѣтили тотъ способъ борьбы съ различными болѣзнями, который нашъ XIX вѣкъ считаетъ своимъ открытіемъ и гордится имъ,—и повальныя болѣзни не въ состояніи противостоятъ римскому принципу: *divide et impera!*

Въ заключеніе мы должны коснуться вопроса, съ котораго мы начали наше изложеніе: есть ли эпидемія, какъ Афинская чума, причина гибели греческой культуры и самостоятельности, какъ признаетъ въ этомъ случаѣ Haeser, а за тѣмъ и Liebermeister, взглядъ котораго мы привели въ началѣ, или нѣтъ? Мы

не скрываемъ отъ себя всей серьезности, важности и сложности этого вопроса и охотно бы оставили его открытымъ, предоставивъ его рѣшеніе специалистамъ историкамъ; но, затронувши тему о древнихъ эпидеміяхъ, мы не считаемъ возможнымъ совершенно обойти молчаніемъ и уклониться отъ попытки отвѣтить на него.

Вполнѣ естественно, что врачи особенно настаиваютъ на роковомъ значеніи эпидемій; историки же, наоборотъ, склонны приписывать имъ второстепенное значеніе, почти не упоминая о нихъ. Гдѣ истина? Еще Периклъ, когда Аѳиняне, раздраженные неудачами, осыпали его горькими упреками за войну, начатую по его совѣту, — Периклъ отвѣчалъ имъ, что причина ихъ несчастій не война, а чума. И дѣйствительно, послѣ чумы Греція быстро клонится къ упадку, уступая свое первенство Македонской монархіи. Въ настоящее время историки смотрятъ иначе на ходъ событій. Предоставимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ историку Фриману. Вотъ что говоритъ онъ о судьбѣ Греціи (I. с. стр. 213).

„Одно изъ удобствъ болѣе разнообразнаго изученія исторіи состоитъ въ томъ, что оно позволяетъ намъ смотрѣть на тотъ или другой періодъ съ точки зрѣнія, совершенно отличной отъ точки зрѣнія людей, занятыхъ специальнымъ изученіемъ исторіи какой либо одной эпохи или одной страны. Я помню, какъ я узналъ изъ книги Финлея, что тотъ вѣкъ, который мы обыкновенно считаемъ самымъ славнымъ вѣкомъ греческой исторіи, V вѣкъ до Р. Х., былъ, собственно говоря, вѣкомъ упадка Греціи; я помню также, какъ я былъ смущенъ этимъ открытіемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ вѣкъ былъ величайшимъ вѣкомъ исторіи *Аѳинъ* и что очень разнообразныя причины заставляютъ насъ иногда принимать исторію Аѳинъ за исторію *всей Греціи*.

„Но Геродотъ ясно понималъ то, чего мы иногда не можемъ понять. Онъ понималъ, что во всемірной исторіи вѣкъ персидскихъ войнъ для греческаго народа, разсѣяннаго по всему міру, былъ вѣкомъ упадка. Уже то обстоятельство, что персидская война велась въ предѣлахъ Греціи доказываетъ это. Этотъ фактъ самъ по себѣ доказываетъ, что тогда начался процессъ, не кончившійся до сихъ поръ, продолжительный и мрачный процессъ, исторію котораго рѣшился написать Финлей, процессъ „Исторіи Греціи подъ чужеземнымъ владычествомъ“.

„Для доказательства положеній Финлея достаточно сказать, что уже въ то время Милетъ началъ стонать подъ игомъ варвара. Были два періода, когда греческое влияніе было особенно широко

распространеннымъ; одинъ изъ этихъ періодовъ древнѣе, а другой позднѣе той блестящей эпохи, которую мы обыкновенно изучаемъ. Болѣе древній періодъ есть и болѣе великій — это было время, когда Эллада расширяла свои границы собственными силами безъ всякой чужой помощи; это было время, когда эллинская колонизація вездѣ разносила не только эллинскую рѣчь и эллинское искусство, но и еще болѣе высшее благо — свободную политическую жизнь Эллады. Въ позднѣйшій періодъ эллинская рѣчь и эллинское искусство распространилось больше, чѣмъ они были распространены раньше, но вмѣстѣ съ ними уже не распространялась политическая жизнь Эллады.

„Внѣшнее могущество Греціи перешло отъ нея въ руки королей эллинизированныхъ странъ; мы переходимъ отъ эллинской колонизаціи къ македонскому завоеванію.

„Ни въ одинъ изъ этихъ періодовъ вы не найдете въ самой старой Греціи всей энергіи греческой жизни.

„Самый блестящій изъ періодовъ древней Греціи — это періодъ средній между двумя вышеупомянутыми періодами, и его то мы обыкновенно и изучаемъ; но онъ былъ самымъ блестящимъ періодомъ только потому, что границы Эллады сузились, благодаря нашествію побѣдоносныхъ варваровъ, и потому, что старая Греція съ новой энергіей поднялась для мести за свои колоніи и для спасенія себя самой отъ возможнаго рабства.

„Греція V вѣка до Р. Х. похожа на Римъ IV вѣка послѣ Р. Х. Ея борьба, главнымъ образомъ оборонительная; она рѣдко приобретаетъ новыя позиціи, такъ какъ ей стоитъ не малаго труда защититъ и старыя; она одерживаетъ побѣды, она приобретаетъ территоріи; но эти побѣды одержаны надъ угрожающими ей пришельцами, а эти территоріи только отбиты изъ-подъ власти этихъ пришельцевъ. Дѣятельность Кимона и Агезилая походитъ скорѣе на дѣятельность Галерія и Валентиніана, чѣмъ на дѣятельность тѣхъ завоевателей совершенно новыхъ государствъ, которые сдѣлали Сицилію греческой землей, а Галлію римской.

„Персы угрожали превратитъ всю восточную половину Эллады въ часть міроваго государства. Правда, ихъ царь — *Василевъ* былъ отраженъ отъ береговъ старой Эллады; въ одно время онъ былъ вынужденъ удалить свои корабли и войска отъ эллинскимъ береговъ Азіи; но уже то обстоятельство, что его приходилось прогонять оттуда, указывало, съ какимъ врагомъ нужно было теперь бороться Греціи.

„На нѣкоторое время Фивы сдѣлались союзниками, а Аонны—беззащитной жертвой повелителя Сузы и Экбатаны. Во всякомъ случаѣ, персы разрушили Элладу на берегахъ Азіи; даже въ самой Европѣ они играли роль властелина; не прошло ста лѣтъ со времени битвы при Саламинѣ и по Антилкидскому міру греческіе города Азіи и Кипра были формально признаны принадлежащими царю персовъ“.

Въ этой характеристикѣ и аоннская чума является въ новомъ свѣтѣ; если сила эпидеміи дѣйствительно сломала Грецію, то это была не насильственная смерть въ полномъ разцвѣтѣ здоровья, а смерть дряхлаго организма, умирающаго естественной смертью. И если эпидеміи впоследствии сломали Римскую имперію, то вѣдь не уничтожили же онѣ варваровъ, какъ и черная смерть XIV в. не смела съ лица Европы современные націи. Не въ этомъ ли лежитъ причина, почему историки удѣляютъ такъ мало вниманія эпидеміямъ? Та же точка зрѣнія примѣнима и къ большимъ эпидеміямъ въ Римской имперіи.

Историки отмѣчаютъ тотъ фактъ, что Юстиніанова чума является послѣднимъ звѣномъ въ рядѣ эпидемій, поражавшихъ міръ въ эпоху упадка Римской имперіи; ей предшествуютъ три эпидеміи, носящія названія—чумы Орозія (въ 125 г. до Р. Х.), чумы Антонина (164—180 по Р. Х.) и чума Кипріана съ 251 по 266 г. по Р. Х.

Къ упадку нравовъ, говоритъ Воас, ускорившему паденіе западной Римской Имперіи, присоединились непрерывныя, безрезультатныя, по большей части даже несчастныя войны и ихъ слѣдствія: уменьшеніе народонаселенія, упадокъ земледѣлія и вслѣдствіе того голодъ; вооружилась и сама природа: землетрясенія слѣдовали за землетрясеніями, уничтожая цвѣтушіе города; посѣвы гибли то отъ необычайныхъ наводненій, то отъ палящаго зноя и засухи; то появлялись тучи саранчи, истреблявшей всю растительность и своимъ гніеніемъ распространявшей ужасный смрадъ. Древніе народы и античная культура поражались этими ударами все чаще и чаще; одно зло рождало другое, еще худшее; наконецъ, стали появляться опустошительныя повальныя болѣзни: особенно поражаютъ три міровыя эпидеміи, такъ называемая чума Орозія, Антонина и Кипріана, страннымъ образомъ описанныя не врачами (Воас, Grundriss der Geschichte der Medicin, 1876 г., стр. 146).

Эти эпидеміи, по своей интенсивности, представляютъ одинъ возрастающій рядъ; всего замѣчательнѣе, что вмѣстѣ съ ними,

рука объ руку, все болѣе и болѣе усиливается политическое и социальное замѣшательство, доходящее въ эпоху Юстиніановой чумы до степени положительнаго хаоса.

Во время образованія имперіи весь извѣстный тогда міръ дѣлается Римскимъ, Римъ и міръ, orbis terrarum и orbis Romanus являются синонимами. Въ это время имперія достигаетъ наибольшаго могущества и въ правленіе ряда такъ называемыхъ хорошихъ императоровъ, отъ Августа до Марка Антонина, пользуется дѣйствительно покоемъ и благоустройствомъ.

Первая изъ упомянутыхъ эпидемій—чума Орозія, названная такъ по имени карфагенскаго епископа, написавшаго въ V вѣкѣ свои *Historiae adversus paganos*; названіе это нельзя считать правильнымъ, такъ какъ эпидемія эта имѣла мѣсто еще во времена республики, въ 125 г. до Р. Х., и Орозій, отдѣленный отъ нея пятью вѣками, оставилъ намъ ея описаніе, взятое имъ изъ погибшихъ и недошедшихъ до насъ книгъ Ливія. Эпидемія эта возникла въ Африкѣ, на развалинахъ разрушеннаго римлянами Карфагена; если она была дѣйствительно роковою, то только для африканскихъ государствъ—Карфагена и Нумидіи, уничтоживъ остатки ихъ населенія и облегчивъ римлянамъ занятіе края.

Слѣдующая эпидемія была роковою уже для римлянъ; но и царствованіе Антонина напоминаетъ до извѣстной степени эпоху пуническихъ войнъ, когда рѣшался вопросъ, быть или не быть Риму. Германцы—какъ-то: Маркоманы, Квады, Вандалы, Сарматы и Свевы—на сѣвѣрѣ, кромѣ того, Паряне на востокѣ обступаютъ имперію со всѣхъ сторонъ; во все царствованіе Марка происходятъ непрерывныя передвиженія войскъ, съ востока на сѣверъ и съ сѣвера на востокъ, то противъ Парянъ, то противъ Тевтоновъ. Паряне разбиты, но походъ противъ нихъ дорого обошелся римлянамъ, такъ какъ въ Селевкии, на Евфратѣ, римляне вмѣстѣ съ побѣдой получили „чуму“, почти уничтожившую ихъ легіоны. Германскія племена также побѣждены, но, побѣжденные, они въ сущности побѣдители—ибо чего они добиваются: поселенія въ предѣлахъ имперіи—они получаютъ; а становясь въ ряды римскихъ легіоновъ и дѣлаясь защитниками имперіи, они начинаютъ смотрѣть на нее, какъ на свое достояніе.

Во время Галленовой или Кипріановой чумы „побѣжденные“ опустошаютъ и грабятъ побѣдителей, разгуливая по имперіи. При Юстиніанѣ Вандалы пробрались уже въ Африку; западная римская имперія разграбленная и разоренная Готами и Вандалами,

окончательно дѣлается достояніемъ варваровъ; попытки Юстиниана вернуть утраченныя области только усиливаютъ и безъ того уже невозможный хаосъ и чума изъ Пелузіума, какъ результатъ персидской войны, разливается широкимъ потокомъ по всему міру, и только, когда міръ подѣленъ былъ между Византіей, Тевтонами и Сарацинами и установилось относительное равновѣсіе, Европа отдыхала отъ чумы, до тѣхъ поръ пока Азія не выслала въ XIV стол. новыхъ дикихъ ордъ, уничтожившихъ послѣдніе остатки Римской имперіи—имперіи Палеологовъ—и на развалинахъ Византіи и калифатовъ Сарацинъ водворились турки и чума. Prosper Alpinus, посѣтившій въ концѣ XVI вѣка Египеть, и, слѣдовательно, лично ознакомившись съ положеніемъ вещей, сообщаетъ, что главнѣйшими очагами, откуда разносится чума, является Египеть, Сирія, Греція и въ особенности Варварійское побережье, нѣкогда цвѣтушая греческая колонія Киренаика, превратившаяся въ развалины подъ вліяніемъ нашествія номадовъ и особенно турокъ; въ то же время эти страны являются и очагомъ губительныхъ лихорадокъ. Впрочемъ и въ Европѣ было не многимъ лучше: чума особенно свирѣпствовала въ болотистыхъ низменностяхъ Ломбардіи, долины Рейна и Дуная, въ Голландіи и Добруджѣ и въ прибрежной болотистой полосѣ Балтійскаго побережья, у насъ въ Новгородскомъ краѣ. Центральная Россія, по отзыву барона Герберштейна, автора записокъ о Московіи, отличалась далеко болѣе здоровымъ климатомъ и была сравнительно свободна отъ чумы.

Африканская чума (будемъ такъ называть чуму Орозія) поразила Африку въ 125 г. до Р. X. (M. Plantio Nypsaeo M. Fulvio Flacco consulibus въ 629 г. отъ основанія Рима). При описаніи этой чумы Орозій пользовался какъ источникомъ Т. Ливіемъ, который былъ все-таки ближайшимъ современникомъ къ описываемой эпохѣ, нежели самъ Орозій, такъ какъ Ливій умеръ въ 17 г. по Р. X. (родился въ 59 г. до Р. X.), а Орозій писалъ свои *Historiae adversus paganos* въ 417 г. по Р. X. и, слѣдовательно, отдѣленъ отъ этой чумы промежуткомъ въ 540 лѣтъ. Haeser въ двухъ изданіяхъ своей *Geschichte der epidemischen Krankheiten* по недосмотру отнесъ эту эпидемію къ 125 г. *no* Р. X.; недосмотръ этотъ вошелъ въ учебники, какъ *Grundriss* Воаъа, а изъ Баса и въ *Исторію медицины* Ковнера, и неправильная дата такимъ образомъ повторяется, не смотря даже на явное противорѣчіе съ текстомъ цитаты: именно въ описаніи чумы говорится, что Нумидіей управлялъ царь Мициспа, отецъ Югурты, виновника извѣстной

Югуртинской войны; какъ извѣстно, съ 49 г. до Р. X. Нумидійское царство уже прекращаетъ свое существованіе, обращенное Юліемъ Цезаремъ въ провинцію Новая Африка; битва при Утикѣ, въ которой палъ Катонъ Утичскій—„послѣдній римлянинъ“, была и концомъ Нумидійскаго царства, послѣдняго оплота римскихъ республиканцевъ¹⁾. Воаъ въ указателѣ, приложенномъ къ его книгѣ, самого Орозія относитъ даже ко второму вѣку, при чемъ предупреждаетъ, что случайныя опечатки, встрѣчающіяся въ текстѣ, въ указателѣ всѣ исправлены.

Въ консульство Марка Плавція Гипсея и Марка Фульвія Флакка, такъ передаетъ Орозій, едва Африка успокоилась отъ военныхъ кровопролитій, какъ послѣдовалъ ужасный и необычайный моръ. Всю Африку несмѣтными массами покрыла саранча, поѣла не только всѣ травы и часть корней, древесные листья и молодые побѣги, но не оставила даже и горькой коры и сухихъ деревьевъ и отняла тѣмъ всякую надежду на урожай. Потомъ вдругъ была подхвачена внезапнымъ вѣтромъ, долго носилась по воздуху цѣлыми тучами, пока не потонула въ Африканскомъ морѣ. Прибой волнъ выбросилъ на берегъ на широкомъ пространствѣ несмѣтныя кучи мертвой саранчи и отъ гніенія ея стало распространяться нестерпимо отвратительное и неимоверно гибельное зловоніе. Вслѣдъ затѣмъ начался повальнй моръ между всѣми живыми существами и загнившіе трупы птицъ, домашнихъ и дикихъ животныхъ, разлагаясь въ испорченномъ воздухѣ, еще болѣе усиливали его злокачественность. А каковъ былъ моръ между людьми, я самъ весь содрогаюсь, передавая этотъ рассказъ: такъ въ Нумидіи, гдѣ былъ царемъ Мициспа, погибло, по свидѣтельству историковъ, 800 тысячъ человекъ, въ приморской полосѣ, прилегающей къ карфагенскому и утичскому берегу,—болѣе 200 тысячъ, у самаго города Утики истреблены всѣ 30 тысячъ солдатъ, командированныхъ туда для охраны всей Африки. Эта эпидемія вспыхнула такъ внезапно и была такъ жестока, что, какъ рассказываютъ, подъ Утикой за одинъ день только изъ однихъ воротъ лагеря вынесено болѣе 1500 человекъ изъ тѣхъ молодыхъ людей“ (*Orosius, Hist. lib. V, cap. 11*).

Такимъ образомъ область превратилась въ безлюдную пустыню, и, чтобы Карфагенъ окончательно не превратился въ мерзость запустѣнія, Римскій сенатъ въ слѣдующемъ году принужденъ былъ

1) Фриманъ, *Истор. Геогр.* стр. 47.

переселить въ Африку семейства римскихъ гражданъ и возобновить Карфагенъ. Нѣтъ никакихъ указаній, которыя могли бы подтвердить тотъ взглядъ, что чума Орозія была дѣйствительно чумой, занесенной изъ Эіопіи; вѣрнѣе всего допустить, что это была обычная для римлянъ эндемо-эпидемія малярійнаго свойства, подготовленная убійственной войной. Не лишены интереса замѣчанія Орозія, который проводитъ параллель между эпохой быстрого усиленія римскихъ завоеваній и современной ему эпохой, когда Римляне терпѣли тоже самое отъ Готовъ (въ V в. по Р. X.). „Я знаю, — такъ начинается Орозій пятую книгу своихъ исторій противъ язычниковъ, высказавши въ концѣ четвертой книги мнѣніе, что единственной виной Карфагенянъ, за которую они такъ жестоко заплатились, было ненасытное властолюбіе Рима, — я знаю, говоритъ онъ, что многіе могутъ вознегодовать на мои слова, такъ какъ римскія побѣды становятся все чаще и чаще, правда, цѣной гибели многихъ народовъ и государствъ. Однако, если тщательно взвѣсить, то найдутъ въ этомъ больше вреда, чѣмъ пользы, ибо нельзя же такъ ни во что ставить столько войнъ и союзническихъ, и междоусобныхъ, и противъ рабовъ, съ мимолетными и даже ничтожными результатами, но стоившихъ столько бѣдствій. Да, насколько счастлива побѣда для Рима, настолько несчастливо пораженіе для всего, что не Римъ! Чего стоятъ эта капля успѣха, требующаго такихъ успій, — успѣха, въ которомъ видятъ залогъ счастья одного города среди такой громады несчастія другихъ городовъ, и ради котораго систематически разрушается цѣлый міръ? И если эти времена признаются такими счастливыми, такъ какъ возрасли средства одного города, не будетъ ли вѣрнѣе признать ихъ самыми несчастными, такъ какъ много цвѣтущихъ народовъ влачатъ теперь жалкое существованіе и пали могущественнѣйшія царства? Или можетъ быть не то было съ Карфагеномъ? Сто двадцать лѣтъ трепеталъ онъ и бѣдствій войны, и условій мира и, прибѣгая то къ мятежнымъ попыткамъ, то къ унижительнымъ мольбамъ, переходилъ отъ мира къ войнѣ и отъ войны къ миру, пока не превратился наконецъ въ одинъ костеръ, въ который въ безпредѣльномъ отчаяніи бросались несчастные граждане.

Глодаетъ и Испанія свой приговоръ: — цѣлыхъ двѣсти лѣтъ орошали испанцы поля свои собственной кровью; когда же не будучи въ состояніи ни прогнать, ни удовлетворить непрощенаго гостя, безъ стѣсненія заглядывавшаго въ каждый домъ, жители, обезсиленные войнами, истощенные осадами и голодомъ, въ отчаяніи

стали во всѣхъ своихъ городахъ и селеніяхъ убивать своихъ женъ и дѣтей, чтобы не видать ихъ бѣдствій, и потомъ самихъ себя — что говорила тогда Испанія о временахъ этихъ побѣдъ?

Пусть выскажется, наконецъ, сама Италія, почему въ теченіе 400 лѣтъ она спорила съ римлянами, сопротивлялась, воевала, если ихъ счастье не было ея несчастьемъ?

Не буду спрашивать у безчисленныхъ народовъ, прежде свободныхъ, теперь порабощенныхъ, лишенныхъ родины, проданныхъ въ рабство, что предпочли бы они себѣ, что думаютъ они о римлянахъ и объ этихъ временахъ? (Oros. lib. V, cap. I).

Развѣ мягче обращались римляне съ нашими предками (Орозій самъ изъ Карфагена), чѣмъ съ нами самими теперь готы?“

Мы потому воспользовались этой характеристикой Орозія, что она очень живо передаетъ слѣдствіе римскихъ побѣдъ и состояніе окраинъ римской имперіи, положеніе которыхъ ухудшалось соотвѣтственно росту римскаго могущества, а это подготовляло вторженіе новыхъ враговъ Рима и открывало широкую дорогу для варваровъ и эпидемій.

Свидѣтельство Орозія о слѣдствіяхъ постоянныхъ войнъ, веденныхъ римлянами, подтверждается и новѣйшими историками.

Мы ограничимся здѣсь лишь замѣчаніемъ, заимствованнымъ изъ „Исторіи умственнаго развитія Европы“ Дрепера:

Плутархъ справедливо говорилъ, что римляне женились не для того, чтобы имѣть наслѣдниковъ, но для того, чтобы сдѣлаться наслѣдниками. Во время Цезаря, правительство нашло необходимымъ вмѣшаться и дѣйствительно установило премію за бракъ. Цезарь награждалъ женщинъ, у которыхъ было много дѣтей; заирецалъ женщинамъ, у которыхъ до 45 лѣтъ не было дѣтей, носить брилліанты и пользоваться носилками, надѣясь исправить зло такими лишеніями общественныхъ правъ.

Дѣло шло все хуже и хуже, такъ что Августъ, въ виду всеобщаго стремленія избѣгнуть законнаго брака и жить въ конкубинатѣ съ невольницами, вынужденъ былъ опредѣлить наказаніе холостымъ, постановивъ, что они могутъ получать наслѣдства по завѣщанію только отъ родственниковъ. Отравленіе было возведено въ систему.

Необходимымъ слѣдствіемъ распространенія границъ Рима путемъ завоеваній было исчезновеніе этническаго элемента, составившаго настоящій Римъ. Небольшая горсть людей предприняла завоеваніе побережья Средиземнаго моря и успѣла въ этомъ. Но

при этомъ она разсѣялась на необъятномъ географическомъ пространствѣ и необходимо затерялась въ массѣ, съ которой смѣшалась. Съ другой стороны, упадокъ Италіи приводится системой рабства, и разрушеніе Рима совершилось еще прежде, чѣмъ коснулись до него варвары. Тотъ, кто изслѣдуетъ причины распаденія римской имперіи, найдетъ отвѣтъ на свой вопросъ въ томъ положеніи, до котораго дошли римляне (т. I, стр. 218, 220).

Что варвары должны были придти на смѣну классическому міру, тотчасъ же послѣ того, какъ римляне овладѣли всѣмъ міромъ, именно во II в. по Р. Х., по той же самой причинѣ, по которой *natura abhorret vacuum* — природа не терпитъ пустоты, видно уже изъ того, что императорамъ приходилось переселять въ разныя провинціи множество іудеевъ, извѣстныхъ своею плодотворностью, для пополненія убыли все рѣдѣвшаго населенія, и добровольно отказываться отъ своей власти на окраинахъ; а такъ какъ смѣна однихъ племенъ другими не могла происходить безъ насилій, безъ войнъ, то слѣдствіемъ движенія варваровъ и было появленіе такихъ грандіозныхъ пандемій, которыми такъ изобилуетъ конецъ существованія римской имперіи (см. *Oros. Hist., lib. VII, cap. 12, 27; Eutrop., lib. VIII, Dio Cassius, excerpta Xiphilini; Фриманъ, I. с., лекція вторая и третья, стр. 223—259*).

Діонъ Кассій, между прочимъ, передаетъ, что въ началѣ германскихъ войнъ одно племя появилось у границъ имперіи, требуя себѣ денегъ и отвода земли для поселенія; позже другія племена уже свободно разгуливали по имперіи, отыскивая сами себѣ, гдѣ имъ поселиться, и отмѣчая свой путь кровью, грабежемъ и пожарами.

Оглядываясь на древнія эпидеміи, мы видимъ, что описаніе ихъ на столько общи и неопредѣленны, что новѣйшіе авторы, несмотря на все остроуміе, не могутъ согласиться въ томъ, за что въ дѣйствительности слѣдуетъ признавать каждую изъ нихъ. Даже сравнительно точнѣе другихъ описанная Оукидидомъ афинская чума подала поводъ къ многочисленнымъ догадкамъ. При такихъ условіяхъ для смѣлыхъ предположеній, дѣйствительно, широкое поле; если авторъ хочетъ видѣть осну, то онъ ее и находитъ; другой, повидимому, съ неменьшимъ правомъ, усматриваетъ даже сифились.

Вотъ причина, почему мы уклонялись отъ попытки діагностировать эти эпидеміи, а вмѣсто этого обратили значительно большее вниманіе на тѣ условія, при которыхъ эти эпидеміи возникали.

Стараясь ближе вникнуть въ эти условія, мы естественно приходимъ къ заключенію, что точка зрѣнія военныхъ врачей, какъ Пироговъ, Лавранъ болѣе согласуется съ дѣйствительностью, что она скорѣе объясняетъ намъ и причину разногласій историковъ. Если большая часть древнихъ эпидемій развивалась при условіяхъ военнаго времени, то необходимо допустить и значительное сходство древнихъ эпидемій съ новѣйшими, появившимися въ эпохи войнъ, и къ древнимъ эпидеміямъ приложима та же точка зрѣнія. Такимъ образомъ, мы и приходимъ къ выводу, что большинство историческихъ эпидемій лучше всего объяснимы съ точки зрѣнія Пирогова, — вотъ причина, почему мы и взяли эниграфомъ нашей работы его слова.

Съ другой стороны, обширный періодъ, обнимаемый древними эпидеміями, позволяетъ, какъ мы смѣемъ думать, сдѣлать и нѣсколько общихъ заключеній о причинахъ ихъ возникновенія и ихъ роли въ исторіи и жизни народовъ.

Ограничиваясь одними только новѣйшими эпидеміями, начиная съ XVII вѣка, мы не можемъ избѣжать одного кореннаго недостатка. Не будемъ говорить уже о томъ, что эти наблюденія, какъ бы они ни были неизмѣримо точнѣе предшествовавшихъ, тѣмъ не менѣе обнимаютъ лишь ограниченный періодъ времени, — ясному сужденію о нихъ препятствуютъ и практикуемые въ самомъ широкомъ размѣрѣ предупредительныя санитарныя мѣры. Мы видѣли, что Гиршъ приписываетъ исчезновеніе чумы карантинной системѣ, другіе, напротивъ, отводятъ ей гораздо меньшее значеніе; этотъ горячій споръ не разрѣшенъ и до сихъ поръ. Относительно же древнихъ эпидемій можно признать, что онѣ вспыхивали и угасали свободно, не сдерживаемыя усилями человѣка. Несмотря на всѣ пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ о древнихъ эпидеміяхъ, послѣдняя ихъ особенность даетъ возможность извлечь изъ ихъ изученія нѣкоторые не бесполезные выводы. Если ихъ распространеніе не сдерживалось искусственно, дезинфекціей или карантинами, и онѣ могли постоянно разноситься совершенно свободно, — и если тѣмъ не менѣе періоды пандемій смѣнялись періодами, свободными отъ нихъ, то мы должны придти къ заключенію, что въ распространеніи эпидемій, кромѣ несомнѣнно существующаго запаса заразы должны существовать и другіе могущественные факторы, которые въ состояніи въ одно время усилить вирулентность разносимыхъ заразы до *maximum'a*, и другое время понизить ее до почти полного отсутствія. Что такое предположеніе не заключаетъ въ

себѣ чего либо произвольнаго, видно уже изъ того, что и изслѣдователи современныхъ намъ эпидемій высказываютъ подобные же взгляды. Вотъ, на примѣръ, какъ смотритъ на дѣло Gottstein (за сѣданіе Гуфеландов. Общ.).

Съ точки зрѣнія контагіонистовъ, заразные болѣзни развиваются только путемъ заноса ихъ специфическихъ зародышей и никакихъ другихъ причинъ, кромѣ этого спеціальнаго возбудителя, для нихъ не требуется. Другое основное положеніе этого ученія, логически вытекающее изъ перваго, заключается въ законѣ неизмѣняемости болѣзнетворныхъ видовъ. На этомъ законѣ зиждется все зданіе контагіонистовъ, и оно должно пасть вмѣстѣ съ нимъ. Но если возможность превращенія одного вида бактерій въ другой должна считаться недоказанной, то съ другой стороны, экспериментальными работами послѣднихъ 10 лѣтъ выяснилось, что контагіонистическое ученіе нуждается въ существенныхъ дополненіяхъ, приближающихъ его къ точкѣ зрѣнія, господствовавшей раньше этого времени. Мы знаемъ теперь, что „болѣзнетворное дѣйствіе“ каждаго микроорганизма опредѣляется двумя факторами, его вредоносностью (т. е. количествомъ производимыхъ имъ ядовъ) и степенью устойчивости организма. Оба фактора подлежатъ сильнымъ колебаніямъ, вредоносность микроорганизма можетъ быть ослаблена или усилена искусственными средствами; она увеличивается отъ прохожденія бациллы чрезъ другой организмъ, а главное, отъ *совмѣстнаго существованія* (симбіоза) съ другими видами. Послѣднее извѣстно подъ названіемъ *смѣшаннаго зараженія*, подъ которымъ нужно разумѣть то, что специфическая бактерія только тогда способна породить свойственную ей болѣзнь, когда въ сожителствѣ съ другимъ видомъ она пріобрѣтаетъ должную степень вредоносности. Этотъ взглядъ высказанъ Коух и Jersin относительно дифтерита, Vaillard—относительно столбняка и Пенцкимъ въ примѣненіи холеры.

Относительно дифтерита Gottstein приходитъ къ заключенію, что эндемической дифтеритъ можетъ развиваться и не отъ контагія, а *самобытно*, хотя и при содѣйствіи дифтеритной палочки.—И вотъ къ этому-то выводу приводитъ, по нашему мнѣнію, и изученіе исторіи эпидемій, этотъ взглядъ объясняетъ намъ и вспышку эпидемій и ихъ произвольное угасаніе, и именно въ этомъ смыслѣ особенно настаивалъ Пироговъ на значеніе скученности населенія, какъ главнѣйшаго фактора, благопріятствующаго усиленію заразительности, какъ переносомъ заразы съ одного организма на другой, такъ и образованіемъ смѣшанныхъ зараженій.

Если мы допустимъ, такимъ образомъ, что въ основѣ эпидемій лежитъ патологическій хаосъ повѣтрій и заразы, по выраженію Пирогова, то многія темныя стороны въ исторіи эпидемій разъясняются болѣе удовлетворительно, нежели при помощи такого предположенія, будто чума не была извѣстна въ древнемъ Египтѣ потому, что тогда трупы умершихъ бальзамировались. Современные эпидеміи протекаютъ значительно мягче, септическихъ осложненій являются скорѣе исключениями, а прежде они были правиломъ и обязательнымъ спутникомъ. Занесенію въ организмъ заразныхъ началъ способствовали въ военное время раненія, и даже въ мирное — кровопусканія и оперативныя пособія. Хирургія стояла на самой низкой ступени развитія. Въ трактатахъ о чумѣ XVI, XVII и даже XVIII вѣка очень подробно говорится о дезинфекціи помѣщеній, мебели, одежды, о необходимости дезинфицировать деньги и даже получаемый врачами гонораръ; но мы нигдѣ не могли найти указаній, чтобы было обращено серьезное вниманіе на необходимость дезинфицировать инструменты и перевязочныя матерьялы, и только Амбруазъ Паре впервые сталъ настаивать на важности хирургіи.

Вотъ почему мы позволяемъ себѣ высказать увѣренность, что смѣшанная инфекция—*Mischinfection*, роль которой въ настоящее время признается все болѣе и болѣе, въ отдаленныя эпохи играла еще болѣе важную роль. Когда войны велись въ Сиріи, являлась чума; когда театръ военныхъ дѣйствій перенесенъ въ Индію, Европа познакомилась съ холерой.

Въ новѣйшее время значеніе смѣшанной инфекции признается даже по отношенію къ холерѣ; не говоря уже объ изслѣдованіяхъ Мечникова *), мы укажемъ, что правительственный отчетъ объ эпидеміи 1892 года во Франціи констатируетъ фактъ, что заболѣванія холерой появлялись болѣе всего тамъ, гдѣ гнѣздились дифтеритъ, тифъ, дизентерія и даже бугорчатка **). Значеніе смѣшанной инфекции для усиленія злокачественности дифтерита можно считать доказаннымъ. А если взглядъ на значеніе смѣшанныхъ инфекцій справедливъ, то онъ объясняетъ намъ, почему именно войны являются преимуще-

*) *Annales de l'Institut Pasteur*, 1894, № 8.

**) *Recueil des travaux du Comité consultatif d'Hygiène publique de France*, T. XXII, 1894 г. (реф. въ В. О. Г. № 12); отчетъ приходитъ также къ заключенію, что широкое помѣщеніе больныхъ въ госпитали было одною изъ причинъ слабаго сравнительно развитія холеры въ Парижѣ.

щественно разсадникомъ грандіозныхъ эпидемій, и почему эпидеміи являются какъ разъ въ тѣ эпохи, когда свѣжія расы смѣняются старая, отжившія. Мы не можемъ касаться здѣсь тѣхъ интимныхъ причинъ, которыя приводятъ къ старости историческія націи; укажемъ лишь, что этотъ вопросъ съ полной опредѣленностью поставленъ Dr. Ammon'омъ въ его сочиненіи „Die natürliche Auslese beim Menschen“, 1893 г. На основаніи антропологическихъ изслѣдованій онъ дѣлаетъ выводъ, что старость націй обуславливается вымираніемъ длинноголоваго элемента населенія; съ вымираніемъ этого элемента энергія націи падаетъ, и она дѣлается добычей свѣжихъ, болѣе энергичныхъ народностей *). Конечно, эта смѣна происходитъ далеко не мирнымъ путемъ, и этотъ раздѣльный рубежъ омрачается и войнами, и эпидеміями.

Изъ своей работы мы вынесли убѣжденіе, что только разсматривая исторію эпидемій, какъ одно цѣлое съ общей исторіей, можно придти къ правильному заключенію о причинахъ появленія пандемій и ихъ роли въ жизни народовъ,—вотъ почему мы и настаиваемъ, что за статистическими изслѣдованіями и лабораторными измеканіями не должно забывать и сравнительно - историческій методъ, въ важности котораго такъ убѣждалъ Hecker. По мы не могли убѣдиться въ происхожденіи пандемій подъ вліяніемъ катастрофъ во внѣшней природѣ **); собранныя нами данныя приводятъ скорѣе къ заключенію, что эти пандеміи представляютъ собой обратную сторону процесса, ближе изслѣдованнаго Dr Ammon'омъ.

*) Ср. особенно главы VI и XII.

**) „Kosmischer Ursprung und folgenreiche krampfhaftige Regung der unteriegender Völker sind die hervortretenden Seiten, auf welche die Geschichte bei allen Weltseuchen hinweist. Der Natur genügt nicht der gewöhnliche Wechsel von Leben und Tod, und über Menschen und Thiere schwingt der Würgengel sein flammendes Schwert... Dies alles aber geschieht nach einem viel grösseren Maasstabe, als durch den gewöhnlichen Wechsel von Krieg und Frieden, durch das Emporkommen oder den Fall der Reiche, weil die Naturkräfte selbst die Seuchen hervorbringen, und den menschlichen Willen unterjochen: der in den Kämpfen der Völker allein hervortritt“. Hecker, l. c., 22, 23.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Мы полагаемъ, что не будетъ излишнимъ сообщить свѣдѣнія объ авторѣ первой „Исторіи Медицины въ Россіи“ и его трудѣ. Рихтеръ самъ въ 3 т. своей исторіи (стр. 371—372) сообщаетъ о себѣ слѣдующій Curriculum vitae:

„Изъ находящихся въ живыхъ вынѣшнихъ (1820 г.) медицинскихъ профессоровъ должны быть упомянуты слѣдующіе:

Докторъ Вильгельмъ Михайловичъ Рихтеръ, дѣйств. ст. сов. лейбъ-медикъ двора Е. И. Величества и орд. св. Владиміра 3 й ст. и св. Анны 2 класса кавалеръ, нынѣ заслуженный профессоръ повивальнаго искусства, родился въ Москвѣ 28 ноября 1767 г. и съ 1779 г. воспитывался въ гимназій ревельской. (Отецъ его Михаилъ Рихтеръ былъ въ 1767 году профессоромъ гимназій ревельской, оттуда приглашенъ 1763 г. пасторомъ въ старую Евангелико-Лютеранскую церковь въ Москвѣ и занималъ сей санъ 37 лѣтъ). По возвращеніи оттуда 1782 г. вступилъ студентомъ въ медицинскій факультетъ М. У., а по окончаніи курса врачебнаго отправленъ въ началѣ 1786 года въ Германію, Францію, Англію, Голландію, для усовершенствованія себя въ медицинѣ и приуготовленія въ будущіе профессора повивальнаго искусства въ геттингенскихъ и берлинскихъ повивальныхъ госпиталяхъ. По окончаніи медицинскихъ наукъ, онъ получилъ степень доктора и, возвратившись въ Россію, опредѣленъ 26 іюля 1790 года въ профессора повивальнаго искусства при Московскомъ Университетѣ. Сверхъ того занималъ съ 1795 до 1806, по препорученію бывшей медицинской коллегіи, должности профессора при наставленіи повивальныхъ бабокъ и Градскаго главнаго Московскаго акушера, а съ 1801 до 1807 г. директора новоучрежденнаго Повивальнаго

Института при Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ. Съ 1810 г. отправляетъ должность президента Физико-медицинскаго Общества. Въ 1818 г. по случаю благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Ея И. В. Г. и Великой княгини Александры Ѳеодоровны былъ всемилостивѣйше пожалованъ въ лейбъ-медики двора Е. И. Величества. По истеченіи 28 лѣтъ въ должности профессора былъ утвержденъ въ томъ же году декабря 31 дня въ званіи заслуженнаго профессора и директора Акушерскаго Института“.

Происхожденіе труда Рихтера связано съ именемъ старѣйшаго изъ нашихъ медицинскихъ Обществъ, именно Физико-медицинскаго, коего Рихтеръ былъ предсѣдателемъ. По его инициативѣ Физико-Медицинское Общество, чрезъ попечителя сенатора Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, испросило въ 1811 г. у министра народнаго просвѣщенія графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго позволеніе воспользоваться всѣми уцѣлѣвшими тогда рукописями, хранившимися въ Государственномъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, медицинской конторѣ и монастыряхъ, при чемъ собраніе источниковъ и составленіе исторіи, доведенной до 1761 года, было возложено на Рихтера. Въ предувѣдомленіи къ третьему тому Рихтеръ такъ выражается о своихъ розыскахъ источниковъ: „Довольно уже предстояло мнѣ труда собрать всѣ матеріалы, въ древнихъ рукописяхъ, официальныхъ актахъ и Государственныхъ архивахъ уцѣлѣвшіе. Матеріалы сіи, подобно разбросаннымъ развалинамъ зданія, чрезъ многія столѣтія разрушавшагося, должно было, приведя въ порядокъ, предложить въ совокупности для возобновленія забытой старины въ приличномъ ей видѣ“.

Исторія издана сначала на нѣмецкомъ языкѣ, и уже съ нѣмецкаго подлинника въ 1814 была переведена первая часть, а въ 1820 году вторая и третья—проф. Николаемъ Андреевичемъ Бекетовымъ, которому Ф. М. Общество и поручило этотъ трудъ.

Многихъ цѣнныхъ бумагъ, которыя должны бы были находиться въ Московской Медицинской Конторѣ, въ Архивѣ прежней медицинской канцеляріи, Рихтеру не удалось розыскать; часть ихъ сгорѣла въ 1812 году, а часть была вытребована архіатеромъ Фишеромъ еще въ 1735 году въ Петербургъ, съ цѣлью воспользоваться ими для историческихъ изысканій; для той же цѣли изъ медицинской конторы посланы были въ 1801 году, по приказу гр. Васильева, еще многія историческія рукописи. Какая судьба постигла всѣ эти рукописи, неизвѣстно. (И. М. II, 5 стр., пр.).

Предисловіе свое къ первому тому Рихтеръ заканчиваетъ слѣ-

дующими словами: „Авторъ, предлагая публикѣ плоды трудовъ своихъ, ласкается, что стараніе его представить въ точность событія, почерпнутыя изъ столь вѣрныхъ источниковъ, удостоится благосклоннаго вниманія просвѣщенной публики. Онъ ожидаетъ сего тѣмъ съ большей надеждой, чѣмъ менѣе до него сдѣлано было въ этомъ родѣ другими писателями, и чѣмъ, слѣдовательно, мрачнѣе былъ путь, который надлежало ему себѣ прокладывать“.

Но, къ сожалѣнію, намъ приходится отмѣтить тотъ фактъ, что работы по исторіи медицины у насъ не пользуются особеннымъ расположеніемъ; по крайней мѣрѣ редакція Архива Судебной Медицины на 134 стр. перевода Исторіи повальныхъ болѣзней Гезера въ 1866 году сообщаетъ, что „она употребила всѣ усилія, чтобы найти какого либо русскаго врача для обработки тѣхъ мѣстъ подлинника, которыя касаются повальныхъ болѣзней въ Россіи, но всѣ старанія ея были тщетны“. Переводчикъ сообщаетъ кромѣ того на стр. 98, прим., что онъ не могъ провѣрить и по лѣтописямъ приводимыхъ Гезеромъ цитатъ, почему ему и приходится эти цитаты переводить обратно съ нѣмецкаго на русскій языкъ. А между тѣмъ вотъ къ какому выводу приходитъ, напримѣръ, проф. А. Павловскій въ своемъ предисловіи къ очерку Д. Павловской: „Холерные годы въ Россіи“: — „Авторъ показалъ, наконецъ, что у насъ есть своя исторія холеры, съ огромнымъ фактическимъ матеріаломъ чрезвычайной цѣнности, свой историческій опытъ, который выше и цѣннѣе западнаго. Авторы, ссылающіеся у насъ лишь на факты холерной эпидеміи на Западѣ,—въ Гамбургѣ, Мюнхенѣ и др.—забыли о ходѣ холеры въ Астрахани, Саратовѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ“...

И тѣмъ болѣе странно, что авторъ позабылъ въ литературномъ указателѣ упомянуть капитальную монографію о холерѣ Пирогова: Патологическая анатомія азиатской холеры, изъ наблюденій надъ эпидемією господствовавшей въ Россіи въ 1848 году, Сиб. 1850. — монографію, о которой съ уваженіемъ отзывался и Вирховъ. (Ges. Abhandl).

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Историческое изученіе повальныхъ болѣзней необходимо для всесторонняго выясненія причинъ возникновенія эпидемій и господствующихъ на нихъ взглядовъ,

2. Связь между войнами и эпидеміями, на что указываетъ большинство историковъ и лѣтописцевъ, лучше всего объясняется съ точки зрѣнія Н. И. Пирогова.

3. Отмѣченный историками фактъ появленія пандемій въ переходныя эпохи исторіи, легче всего объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ эти эпохи происходили непрерывныя войны.

4. Главнѣйшимъ заразнымъ очагомъ на Старомъ Континентѣ въ историческія времена была Сирія, гдѣ не разъ рѣшался споръ между Европой и Азіей.

5. Первые ясныя представленія о заразныхъ началахъ мы находимъ у Римлянъ (Varro, Lucretius); въ эпоху Возрожденія эти идеи были подробно развиты Fracastoro (1546); окончательное экспериментальное доказательство представлено Pasteur'омъ.

6. Въ возникновеніи эпидемій, среди другихъ условій, главную роль играетъ скученность населенія, въ уничтоженіи же патогенныхъ микроорганизмовъ наиболѣе дѣятельное участіе принимаетъ солнечный лучъ.

7. Грудной возрастъ не иммуненъ по отношенію къ дифтериту.

8. Туберкулезъ у грудныхъ дѣтей чаще всего наблюдается какъ слѣдствіе внѣутробнаго зараженія bac. tuberculosis изъ вдыхаемаго воздуха, чрезъ легкія, въ которыхъ и констатируются первичные очаги.

Того же автора:

1. Возврънiя классическаго мiра на епидемiи и борьба съ ними. 1893 г.
2. Нѣкоторые пороки развитiя легкихъ у новорожденныхъ. (Сообщ. на IX Създѣ Естеств. и Врачей въ 1894 г.).
3. Нѣкоторые аномалiи мочевыхъ и половыхъ органовъ у дѣтей (Сообщ. въ Обществѣ Патол. Анат.).
4. Три случая отсутствiя легкихъ у новорожденныхъ. (Сообщ. въ Обществѣ Дѣтск. Врачей).
5. По поводу дезинфекцiи дегтемъ. (Сообщ. въ Общ. Охр. Нар. Здр.).
6. О необходимости радикальной борьбы съ туберкулезомъ домашнихъ животныхъ (докладъ въ Ком. Импер. Общ. Акклиматизаци).
7. Uterus bicornis duplex на 5 мѣс. беременности (въ Общ. Патол. Анат.).
8. Случай неполнаго извращенiя положенiя внутренностей у ребенка. (Сообщ. въ Физико-Медиц. Общ.).